

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Братский государственный университет»

В.Н. Максимова
С.В. Ковригина
В.В. Кудряшов

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Учебное пособие

Братск
Издательство Братского государственного университета
2019

ББК 63
УДК 94

Максимова В.Н., Ковригина С.В., Кудряшов В.В. История Сибири: учеб. пособие. – Братск: Изд-во БрГУ, 2019. – 270 с.

ISBN 978-5-8166-0506-9

В учебном пособии рассматриваются ключевые проблемы развития Сибирского суперрегиона с момента освоения его первыми человеческими общностями и до настоящего времени.

Предназначено для самостоятельной работы обучающихся по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» профиля «История» и рекомендовано обучающимся по профилю «Право» при изучении дисциплины «История Сибири».

Рецензент **Н.Н. Наумова**, канд. ист. наук, доцент
(ФГБОУ ВО «БрГУ», г. Братск)

Печатается по решению редакционно-издательского совета

ISBN 978-5-8166-0506-9

© ФГБОУ ВО «БрГУ», 2019
© Максимова В.Н., Ковригина С.В.,
Кудряшов В.В., 2019

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплина «История Сибири» способствует расширению исторического кругозора обучающихся через познание основных этапов становления и развития Сибири с древнейших времен до наших дней. Ознакомление с политической, социальной, экономической и культурной жизнью одного из крупнейших регионов России углубляет теоретические знания, полученные при изучении курса отечественной истории, конкретизирует представления обучающихся об особенностях проявления различных исторических процессов и явлений в специфическом регионе.

В ходе изучения дисциплины решаются следующие задачи:

- овладение знаниями об истоках, условиях формирования и актуальных направлениях в исследованиях истории Сибири;
- освоение общенаучных принципов и методик, необходимых для изучения локальной истории, особенно в социокультурной сфере;
- приобщение обучающихся к разработке краеведческих исследований, связанных с государственными программами по выявлению и сохранению культурного и природного наследия.

В результате изучения дисциплины, обучающиеся должны приобрести знание важнейших событий, процессов и явлений отечественной истории в их взаимосвязи и хронологической последовательности; умение применять эти знания при формировании ценностных ориентиров в ходе ознакомления с исторически сложившимися культурными, религиозными, этнонациональными традициями.

Кроме того, обучающиеся должны овладеть общепрофессиональными знаниями, элементарными методами исторического познания, навыками работы с различными источниками исторической информации.

Овладению методическими и фактологическими аспектами курса способствуют помещенные в приложение к учебному пособию справочные материалы.

1. СИБИРЬ В ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ

1.1. Геополитическое положение Сибири

Территория Сибири, площадью 12836,9 тыс. км² (87 % территории современной России), простирается от Урала до Тихого океана. Естественными границами Сибири на севере служат берега Северного Ледовитого океана, на юге – Казахский мелкосопочник, с запада Сибирь ограничена Уральским хребтом, на востоке граница проходит по горным хребтам тихоокеанского водораздела (береговая линия Тихого океана к Сибири не относится).

В природном отношении Сибирь делится на Западную и Восточную, в пределах которых расположены Западно-Сибирская равнина, Среднесибирское плоскогорье, горы Южной Сибири, Саяно-Алтайское нагорье, Забайкалье, Приамурье, Приморье и система горных хребтов на северо-востоке Сибири.

Западно-Сибирская равнина является одной из самых больших на планете низменных равнин. Площадь ее составляет около 3 млн км². По территории равнины протекает около 2000 рек, самые большие из которых Обь и Иртыш, находится большое количество озер и болот. Север равнины занимает тундра с характерными особенностями арктического, мохового и лишайникового ландшафтов. На юге северной зоны равнины господствуют ландшафты кустарниковой лесотундры, елово-лиственничных редколесий и болот. Центральная часть Западно-Сибирской равнины занята зоной хвойной тайги. Таежная зона Сибири достигает ширины более 2000 км. Западная часть тайги представлена в основном темнохвойными лесами, восточная – светлохвойной тайгой. На юге этой обширной зоны произрастают небольшие массивы мелколиственных лесов (береза, осина). Более 50 % территории этой зоны приходится на болота. Зоны лесостепей и степей занимают пространство на юге равнины.

Климат Западно-Сибирской равнины определяется как континентально-циклонический. На его формирование оказывает влияние континент, с одной стороны, и Атлантический океан – с другой, что приводит к интенсивной трансформации воздушных масс с большой повторяемостью антициклонального типа погоды и к значительной годовой и суточной амплитудам температуры. Характерной особенностью климата является большая межсуточная изменчивость температуры воздуха.

Сибирское плоскогорье (ок. 3,5 млн км²) в северо-западной части представлено горами Путорана. Это наиболее высокая часть плоскогорья. Горы Путорана рассечены цепочками глубоких и длинных озер и реками. В западной части Путорана произрастают елово-березо-лиственничные леса. В восточной части распространены кустарничковые лиственничные редколесья. Фауна представлена дикими баранами, дикими северными оленями, соболями, горностаями, песцами, водоплавающими птицами, куропатками. Реки богаты рыбой. На севере Среднесибирское плоскогорье граничит с тундрами Таймырского полуострова и с самыми северными в мире материковыми горами Бырранга. В суровых климатических условиях Севера обитают стада диких оленей, волки, песцы, горностаи, зайцы. Летом наблюдается обилие птиц.

Наиболее высокогорной областью Сибири является Горный Алтай. В центральном Алтае находятся самые высокогорные хребты – Катунский, Северо-Чуйский и Южно-Чуйский. Гребни этих хребтов характеризуются резкими горно-ледниковыми формами. Климат Алтая отличается прохладой и влажностью, в высокогорьях он становится холодным.

В высокогорье Алтая известно около 1500 ледников. Реки Алтая питаются главным образом талыми водами и летними дождями. Для региона характерно весенне-летнее половодье. Таяние ледников поддерживает высокий уровень воды в реках летом.

Наиболее влажные, западные и северо-восточные районы Алтая занимает тайга, с преобладанием сибирской пихты, кедра, ели, сибирской лиственницы. В Западном Алтае преобладают березово-осиновые леса. Верхний пояс горно-лесной зоны занимает субальпийское редколесье с преобладанием пихты и кедра. Леса поднимаются до высоты 1800...2000 м. Выше господствует горнолуговая зона. В предгорных и низкогорных районах распространены степи. Животный мир степей Алтая сходен с фауной Западно-Сибирской равнины и Центрального Казахстана. Фауна горнотаежной зоны Алтая представлена медведем, рысью, лисицей, сободем, горностаем, колонком, белкой, маралом. Много видов таежных птиц.

От Алтая до Прибайкалья, южнее Среднесибирского плоскогорья, в виде гигантской подковы простираются Саянские горы. Они подразделяются на Западные и Восточные Саяны. Саянские горы богаты древними озерами, крупнейшее из которых – Агульское –

в верховьях р. Агул достигает длины 12 км при глубине 102 м. Горные условия речной сети Саян способствовали образованию многочисленных водопадов. Климат Саян суровый. Средняя температура июля варьирует от +6 до +16. Зимой температура опускается до -40.

Западное побережье оз. Байкал в Прибайкалье обрамляет Байкальский хребет, переходящий к югу в таежные низкогорья Приморского хребта. На севере Байкала высятся вершины Баргузинского хребта, отделенного от Икатского хребта степной Баргузинской котловиной. По юго-восточному побережью Байкала протягивается хребет Улан-Бургасы, южнее его – высокогорья Хамар-Дабана и Хангарульского хребта. В Прибайкалье преобладает альпийская форма рельефа. Много водопадов, ледниковых озер. Климат Прибайкалья океанический, сходный своими чертами с климатом побережья Охотского моря.

Область к востоку от Байкала занимают разделенные котловинами и долинами низкогорья и среднегорья Забайкалья. Климат Забайкалья суровый, резко-континентальный. Летом температура воздуха достигает +38...+40, зимой -55...-57. Снега выпадает мало. Он сильно испаряется в связи с повышенной радиацией. Забайкалье расположено у южной границы вечной мерзлоты. Северные склоны гор покрыты травянокустарничковой лиственничной тайгой. Южные склоны заняты степями, в самых высоких частях горы покрыты сосняками или мелколиственничными лесами. В сухих участках Забайкалья и на юго-востоке распространены полные степи. Фауна Забайкалья преимущественно монгольского типа и имеет много общего с фауной пустынь Средней Азии. В недавнем прошлом в Забайкалье обитали куланы и горные бараны. Характерными домашними животными являются як и двугорбый верблюд.

Значительную площадь Приамурья занимают горы. Климат этой части Сибири характеризуется обилием осадков, большая часть которых приходится на вторую половину лета. Склоны гор Западного Приамурья покрыты лиственничной тайгой. К востоку появляются темнохвойные деревья. Произрастают невысокие ели и пихты, много сухостоя и валежника, обилие густых зарослей кедрового стланика, ольхи, рододендрона. На Малом Хингане обильно представлена маньчжурская флора (корейский кедр, монгольский дуб, амурская липа, клены, ясень). Распространены болота (мари),

где на глубине 50...60 см встречается вечная мерзлота. В ландшафтах Приамурья сочетается суровость севера и пышность юга.

На северо-востоке Сибири находятся два больших горных образования – Верхоянский хребет (горная система, включающая целый ряд горных хребтов), один из самых крупных и мощных на северо-востоке Азии, и хребет Черского. На правобережье р. Колымы простирается Юкагирское плоскогорье, граничащее на юго-востоке с Колымским нагорьем, северо-восток занимает Анюйский хребет, Анадырское плоскогорье и Чукотское нагорье. Климат этого региона суровый. Лето короткое и холодное. Зимняя температура в Верхоянске и Оймяконе опускается до отметки – 68...–69. Территория северо-восточной Сибири относится к области вечной мерзлоты. Количество ледников в горах превышает 650. Ландшафт представлен горной редкостойной тайгой, каменисто-лишайниковой и кустарниковой тундрой, лиственничными редкостойными лесами, зарослями кедрового стланика и ольхи, высокогорной каменистой пустыней.

Климат большей части Сибири континентальный, подвержен влиянию Атлантики. Ближе к востоку и северо-востоку влияние Атлантики ослабевает. Лето сравнительно короткое, теплое. Средняя температура летом +5 на севере Сибири, +25 в ее степных районах. Зима долгая и холодная. Температура зимой колеблется от –16 до –22 на территории Западной Сибири, и от –45 до –55 в районах Якутии. Флора Сибири разнообразна, представлена тундровыми, лесотундровыми, таежными и степными видами растений. Фауна Сибири образует зоны арктической пустыни и тундры, лесотундры, тайги и степей. Она представлена белым медведем, моржом, тюленем, северным оленем, песцом, бурым медведем, рысью, лосем, росомахой, горностаем, белкой, волком, бобром, куницей и др. видами животных. Большое разнообразие таежной, тундровой и арктической птицы.

Сибирь воистину богатейший край не только России, но и планеты Земля. Сибирь – неотъемлемая часть России, на которой более 3/4 природных ресурсов страны, в том числе свыше 90 % угольных и 60 % гидроэнергетических запасов, 70 % леса, богатые месторождения нефти и газа, золота, алмазов, цветных и редких металлов; традиционное богатство – пушнина.

Сибирь – это и крупнейший интеллектуальный потенциал, созданный трудом поколений великого народа, регион развитой эко-

номики, науки и культуры на востоке страны. Сибирь – это и нравственная вершина Отечества, рельефно проявившаяся в годы Великой Отечественной войны.

Сибирский лес составлял основную часть экспорта Союза в 30–40-е гг.; сибирские нефть и газ с 70-х гг. донныне дают стране нефтедоллары. До сих пор большое значение имеет пушной сибирский промысел. Можно констатировать справедливость предвидения Михаила Ломоносова, что могущество России прирастет Сибирью. Только прирастание это было колониальным, по сути, грабительским. Изъять ресурсы, ничего не дав развитию культуры Сибири, – такова была и остается суть хозяйственного освоения сибирских просторов. Культура малых народов Сибири практически исчезла, и сами они на грани выживания.

В настоящее время население Сибири насчитывает более 30 млн человек. При этом подавляющее его большинство составляют потомки выходцев из Европейской России и других регионов, бывших Российской империи и Советского Союза, представляющие различные этнические типы, культуры и религии.

Аборигенное население Сибири насчитывает менее 1 млн человек. В этническом отношении оно принадлежит к монголоидной расе, а лингвистически делится на шесть языковых групп:

- тюркская группа (самая многочисленная) – татары, якуты, тувинцы, хакасы, алтайцы, шорцы, долганы, тофалары;
- монгольская группа – буряты;
- тунгусо-маньчжурская группа – эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), нанайцы (гольды), ульчи, удэгейцы, орочи, ороки, негидальцы;
- самодийская группа – ненцы, нганасаны (тавгийцы), энцы, селькупы (остяко-самоеды);
- угорская группа – ханты (остяки), манси (вогулы);
- палеоазиатская группа – чукчи, коряки, кеты, алеуты, юкагиры, эскимосы, нивхи (гиляки), ительмены (камчадалы).

1.2. Основные этапы историографии Сибири

Самым могучим сибирским ресурсом является «неправильная история» Сибири. «Неправильность» сибирской истории задал Г.Ф. Миллер, определивший Сибирь землей неисторической, то есть лишенной какого-либо исторического процесса. Согласно

данной концепции, состояние сибирской культуры оставалось одинаковым в веках и тысячелетиях. Позже «неправильность» сибирской истории была значительно усугублена представлениями о нескольких кризисах культуры, обусловивших преимущественно регрессивный характер исторического развития Сибири.

Первый кризис культуры позднего железного века был описан академиком В.В.Радловым в «Сибирских древностях» (вып. 1-3, СПб., 1888–1894 гг.) и характеризовался уменьшением курганов, исчезновением земледелия, общим упадком культуры.

Другой, мезолитический, кризис культуры был определен академиком А.П. Окладниковым. По мнению ученого, кризис выразился в исчезновении больших жилищ, многолюдных поселков, жизнерадостного богатого искусства.

Позже сибирскими археологами неоднократно описывалась регрессивная линия развития в области производства керамики (ранняя керамика эпохи бронзы гораздо более изящнее поздней керамики эпохи железа) и в области металлургии (к моменту прихода в Сибирь казаков Ермака здесь, несмотря на повсеместно распространенные горы железного шлака, навыки литейного и кузнечного дела местными народами были почти окончательно утрачены).

В традиционной исторической версии принято считать, что нормальный исторический процесс начался в Сибири с освоением региона русскими.

1.3. Сибирь в «каменном» и «бронзовом» веках

В плейстоцене Северной Азии отмечено развитие пяти оледенений:

- шайтанского (500...400 тыс. лет от наших дней);
- самаровского (280...200 тыс. лет);
- тазовского 160...130 тыс. лет);
- зырянского (100...55 тыс. лет);
- сартанского (25...10 тыс. лет).

Первое оледенение (нижнеплейстоценовое) сопоставляется по классической альпийской шкале с миндельским оледенением Западной Европы, два последующих (среднеплейстоценовых) – с рисским и два последних (верхнеплейстоценовых) – с вюрмом. Между оледенениями выделяются теплые межледниковые этапы:

тобольский (300 тыс. лет), ширтинский (200...160 тыс. лет), казанцевский (130...100 тыс. лет) и каргинский (55...25 тыс. лет).

Средний палеолит. *В ледниковую эпоху климат Сибири был холодным и сухим. Недостаток влажности препятствовал накоплению мощных снежных и ледяных толщ. Поэтому ледники здесь не имели таких огромных размеров, как в Европе. По окраинам ледника на сотни километров простирались обширные тундростепи, переходящие южнее в лесостепь. В межледниковое время климат значительно теплел и увлажнялся. Таяли ледники, тундра перемещалась на север. Господствующее положение в растительном покрове занимали темнохвойные и широколиственные леса. На бескрайних сибирских просторах паслись многочисленные стада травоядных животных: мамонтов, шерстистых носорогов, северных оленей, бизонов, диких лошадей. В таких природных условиях начиналось освоение первобытным человеком Сибири. Но природа – не просто фон, на котором разворачивалась древнейшая история сибирских племен, а необходимая материальная основа их существования, из которой человек черпал все необходимые жизненные ресурсы – пищу, одежду, жилища, тепло, свет. Время первоначального заселения южных районов Сибири, по последним данным, определяется второй половиной среднего плейстоцена (тазовское и казанцевское время). В археологическом отношении ему соответствует конец ашеля – начало мустье в рамках раннего (нижнего) палеолита.*

Носителем позднеашельских и мустьерских традиций был неандертальский человек – Homo neandertalensis. Основой его хозяйства являлась охота, ставшая надежным и главным источником существования. Относительное несовершенство охотничьего вооружения во многом компенсировалось как обилием плейстоценовой фауны, так и коллективными формами охоты. Охотились преимущественно на мамонтов, носорогов, лошадей, оленей. Наряду с охотой широко распространено было собирательство. Растительная пища занимала немалое место в рационе древних людей.

Ведение коллективного охотничье-собирательского хозяйства, совместное проживание в пещерных убежищах требовали от палеоантропов достаточно развитой социальной организации, существования естественного разделения труда по полу и возрасту, определенных норм распределения продуктов питания, упорядоченного полового общения. Все это заставляет думать, что

в мустье, как и в позднем ашеле, люди жили социально, сплоченными коллективами-общинами, в которых постепенно, к концу раннего палеолита, складывались родовые отношения.

Верхний палеолит. *Между сорока и тридцатью тысячами лет назад начался новый этап в развитии каменного века – поздний (верхний) палеолит. С его началом связано появление человека современного физического типа – неантропа.*

Технические открытия и усовершенствования, ускоряя общие темпы развития человеческого общества, вместе с тем отчетливее проявили местные различия в развитии первобытной культуры. По особенностям каменного инвентаря (форме изделий, техническим, приемам их оформления) археологи устанавливают территориально-хронологические группировки позднепалеолитических памятников, выделяя их в особые археологические культуры.

Наиболее яркими позднепалеолитическими памятниками Сибири являются стоянки Мальта и Буреть в Приангарье. Это связанные единством культуры долговременные поселения с прочными жилищами-полуземлянками, сооруженными при помощи костей крупных животных, дерева и каменных плит. Для каменной индустрии характерны, призматические нуклеусы; острия, проколки, резак, резчики и ножи, изготовленные из пластинок, а также скребки и долотовидные орудия из отщепов. Отличительной чертой мальтинско-буретской культуры является высокоразвитое палеолитическое искусство: вырезанные из бивня мамонта и кости женские статуэтки с подчеркнутыми признаками пола (часть из них изображена одетыми в меховую одежду типа комбинезона), фигурки летящих и плывущих птиц, различные орнаментированные украшения.

Мезолит. *Мезолит (средний каменный век) – новый прогрессивный этап истории человечества. Начало мезолита в целом совпадает с началом современной геологической эпохи – голоцена. Около 10 тыс. лет назад с окончательным отступлением ледника происходят кардинальные изменения климата, ландшафта и животного мира. В конце палеолита и в период мезолита человек постепенно заселил всю Сибирь. Мамонты и шерстистые носороги – основные объекты охоты древних людей – откочевывали все дальше на север в поисках корма, а за ними были вынуждены идти на север и люди.*

В период мезолита произошло совершенствование орудий труда. Человек изобрел лук и стрелы, рыболовный гарпун, стал лучше обрабатывать изделия из камня. Так, в связи с распространением лесов в результате глобального потепления, древние жители Сибири стали использовать каменные топоры и тесла.

Неолит. *Новая историческая эпоха – неолит (новокаменный век), начавшаяся в Сибири 7-6 тыс. лет назад, совпадает с так называемым климатическим оптимумом голоцена. На большей части территории Сибири широко распространились леса, богатые зверем и птицей. Полноводные реки изобиловали рыбой. Климат был значительно теплее и мягче современного. Сибирская природа в эпоху новокаменного века благоприятствовала жизнедеятельности первобытных охотников и рыболовов. И не случайно именно в это время человек осваивает самые отдаленные уголки Северной Азии.*

Эпоху неолита принято называть временем неолитической революции. В неолите лишь население Дальнего Востока наряду с охотой и рыболовством начинает заниматься земледелием. На остальной части Сибири экономика на всем протяжении неолитической эпохи оставалась присваивающей. Сказывались удаленность от первичных очагов производящего хозяйства и менее благоприятные природные условия. Однако отсутствие «революционных» изменений в экономике не исключало прогресса охоты и рыболовства, технологии изготовления орудий труда. Повсеместное распространение получило эффективное охотничье оружие – лук и стрелы. Продуктивное сетевое рыболовство во многих районах становилось ведущей отраслью хозяйства, позволившей перейти к относительно оседлому образу жизни. Население самых отдаленных сибирских регионов осваивает новые приемы обработки камня: шлифовку, сверление, пиление. Одним из основных орудий становится шлифованный каменный топор для освоения лесных территорий, появляется глиняная посуда. Именно эти хозяйственные и технологические достижения составляют историческое содержание сибирского неолита.

Хронологические рамки неолитической эпохи различны для отдельных регионов Сибири. Начавшись 7-6 тыс. лет назад, неолит в III–II тысячелетиях до н.э. почти везде сменяется эпохой раннего металла, но на Чукотке и Камчатке продолжается вплоть до I тысячелетия до н.э.

За три тысячелетия неолитической эпохи человек полностью освоил всю территорию Северной Азии. Неолитические поселения обнаружены даже на Арктическом побережье. Многообразие природных условий от Урала до Чукотки в значительной степени предопределило сложение различных культурно-хозяйственных комплексов, соответствовавших конкретным ландшафтно-климатическим условиям таких регионов, как Западная, Восточная и Северо-Восточная Сибирь, Дальний Восток. В рамках этих своеобразных историко-этнографических областей новокаменного века формируются многочисленные археологические культуры, отмеченные единством территории, хозяйства, основных типов орудий и керамики.

В пределах Западной Сибири археологи выделяют несколько археологических культур: восточноуральскую – в лесном Зауралье и прилегающих районах Западной Сибири, среднеиртышскую – в среднем течении Иртыша, верхнеобскую – в лесостепном Приобье.

Наличие в Западной Сибири долговременных поселений с полупещерами свидетельствует об оседлости неолитического населения. Большое количество орудий охоты и обработки добычи говорит о значительной ее роли в местной экономике. Основным объектом охоты был лось, и это нашло свое отражение в изобразительном искусстве. Образ лося воплощен и в мелкой пластике Зауралья, и в каменных гравюрах Томской писаницы. По всей видимости, в основе этих изображений лежала первобытная охотничья магия.

Естественно-географическая граница, отделяющая Западную Сибирь от Восточной, почти во все времена была культурно-этническим рубежом. В эпоху неолита к востоку от Енисея складывается огромный, протянувшийся до Тихого океана массив археологических культур, близких по хозяйственному укладу и, возможно, родственных по происхождению. Наиболее полно исследованы неолитические памятники Прибайкалья. Региональная периодизация прибайкальского неолита, разработанная А. П. Окладниковым, стала опорной для всей Восточной Сибири.

В ранне-неолитической исаковской культуре (IV тысячелетие до н. э.) еще ощущаются палеолитические традиции, но шлифованные тесла, двусторонне обработанные наконечники стрел и глиняная посуда придают исаковским комплексам вполне неолитический

облик. В эпоху развитого неолита исаковская культура сменяется серовской. Сменившие серовцев носители китойской культуры (вторая половина III тысячелетия до н. э.) унаследовали от своих предшественников приемы изготовления и крашения керамики, но несколько переориентировали свое хозяйство, что отразилось и в производственном инвентаре. Постоянные поиски дичи заставляли прибайкальцев вести полукочевой образ жизни. У них не было долговременных поселений и жилищ типа западносибирских полуземлянок. На оставленных ими стоянках археологам удастся отыскать лишь многочисленные кострища и следы легких переносных жилищ типа чума. Близкие к прибайкальцам по культуре и образу жизни племена обитали в Якутии.

Крайние северо-восточные районы Сибири в эпоху неолита долго оставались областью распространения пережиточных мезолитических традиций. Лишь во II–I тысячелетиях до н. э. северо-восточные неолитические культуры (тарьинская на Камчатке и северочукотская на Чукотке) приобретают вполне развитый вид. Появляются первые глиняные сосуды, шлифованные топоры и разнообразные, тонко обработанные сплошной ретушью каменные ножи, и скребки, наконечники стрел и копий.

Третья обширная историко-культурная область неолитических культур занимала территорию Дальнего Востока. Подобно тому, как в сибирскую природу здесь вклиниваются южные биогеоценозы, так в традиционный для Сибири уклад охотников и рыболовов в конце неолитической эпохи начинают проникать элементы производящей экономики, связанной происхождением с более южными культурами. Зачатки земледелия зафиксированы и в Приморье, и в Приамурье, но наиболее полно процесс развития хозяйства неолитических культур исследован в бассейне Среднего Амура.

Древнейшая местная культура, названная новопетровской, относится к раннему неолиту и датируется V–IV тысячелетиями до н. э. Аналогичные изменения произошли и в хозяйстве населения Приморья. Для местных поздненеолитических поселений характерны не только тёрочки и зернотерки, но и плечиковые мотыжки для обработки земли, шиферные серпы полулунной формы.

Возникновение земледелия на Дальнем Востоке обусловило появление хозяйственной специализации между земледельцами Приморья и Среднего Приамурья и их соседями на Нижнем Амуре, оставшимися на уровне традиционного присваивающего хозяйства.

Неолитическая культура зарождается на Нижнем Амуре в V–IV тысячелетиях до н. э. и продолжается до середины II тысячелетия до н. э. От соседних культур ее отличают своеобразные орудия труда и особенно керамика. Неолитические рыболовы Приамурья имели не только сети и невода, но изобрели и древнейшую в мире блесну в виде вогнутой пластинки из нефрита.

Неолитическим культурам Приморья и Приамурья при всем их разнообразии присущ ряд общих черт. Дальний Восток – это мир оседлых людей, живущих деревнями, в прочных постоянных жилищах типа полуземлянок.

Экономической основой такого образа жизни было продуктивное рыболовство. Именно в неолите здесь формируется хозяйственно-культурный тип оседлых рыболовов, сохранившийся у многих амурских народностей до этнографической современности. Эффективное амурское рыболовство обеспечивало не только оседлость, но и незначительный рост народонаселения. А эти факты (прочная оседлость, значительная плотность населения) при наличии в Приморье и Среднем Приамурье плодородных земель сыграли определенную, если не решающую роль в усвоении местным населением распространявшегося с юга ручного (мотыжного) земледелия.

Сложившиеся в Сибири хозяйственные комплексы, своеобразие которых в значительной степени определялось различиями природной среды, в свою очередь предопределили особенности социальной организации древних обществ. Палеосоциологический анализ поселений, жилищ и могильников позволяет установить численность и характер производственных коллективов неолитической эпохи. У полуоседлых охотников тундры и восточносибирской тайги это были экономически самостоятельные семьи и объединения нескольких семей численностью до 21...25 человек. У рыболовов и земледельцев Дальнего Востока существовали крупные (до 50 и более человек), объединённые совместным добытием пищи, коллективы. Именно в таких крупных трудовых коллективах сложилась четкая родовая организация. Связанные общим происхождением и экзогамными обычаями, семейно-хозяйственные и родовые коллективы объединялись в племена – высшую социально-территориальную организацию неолита.

В неолитическую эпоху в Сибири сложились не только культурно-хозяйственные, но и этнокультурные общности. Это были

области расселения древних племен, говоривших на языках одной семьи. Археологические и лингвистические источники позволяют выделить на территории Сибири три основных этнокультурных ареала, в основном совпадающих с культурно-хозяйственными областями.

Археологические культуры Западной Сибири входят в урало-сибирскую этнокультурную общность. Для нее характерны преимущественно остродонные сосуды, сделанные способом ленточного налепа и украшенные по всей внешней поверхности линейно-накольчатый и гребенчатый орнаментом. В языковом отношении эту общность можно связать с восточной или праугро-самодийской ветвью уральской семьи.

Байкальско-ленский этнокультурный ареал включал археологические культуры Прибайкалья, Якутии и крайнего северо-востока. Всему ареалу присущи бедно орнаментированные круглодонные сосуды с отпечатками сетки-плетенки или ложнотекстильными оттисками. Керамика изготовлялась с помощью твердой формы и сетки, а позднее способом выколачивания. Байкальско-Ленская общность связывается с отдаленными предками палеоазиатских народностей.

Третий этнокультурный ареал охватывает территорию Дальнего Востока и включает памятники с плоскодонной керамикой. Неолитические культуры дальневосточного ареала пока с трудом поддаются этнической интерпретации. Своеобразное орнаментальное искусство амурского неолита, такие определяющие его элементы, как амурская плетенка, спираль и меандр, сохранились в этнографическом искусстве современного тунгусо-маньчжурского населения Амура. Это позволяет предполагать их генетическую связь с носителями неолитических культур Дальнего Востока.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. в южных районах Сибири появляются первые металлические изделия, ознаменовавшие конец каменного века.

Первым металлом, из которого люди научились делать орудия труда, была медь. Период распространения орудий из меди и ее сплавов (различных видов бронзы) получил в археологической периодизации название эпохи раннего металла. В развитии древнейшей металлургии и металлообработки исследователи выделяют несколько этапов. Они легли в основу внутренней периодизации эпохи. Первый период называется энеолитом (медно-каменным

веком). Термин «энеолит» указывает на переходный характер эпохи и обозначает первоначальный, предшествующий появлению бронзы период распространения металлических изделий, существующий с развитой и полностью сохранившей свое значение каменной индустрией. Как показали спектральный и металлографический анализы, металлические вещи энеолитического времени изготовлены из металлургически чистой меди способомковки или выплавки в открытых литейных формах. Абсолютная дата эпохи энеолита в Сибири – вторая половина III тысячелетия до н. э.

Бронзовый век. *Второй период эпохи раннего металла, традиционно называемый бронзовым веком, связан с освоением искусственных сплавов на медистой основе, то есть бронз. От меди бронза отличается одним важным качеством – твёрдостью. Благодаря этому, бронзовые орудия получили более широкое распространение, чем медные. Главное техническое достижение древних металлургов на этом этапе – отливка почти всех изделий в закрытых двусторонних формах. В различных районах исследователи выделяют несколько этапов и в самом бронзовом веке. Наиболее распространена трехчленная периодизация с выделением этапов ранней, развитой и поздней бронзы. В целом бронзовый век Сибири датируется II – началом I тыс. до н. э.*

Эпоха раннего металла в Сибири имеет несколько особенностей:

- Металлургия меди и бронзы могла появиться лишь в тех местах, где имеются залежи медных руд. В Сибири крупные и доступные первобытным горнякам месторождения приурочены к горным областям Урала, Рудного Алтая, Саян и Забайкалья. На огромной территории Западной, Восточной и Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока запасов медной руды практически нет. Поэтому эпоха раннего металла не стала универсальной стадией в культурно-историческом развитии всего сибирского населения. Энеолитические памятники известны только в районах, непосредственно примыкающих к горно-металлургическим областям. Памятники эпохи бронзы распространены гораздо шире, но и в это время культура многих племен Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока находилась на неолитическом уровне.

- Вторая особенность раннеметаллической эпохи в Сибири – ее непродолжительность. Здесь она укладывается в полтора тысячелетия, в то время как в древнейших горно-металлургических об-

ластях Старого Света орудия из меди и бронзы господствовали на протяжении трёх тысяч лет. Связано это с тем, что древний металл проникает в Сибирь сравнительно поздно, на заключительных этапах развития евразийской медно-бронзовой металлургии.

Рост производительности труда, обусловленный внедрением металлических орудий, при наличии благоприятных экологических условий неизбежно должен был привести к коренной перестройке экономических систем, сложившихся в Сибири в неолите. Начиная с энеолитической эпохи население сибирских степей и лесостепей постепенно переходит к скотоводческо-земледельческому хозяйству. Эпохе раннего металла суждено было разделить Сибирь на два мира: степной-лесостепной, населенный скотоводами и земледельцами, и таёжный, где обитали охотники и рыболовы. Некоторые исследователи проводят между ареалами присваивающей и производящей экономики столь резкую грань, что предлагают относить к эпохе энеолита только культуры, связанные с земледелием и скотоводством, а синхронные и близкие им по материальной культуре общества охотников и рыболовов считать неолитическими. Древнейшие сибирские металлоносные культуры (афанасьевская, шапкульская и липчинская) опровергают эту точку зрения и доказывают, что однотипные изделия из меди распространяются и у скотоводов Южной Сибири, и у охотников и рыболовов лесного Зауралья. Очевидно, что энеолит не связан с одной и той же экономической системой, а находит своеобразное преломление в различных экологических зонах.

Сибирские энеолитические культуры локализовались в районах, прилегающих к горно-металлургическим областям. На Алтае и в минусинских степях во второй половине III тыс. до н. э. появились племена афанасьевцев. По всей видимости, они мигрировали сюда с более западных территорий и принесли в Сибирь зачатки металлургии, земледелия и скотоводства. Все ведущие типы орудий афанасьевцы делали из камня. Медь использовалась для украшений, игл, шильев, небольших ножей. Афанасьевские мастера еще не знали литья, медные предметы обрабатывались ковкой. Керамика афанасьевской культуры разнообразна по размерам и форме. Преобладали высокие остродонные сосуды с ёлочным орнаментом. Узор наносился затупленной палочкой или гребенчатым штампом. Хозяйство афанасьевцев было комплексным. Наряду с традиционными для неолитической Сибири сетевым рыболов-

ством и охотой, получили развитие скотоводство и в меньшей степени земледелие. Находки костей домашних животных в могилах и культурном слое поселений свидетельствуют, что афанасьевцы разводили коров, лошадей, овец. Комплексное хозяйство позволило им жить оседло, в постоянных жилищах. Во второй половине III тыс. до н. э. медные изделия (шилья, ножи) появляются в лесном Зауралье и прилегающих районах Западной Сибири в инвентаре липчинской и шапкульской культур.

В первой половине II тыс. до н.э. на юге Западной и Восточной Сибири складываются культуры зрелого бронзового века: кротовская и самусьская в Верхнем Приобье, окуневская – в минусинских степях, глазковская – в таёжном Прибайкалье.

Уникальной археологической находкой считается 5-метровой длины погребальная ладья, обнаруженная в могильнике Бузан-3 (Ингалская долина, юг Тюменской области), артефакты которого относятся к медному веку. Могильник датируется 3190 г. до н.э. плюс-минус 60 лет. Таким образом, он является ровесником Стоунхенджа (3020–2910 до н. э.), первых городов Месопотамии (3500–3000 до н. э.) и значительно старше широко известных пирамиды Хеопса (2560–2540 до н. э.) и памятников Аркаима (2200–1600 до н.э.).

По течению реки Чарыш следы древнего обитания человека найдены в нескольких пещерах. В курганах Катуня, Чарыша, в верховьях Алея, реки Иртыш были найдены разнообразные украшения и утварь, что говорит о сравнительно высокой культуре обитателей древней Сибири. На многих кубках, бронзовых и серебряных кружках видны довольно сложные рисунки, представляющие собой изображения разных животных и птиц. В этих же курганах находятся приложения к конской сбруе, часто изготовленные из массивного золота. Этими же племенами оставлены многочисленные плиты и «бабы», иногда покрытые надписями.

Особенного внимания заслуживают орудия из нефрита, найденные в Барнауле. В курганах находили и приложения к конскому убранству, зачастую из массивного золота. Из-за большого количества бронзовых, золотых и серебряных вещей и многочисленных следов на Алтае древних рудокопных и плавильных работ можно судить, что здесь очень рано началась и велась добыча и обработка драгоценных и других металлов. Указания Геродота

на пути, которыми доставлялось золото, не оставляют сомнения, что речь шла о добыче золота в пределах нынешнего Алтая.

Древние жители Алтая плавил руду в больших глиняных горшках, обломки которых встречаются около рудников вместе с каменными и медными орудиями. Так, в Золототушенском руднике были найдены два предмета, сделанные из чистой меди. В Зменигорском руднике были найдены те же предметы, вместе с каменными молотками, также был найден остов задавленного обвалом рудокопа с инструментом и кожаным мешком, наполненным охристыми рудами. При этом в древних алтайских рудниках отсутствуют железные орудия труда. Хотя, согласно китайским летописным сказаниям, добыча железа здесь производилось в VII в. до н. э.

В середине II тыс. до н. э. культурный облик сибирских степей и лесостепей резко меняется. На всей громадной территории от Приуралья до Енисея распространяется андроновская культура. Андроновские племена составили целую эпоху в сибирской истории. Это было время утверждения развитой производящей экономики на юге и далекого проникновения бронзовой металлургии. Среди археологических объектов в Сибири широко представлены находки андроновской культуры (2300 до н. э. – 1000 до н. э.) и сменивших её черкаскульской (1500 до н. э. – 1200 до н. э.) и саргатской культур (500 до н. э. – 500 н. э.), которые относятся к древним уграм. В сибирских степях сложился единый для всех андроновцев хозяйственно-культурный тип пастухов-скотоводов и земледельцев. Андроновцы жили оседло в долговременных полуземлянках. Их поселки располагались в долинах рек, богатых, пастбищами и плодородными землями, пригодными для земледелия. В стаде преобладали крупный рогатый скот, овцы, лошади. Андроновцы стали первыми в азиатских степях наездниками. Скот большую часть года содержался на пастбищах под наблюдением пастухов, а зимой – в специальных загонах. Злаки возделывались на лёгких для обработки пойменных землях. Почва обрабатывалась вручную каменными и бронзовыми мотыгами. Охота и рыболовство большого значения в хозяйственной жизни не имели.

Андроновцы обладали медными и оловянными рудниками и поставляли металл далеко на запад. Их литейщики обеспечивали широкое производство орудий труда (серпов, топоров, кельтов) и оружия (кинжалов, втульчатых наконечников, копий с листовид-

ным пером), в том числе и за пределы андроновского ареала. Освоив степь и лесостепь, андроновцы в поисках новых полей и пастбищ по долинам рек проникали в таёжную зону, где смешивались с аборигенным населением. В результате на юге западносибирской тайги сложились андронидные культуры (черкаскульская, сузгунская, еловская), сочетавшие местные и пришлые традиции. Под влиянием андроновской культуры у носителей этих культур сложились собственные бронзолитейные центры, сыгравшие большую роль в распространении металла в таёжной зоне.

В конце II тыс. до н. э. андроновская культура в Южной Сибири сменяется карасукской. Карасукские племена оказали большое влияние на сибирские культуры заключительного этапа бронзового века. Оно прослеживается на обширной территории от Верхнего Приобья до Якутии. Степная экономика в эпоху поздней бронзы претерпела некоторые изменения. В составе карасукского стада увеличилась доля мелкого рогатого скота, что сделало стадо более подвижным и позволило перейти к сезонными перекочевкам. Таким образом, накануне эпохи железа в южносибирских степях создавались предпосылки для перехода к кочевому скотоводству.

В эпоху поздней бронзы металл распространился почти по всей территории Северной Азии. Под влиянием карасукской культуры сложился собственный металлургический центр в усть-мильской культуре Якутии (кон. II – I тыс. до н. э.). В первой половине I тыс. до н. э. единичные бронзовые изделия появляются в усть-бельской культуре Чукотки. Но несколько привозных бронзовых предметов не изменили её неолитического характера. По существу население Чукотки и Камчатки продолжало жить в каменном веке.

Экономическая дифференциация севера и юга предопределила особенности социальной истории населения тайги и степи. В условиях промысловой (охотничье-рыболовческой) экономики и очень низкой плотности населения основным производственным коллективом в таёжной зоне продолжала оставаться отдельная семья или группа семей. Род, лишенный хозяйственной функции, становился неустойчивым. По всей видимости, аморфность родо-племенной организации, засвидетельствованная этнографией у некоторых таёжных народностей Западной и Восточной Сибири, была характерна для этой территории и в эпоху раннего металла. Более развитые общественные отношения могли сложиться у оседлых рыболовов с их специализированной продуктивной экономикой, большей

плотностью населения и прочной оседлостью. Погребальный обряд могильников бронзового века фиксирует зависимое положение женщин и выделяет наиболее удачливых охотников и слугителей культа (шаманов).

Социальное развитие в степях шло значительно быстрее. Родовые кладбища и наличие племенных территорий (выделяются в андроновской культуре) свидетельствуют о традициях развитого родового строя. Однако в его недрах уже выделялась парная семья, о чем говорит широкое распространение парных погребений. Во второй половине II тыс. до н. э. в степях появляются богатые погребения и мощные, возвышающиеся над остальными, насыпи отдельных курганов – красноречивые свидетельства появления имущественного и социального неравенства в обществах скотоводов и земледельцев Южной Сибири.

1.4. Тюрки в Сибири. Государство енисейских кыргызов

В начале I тыс. н. э. в Южной Сибири закончилось господство хуннов. Им на смену пришли новые племенные союзы кочевников – сяньби, а затем жу-жани. Эти союзы периодически совершали набеги на южносибирские земли и местные племена находились в зависимости от них.

В V в. на Алтай из Центральной Азии переселились кочевые племена ту-гю. Постепенно здесь возникла коалиция племен. В 552–555 гг. эта коалиция под руководством вождя племенного союза ту-гю Тумыня разгромила «Державу Жу-жань» и создала новое кочевое государство – Тюркский каганат, в состав которого вошла обширная территория, в том числе Забайкалье и Алтае-Енисейский регион.

Тюркский каганат представлял собой государственное объединение кочевых племен. Во главе каганата стоял верховный правитель – *каган*, избиравшийся на пожизненный срок из сородичей Тумыня. Ядро каганата составляла Орда – ставка кагана. В нее входили семья кагана, воины и слуги с семьями. Военные отряды Орды возглавлялись *бегами* (военачальниками). Покоренные племена подчинялись наместникам кагана – *ягбу*. Такие племена платили кагану уже систематическую дань. Сбор дани осуществлялся специальными чиновниками – *тарханами*.

Тюркский каганат имел собственную письменность – так называемые (орхоно-енисейские надписи), высеченные на скалах, металле и дереве. В основе этой письменности лежал древний арамейский алфавит. Предположительно письменность возникла в V в. и была распространена на юге Сибири, на территории Монголии и Казахстана. После исчезновения Тюркского каганата сфера ее применения постепенно сократилась. Дольше всего эту письменность использовали енисейские кыргызы. Древняя тюркская письменность была расшифрована в конце XIX в. русским ученым В.В. Радловым и датским ученым В. Томсенем.

В 80-е гг. VI в. в результате борьбы за власть Тюркский каганат распался на западный и восточный. Восточно-Тюркский каганат с небольшим перерывом существовал до 745 г., когда был уничтожен племенами уйгуров. Каганаты оказали большое влияние на развитие южносибирских народов. В VI–VII вв. в Южной Сибири почти повсеместно распространяется тюркская материальная – более совершенное оружие, конская сбруя и т. п.

В середине VIII в. после распада Восточно-Тюркского каганата енисейские кыргызы создали первое самостоятельное сибирское государство – Кыргызский каганат. Енисейские кыргызы произошли от смешения монголоидных племен кочевников гянгуней, переселившихся в IV–V вв. из Центральной Азии на Верхний Енисей, и европеоидных племен скотоводов и земледельцев динлинов. Этим объясняется их необычный внешний облик: монголоидный антропологический тип в сочетании с рыжими волосами, бледной кожей и голубыми глазами. Территория каганата охватывала течение Енисея от Саян до современного Красноярска.

Устройство государства енисейских кыргызов было аналогично устройству Тюркского каганата. Основу хозяйства составляло кочевое скотоводство, вместе с тем произошло возрождение земледелия, причем на более высоком уровне: на смену примитивного мотыжного пришло плужное. В засушливых районах Минусинской котловины использовалось искусственное орошение. Основными зерновыми культурами являлись ячмень, просо, пшеница, конопля.

В Кыргызском каганате было развито и ремесло, особенно выделялись гончарное и ювелирное ремесла. У каганата имелись регулярные торговые связи с арабами, китайцами, тибетцами, уйгурами и многими сибирскими народами. Торговля носила преимущественно меновой характер. Предметом ее являлись дорогие ве-

щи, доступные знати. Кыргызы покупали шелковые ткани, бронзовые зеркала, лаковые деревянные изделия, богато инкрустированную конскую сбрую, продавали изделия из рога диких животных, из металла, меха.

В подсобном хозяйстве использовались рабы, хотя и ограничено размерами. Рабами становились захваченные в войнах пленники и должники, не вернувшие долга.

Как типичные кочевники того времени кыргызы были воинственным народом. Армия насчитывала до 80 тыс. человек. Основу ее составляла конница. Окрестные покоренные племена платили дань, в основном пушниной и скотом. В 840 г. кыргызы разгромили центральноазиатские племена уйгуров и установили свое господство над территорией современной Монголии. В X в. кыргызы были изгнаны из Монголии и вернулись обратно на Енисей. Государство енисейских кыргызов существовало до начала XIII в., когда было уничтожено монгольским завоеванием.

Период X–XII вв. занимает особое место в истории Евразии. Практически все регионы этого полицентричного мира вышли на новый виток своего развития. Киданьская империя Ляо (907–1124 гг.) представляет собой закономерное звено в цепочке государств-империй того времени. Практически с самого начала она складывалась как полиэтничное образование. Кидани составляли в ней лишь одну пятую часть населения. Уже сам факт установление господства киданей над соседними кочевыми и оседлыми народами неизбежно приводил к сложной этнополитической ситуации. Переход под их власть исконно ханьских районов заставлял ляосских правителей формировать и совершенствовать особую политику взаимоотношений с внутренними и внешними чужими племенами и народностями. История этого государства ярко демонстрирует модель развития типичной кочевой империи. Все сказанное находит достаточно полное освещение в письменных источниках киданьско – ляосского происхождения и в текстах, созданных представителями других народов.

В начале X в. резко меняется политическая ситуация на севере Центральной Азии. Образовавшаяся киданьская империя Ляо стала крупнейшей державой к северу от Китая, и многие народы Центральной Азии, в том числе ряд южносибирских племен, прямо или косвенно оказались вовлечены в сферу ее влияния. После образования этой империи племена, не желавшие подчиниться, ушли

на запад. С ними ушли и отдельные киданьские роды. В 924 г. Абаоцзи «на западе захватил древние земли туцзюэ», «вступил в область уйгуров» и «достиг древнего уйгурского города». В итоге огромная киданьская армия продвинулась на запад вплоть до территории обитания «племен иртышских гор». После окончания похода часть киданей осталась близ Южного Алтая, где попала под сильное влияние местного населения. Китайский путешественник Ху Цяо в 953 г. сообщал, что на западе империи «живут туцзюэ и хуэйхэ, а на северо-западе граница доходит до суцзюэлюй ... к западу ... живут сяцзясы».

Еще Н.И. Конрад отмечал, что исторический процесс направляется так или иначе народами, вышедшими на передний край общественного развития. В X–XII вв. кидани владели обширными степными районами Центральной Азии на западе, вплоть до Алтайских гор (Цзинь-шаня – Золотых гор), и около 60 правителей этих мест признавали власть Ляо. В этом районе сложилась аналогичная китайская модель цивилизации – варвары, где в качестве культурного центра выступала именно новая империя, что не могло не наложить отпечатка на политические контакты. Земледельческий «юг» и кочевнический «север» были связаны сложными отношениями. На эту сложность оказывали также воздействие различия хозяйственных укладов народов и племен, уровней их культурного развития. Взаимоотношения киданей с этими народами еще недостаточно исследованы.

Основное влияние Ляо было сосредоточено на юге и юго-западе, где кидани пытались стать активными участниками в торговле по Великому шелковому пути. Но и северные районы неоднократно приковывали внимание киданьских правителей. В «Ляо ши» говорится, что на севере границей киданьского государства была р. Лю-цзюй (т.е. Керулен), однако фактически под власть Ляо попадали и племена к северу от этой реки. Об этом же говорится и в другом месте «Ляо ши» (103 цз). Сведений о военных столкновениях киданей с сибирскими племенами в источниках практически нет. Известно, что ко двору киданьского императора «хягасы постоянно присылали посланников и дань». Особо отмечается присылка дани в 930, 952 и в 977 г. В 939 г. «король» царства Ся-ла-го-чжи прислал дань вместе с другими племенами Притяньшанья, видимо, с целью завязать торговые отношения. Кыргызы находились в ведении Управления по делам вассальных государств север-

ной стороны, где существовала должность пограничного генерал-губернатора.

Положение этих племен хорошо видно из доклада ляосского чиновника Ханьцзяну, поданного им императору Син-цзуну в 1035 г. По этому докладу, политика ляосских императоров в отношении племен шла по двум основным направлениям: эффективный сбор податей и налогов и обеспечение стабильности границ. «Если племя отлагалось от подданства, заставляли ближайшее к нему племя усмирять его оружием и взаимно надзирать за силой каждого». Сообщения подобного рода не прекращаются, и это мы можем видеть по ежегодным записям хроник. По мнению Ханьцзяну, причина мятежей и военных столкновений на границе – в неумеренной экспансии киданей и слишком тяжелых поборах. Главный соперник империи, как считает он, все же на юге, и потому нельзя слишком растягивать границы, иначе можно не успеть перебросить войска на юг в случае начала там крупной войны. В числе мер, предложенных Ханьцзяну для укрепления положения империи – изменение политики в отношении племен на границе, более терпимое отношение к их самостоятельности («прощать им преступления», «если покорны – с любовью кормить»).

Периодически к отдельным сибирским племенам отправляли послов и кидани. У них был обычай отправлять туда совершивших какие-либо преступления. В последнем разделе «Ляо ши» «Лечжунань» в биографиях Елюй Шичжи (цз. 77) и Пэньду (цз. 113) упоминает факт ссылки мятежников братьев Люгэ и Пэньду во владения кыргызов в верховьях р. Енисей (948 г.) в качестве послов. По возвращении Пэньду получил прощение.

«При ляосском Тай-цзуне юго-западная граница руководила приходом к просвещению людей государства хягасы (938 г.)». Впоследствии (1004 г.) для этой цели кидани переселяли туда бохайцев и чжурчжэней из пограничных с Кореей областей. Это могло способствовать привнесению в материальную культуру кыргызов и других племен дальневосточных элементов.

1.5. Монголы в Сибири. «Держава Хунну»

На арену мировой истории впервые мощно вступают и племена, населявшие районы современной Северной Монголии и Забайкалья. В основном источнике по истории киданьского государства

«Ляо ши» по отношению к этим племенам применяется собирательное название «цзубу». По мнению китайского исследователя Ван Говэя, этот термин используется в «Ляо ши» вместо слова «дада» (татары), которое в данном сочинении встречается всего несколько раз. Л.Л. Викторова, возражая, считает, что «название «татары» сунских авторов было не этническим, а собирательным», а вместо «дада» традиционно продолжал использоваться термин «шивэй». Однако термин «татары» встречается не только у сунских авторов. Он есть в орхонской надписи 731 г. Персидское географическое сочинение «Худуд ал-Алам» (982 г.) сообщает, что татары и тюрки принадлежали тогузгузам. В китайских текстах термин «дада» упоминается с 842 г., а по некоторым данным, даже с 4 в. н.э. Г. Е. Грумм-Гржимайло полагает, что татары пришли с востока и заселили земли, оказавшиеся свободными после разгрома уйгурского ханства. По мнению китайского исследователя Ван Цзинчжу (1931), татары идентичны цзубу, а слово «цзубу» используется со времени Цзинь. Оба слова напоминают тибетское название монголов «согпо».

Ли Фанцзюнь предположил, что под этим названием фигурировали ираноязычные согдийцы, вернее потомки согдийских колонистов, составлявших значительную часть населения центральноазиатских городов в тюркское и уйгурское время.

В киданьских письменных источниках (Ляо ши, Цидань го чжи) четко различаются термины «цзубу» и «шивэй». Кроме того, в ляосской надписи, опубликованной в 1934 г., прямо сообщается о победе над «дада». Описание этой победы очень напоминает рассказ «Ляо ши» о длительной борьбе киданей с цзубу (25 цз.). Это вместе с изложенным выше позволяет предположить, что к северу от киданьского государства в начале X в. складываются предпосылки для образования одного из первых монгольских государств-союзов племен, представлявших большую потенциальную опасность для Ляо. Подтверждает это и история взаимоотношений цзубу и киданей.

В первые годы существования киданьского государства цзубу не были предметом беспокойства и традиционно продолжали поставлять ежегодную дань (ЛШ, цз. 60). Но в 942 г. основатель киданьского государства Елюй Абаоцзи был вынужден совершить крупную военную экспедицию против них и союзных им племен. Поводом для восстания цзубу послужили, видимо, чрезмерные

требования дани со стороны киданей. Так, в 918 г. цзубу вынуждены были поставить в Ляо 20 тыс. лошадей. На землях цзубу были созданы три наместничества, в которых появилась двойственная система управления. Власть правителя, назначенного из местных племенных вождей или старейшин, контролировал представитель центрального правительства из киданьских родов Елюй и Сяо. Здесь размещались отряды, состоявшие из киданей, бохайцев, си и других племен. Монгольскими археологами были обнаружены развалины укрепленных городов, построенных киданями, крупнейшим из которых был г. Хэдун.

С тех пор и почти до конца династий Елюй цзубу платят дань киданям (до 1112 г.), но взаимоотношения их порой были весьма острыми. Мятежи цзубу происходили в 983–984, 1000, 1012, 1069 гг. (подавлены с помощью императорской гвардии). В 1026–1027 гг. восстали все племена, входившие в состав союза цзубу. Они разгромили несколько экспедиционных корпусов киданей.

Цзубу постоянно числятся среди племен, которые облагались особенно тяжелыми поборами. Это снова вызвало восстание цзубу в кон. XI в. В 1097 г. они были разгромлены, и часть населения переселена внутрь империи. Военнопленные цзубу упоминаются в составе орды Му-цзуна.

Война эта, судя по всему, была длительной и весьма кровопролитной. Во главе цзубу встал талантливый полководец и дальновидный политик Могусы. Он в 1089 г. возглавил племена и союз, ядром которого явились цзубу. Кидани в 1092 г., отправили экспедиционный корпус против одного из северных племен. Киданьский полководец попутно совершил рейд и против северных цзубу. Это и послужило сигналом для Могусы. Во 2-м месяце 1093 г. он, разгромив посланные против него войска, вторгся на территорию Ляо, нанес сокрушительное поражение посланной против него армии и тем спровоцировал выступление ряда внутренних племен. Летучие отряды цзубу угоняли ляосских лошадей. С огромным трудом и помощью других племен «мятеж» Могусы был подавлен к концу 1095 г. Новые вожди распавшегося, видимо, союза изъявили покорность киданьскому императору. Цзубу снова были переселены на другие земли. В 1100 г. и Могусы был захвачен и во 2-м месяце изрублен на рынке в присутствии толпы. Можно предположить, что либо к Могусы, контролировавшему некоторое время часть территории будущего «Каракатая», либо в империю Ляо «турки

послали за помощью против франков», по свидетельству «истории антиохийской».

Наконец, в 1119 г. вождь цзубу Бушучжи, воспользовавшись войной киданей и чжурчжэней, поднял восстание и освободился из-под власти Ляо. При чжурчжэньской династии Цзинь цзубу неоднократно совершали нападения на владения империи, но вынуждены были в конце концов подчиниться.

В китайских источниках приводятся довольно скудные сведения о социально-экономическом и политическом развитии союза цзубу, тем не менее некоторые выводы сделать можно. Территория расселения цзубу была значительной. На юге граница с Ляо проходила в северо-восточной части Гоби, а на севере владения цзубу простирались севернее р. Керулен (Лунцзюй). Здесь обнаружены городища, напоминающие по планировке киданьские. Состав союза цзубу был неоднороден, выделяется три группы: западная, северная и северо-западная. Племена, входившие в их состав, различались по уровню своего социально-экономического развития. Для большинства из них характерно разложение первобытно-общинных отношений, о чем свидетельствует выделение правящего рода, родовой верхушки. Отмеченные в китайских источниках наименования титулов и должностей позволяют прийти к выводу о серьезном политическом влиянии южного соседа – киданьской империи. Ляосское государство вынуждено было мириться с мощью племен, признавая право их вождей представлять подчас весь племенной мир степей.

Разнообразные природно-климатические условия обитания племен цзубу отразились в разнообразном перечне предметов дани. Помимо лошадей здесь значатся также верблюды, соколы, горностаи, кроты и т.д. Любопытно, что кидани несколько раз запрещали продажу этим племенам железа и меди, опасаясь что они могут усовершенствовать свои орудия труда, оружие, а также наладить выпуск фальшивой монеты (сер. XI в.). Ляосское государство вынуждено было смириться с помощью племен, признавая право их вождей представлять, подчас весь племенной мир степей. Некоторые свидетельства позволяют думать, что цзубу активно участвовали в торговле со многими племенами и народа и Восточной Азии, возможно, даже с Кореей.

Таким образом, можно предположить, что складывание племенного союза цзубу, апогеем развития которого было правление

Могусы, явилось одной из первых попыток северных монгольских племен создать свою государственность.

Особые отношения у киданей сложились с племенами шивэй. По вопросу о занимаемой ими территории нет единодушного мнения среди исследователей. Одни расширяют зону их обитания до Якутии (В.П. Васильев), другие (Э. Бретшнейдер, Д. Позднеев, В.В. Радлов) ограничивают Прибайкальем. Называется и бассейн р. Амур (Виттфогель К.А., Фэн Цзя-шэн, Окладников А.П.). Современные исследователи (Комаи Есиаки, Е.И. Кычанов, В.С. Таскин, Л.Л. Викторова) сходятся в том, что шивэй проживали к северу от империи. Южная их часть (по Рашид ад-Дину, племена тугукулуйт, алчи, чаган, куин, терат, баркуй) была покорена киданями при создании своего государства. Район их обитания был богат медью, железом, золотом и серебром. Эти племена были подчинены киданьской администрации.

Через киданьскую империю проникали в Южную Сибирь и многие элементы дальневосточной и центральноазиатской культуры. Прежде всего нужно упомянуть о буддизме, с которым киданьские племена познакомились довольно рано. Страны, где буддизм преобладал или имел значительное влияние (Китай, Корея, Бохай), с незапамятных времен окружали киданей. Неоднократно совершая набеги на соседние территории, кидани уводили в плен большое количество жителей, среди которых было немало и буддийских монахов. Так, Храм Небесных Героев в Верховной Столице основан в 912 г. после похода киданьской армии на Китай, где было захвачено в плен пятьдесят монахов. Да и сами буддисты из Китая, Уйгурии и других стран активно проповедовали свои взгляды за пределами родины. В 1067 г. тангуты прислали киданьскому двору буддийскую сутру «Цзюэ-цзин» на санскрите, золотую статуэтку будды и уйгурского монаха. В одной из ляоских надписей сообщается, что один из членов императорского рода Елюй собрал большое количество буддийских сутр из разных стран.

Установление могущественной державы открыло дорогу широкому распространению буддийского вероучения. Распространившись сначала среди земледельческого населения, буддизм вскоре приобрел приверженцев и среди кочевников, преимущественно знатных. И здесь он вступил в контакт с племенными культами. В киданьской империи происходил процесс медленной ассимиля-

ции древних форм религии, включение в буддийскую практику местных обрядов. Буддизм был связан прежде всего с теми сферами человеческой судьбы, где важны были оккультные возможности реинкарнации, окончательного спасения и вечного отдохновения. В результате наметилась тенденция и к ассимиляции буддизмом других религиозных верований. Распространение буддизма на широкие пространства Центральной Азии, дополнительный толчок которому дали кидани, продолжалось. Кроме того, ушедшие на запад от разгрома кидани понесли свою религию племенам и народам Восточного Туркестана.

После крушения киданьской империи часть племен с территории Ляо откочевала на запад. Член императорского рода Елюй Даши, по сообщению сунского чиновника Чао Цзуди (1128 г.), провозгласил на северо-западе империи себя правителем государства Бэй Ляо (Северное Ляо) с почетным титулом Тянь-юй. Впервые в отечественной историографии об этом упомянул Л.Р. Кызласов. Анализ письменных источников позволяет уточнить, что здесь мы имеем дело с любопытной, но более простой ситуацией. Даши с целью восстановления империи и организации борьбы с чжурчжэнями пытается создать союз племен и придать ему наступательный характер. Этот план он и излагает в своей известной речи на курултае в Бэйтине: «Сейчас, полагаясь на справедливость своего дела, я прошу вашей помощи в уничтожении нашего общего врага и восстановлении нашей империи. Я уверен, что вы почувствуете сострадание к нашим бедам. Можете ли вы смотреть без горя на разрушение храмов наших духов-правителей? Без сомнения, вы поможете вашему императору и отцу; вы не будете безразлично смотреть на несчастье наших людей». Племена дали 10 тыс. хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Даши назначил командиров, привел в порядок оружие и снаряжение, разделил отряды по 500 человек. Под его знамена стали собираться и киданьские беженцы, и «лишившиеся имущества голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди». Одновременно он пытается создать систему укрепленных районов («семь чжоу на западной границе»: Вэйу Чун-дэ, Хуй-фань, Синь, Да-линь, Цзу-хэ, До).

В силу этого говорить о каком-либо реальном «государстве» Бэй Ляо не приходится. Это была всего лишь попытка сколотить военную коалицию племен и подготовиться к чжурчжэньскому нашествию. Но племена, собравшиеся на съезд, предполагали ор-

ганизовать лишь оборонительный союз и потому после первых же активных действий Даши (поход на округ Тайчжоу к запасу от слияния рек Нонни и Сунгари), один за другим стали отпадать от этого союза. Таким образом, киданям, предводительствуемым Елюй Даши, не оказалось места среди кочевых народов Восточной Азии и оставалось либо подчиниться чжурчжэням, либо уйти в западные районы, где они (пусть силой) могли получить земли для расселения. Среди 18 же племен, поддержавших Даши, значатся племена, жившие в самых разных частях Монголии и Сибири. Здесь Большие желтые шивэй, кочевавшие в районе Байкал», теле (теленгуты Рашид-ад-Дина), обитавшие по берегам Амура, ван-ци-ла (онгираты), цзя-ци-ла (джаджираты), ми-р-ки (миркиты), цз-бу (татары) тан-гу (тангу), ху-му-сю (ху-мус), е-си (йисуты), би-гу-да, тоже, возможно, жившие на Амуре, ни-ла, х-чу, уру-ди (уги, урянхай), бу-су-а-нь, си-ди, да-ла-гуай (таргутай), да-ми-ли (у Рашид-ад-Дина тамгалык), цзю-эр-би. Этим списком подтверждается сообщение «Цзинь-ши», что влияние Даши распространялось практически на всю Монголию.

Главным опорным пунктом Даши был г. Кэдуньчэн. С таким названием было несколько городов. В какой же из этих городов направился Елюй Даши, в каком направлении – на запад или на север? Иначе говоря, к тангутам или монголам? Анализ источников убедительно показывает, что он намеренно шел именно в город, расположенный на р. Орхон, – важный военный центр на северо-западной границе киданьской империи. Основной задачей размещенного там гарнизона (более 20 тыс. киданьских воинов) был контроль над союзными племенами.

Анализ китайских источников приводит к выводу, что кидани дважды пытались вторгнуться на территорию Туркестана. Прежде чем отправиться к «арабам» армия Даши для отдыха и пополнения продовольствия пыталась пробиться в горы Иншань (хр. Борохоро, входящий в систему Тянь-шаня), но не смогла сразу дойти до пастбищ из-за обильного снега и нагромождения скал. Затем она двинулась на север.

На первых порах кидани поселились в районе, где, как указывают мусульманские источники, проживают киргизские племена. Этот район постепенно превращался в плацдарм для дальнейшего продвижения на запад. «Земля эта заселилась: отовсюду лишившиеся имущества, голодные, истомленные, бедные и всякого рода люди

собирались в этот город; народонаселение увеличилось до сорока тысяч семейств». Город, о котором идет речь, находился на юге Тувы. В монгольском эпосе есть сообщение, истоки которого восходят к XI в., о родоначальнике племени мангутов хане Нанчине, жившем на Орхоне: «Соседним государством Нанчина является государство кергисов», Рашид ад-Дин тоже указывает, что кыргызы в это время граничили с юго-запада с найманами, жившими к югу от Алтая. У них часто происходили стычки, а в 1199 г. найман Буюрук-хан бежал со своей территории от Чингис-хана в Туву, которая в это время была «одной из областей кыргызов». Вскоре кидани, по сообщению Абулгази, «считая тамошних жителей за пришельцев ... начали похищать скот у них, а потому и там не могли ужиться». По словам Рашид ад-Дина, войско киданей «подошло к границе киргиз: они напали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (кыргызы) также оказывало им противодействие». Встретив это сопротивление, кидани в 1132 г. вернулись в Турфанское княжество. И уже отсюда вторым путем они пришли в район Имиль (Чугучак), захватив с собой огромное количество тюркских племен (40 тыс. шатров). Пришедшие с Даши племена «основали город» Имиль.

Кидани не пытались закрепиться на Саяно-Алтае. По сообщению Джувейни, кыргызы жили за пределами контроля кара-китаев. Степи южнее Танну-Ола заняли найманы. Как сообщает Рашид ад-Дин, «ранее эпохи Чингис-хана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-Каан ... они разбили племя киргизов ...». Это произошло около середины XII в. Кыргызы явно враждебно относились к новому киданьскому государству. Среди племен, прикнувших к Даши или оказавших ему помощь, кыргызов не было.

Особого внимания заслуживает так называемая «восточная экспедиция» киданей. В 3-м месяце 1134 г., как указывает «Ляо ши», Елюй Даши отправил семидесятитысячную армию под командованием Сяо Валила на восток, через пустыню, чтобы восстановить империю Ляо. Можно предположить, что перед этой экспедицией ставилась задача подчинения кыргызов.

По сообщению Рашид ад-Дина, кыргызы и другие племена Южной Сибири приняли активное участие в борьбе Кучлука, последнего правителя западнокиданьского государства, с монголами: «После того как найманы и керейты были разгромлены в районе верхнего Иртыша, Чингисхан послал свои войска в пограничные

районы Туркестана для отражения племен киргиз и тумат и захвата Кушлука и Куду – сыновей государя меркитов, образовавших после своего поражения и бегства враждебное сборище». Отсюда видно, что Кучлук предпринял попытку образовать союз племен для отражения монгольской опасности, куда входили и некоторые южносибирские племена. Известно, что и захвачен в плен Кучлук был во владениях тяньшаньских киргизов.

1.6. Сибирское ханство

Сибирское ханство, или Сибирский юрт по-татарски, берет свое начало в XIV в. Тогда оно располагалось в Западной Сибири и считалось татарским феодальным государством.

Соседями Сибирского ханства были Пермская земля, Казанское ханство, Ногайская Орда, а также прииртышские телеуты. Своей северной частью ханство достигало низовьев Оби, а восточным соседом была Пегая Орда.

На сегодня существуют две основные версии о начале существования Сибирского ханства.

Традиционная версия, выдвинутая Г.Ф. Миллером, гласит, что изначально земли будущего ханства входили в Тайбугинский юрт. Сам же юрт был основан в 1220 г. и управлялся наследником Туйбуги. Политической системой Тайбугинского юрта было самоуправление. Это отличало его от других улусов, входящих в Золотую Орду. Однако эта ситуация изменилась, благодаря деятельности ханов Тохтамыша, Абу-л-хайра и Ибака, которые отстранили тайбугинов от власти. Это вызвало сложности в юрте, которые длились на протяжении 1495–1563 гг. Но эта версия подвергается сомнению в связи с тем, что упоминания о Тайбугинском юрте приходятся и на период существования Сибирского ханства. Получается, что они существовали одновременно. Потому многие современные историки и исследователи полагают, что юрт был одним из кланов, который существовал одновременно с Сибирским ханством.

Те, кто придерживается другой версии, полагают, что ханство было во владении потомков Шибана. Он был внуком Чингисхана и пятым сыном Джучи. Вначале на этой территории располагался улус Шибана (Шейбан), его столицей некоторые ученые называют Кашлык. Когда же Шибан умер в 1280 г., улус присоединили

в улусу Орда-Ежена, однако прежние владения продолжали оставаться в собственности шейбанидов.

Начавшееся в 1359 г. в Золотой Орде восстание известное как «Великая замятня» заканчивается смертью хана Тохтамыша и началом Тюмени. Но Тюмень не всегда была провинцией Золотой Орды. Шейбанид Абу-л-хайр сделан в 1428 г. Чинги-Туру столицей Узбекского ханства, которое он основал. В этом статусе город пребывал 18 лет. Тюменским ханам в это время также подчинялась и Казань.

Началом Тюменского ханства как государства считается 1468 г. До этого времени оно являлось частью Золотой Орды и называлось «Ибиль». Территориально ханство располагалось между реками Тобол, Тавда и Тура. В результате борьбы за власть между правителями Белой орды, шейбанидами и тайбугинами власть перешла к шейбаниду Ибаку. При этом правителе Тюменское ханство пережило время своего расцвета. После убийства же Ибака тайбугином Махмедом столица ханства была перенесена в Сибирь (Кашлык), а Тюменское ханство стало частью Сибирского ханства в начале XVI в.

В 1555 г. Сибирское ханство стало вассалом Русского Царства. Однако во время очередного переворота власть оказалась в руках внука Ибаба Кучума. Он отказался платить дань Москве в 1572 г. Кучум укреплял ислам в Сибири.

Главой Сибирского ханства являлся хан. Он избирался беками, тарханами и мурзами, которые принадлежали в аристократии. Советники и визирь (карача) помогали хану управлять государством. Улусы были предоставлены в управление мурзов и беков, хан же в свою очередь мало интересовался их делами. Его больше интересовало их участие в походах за добычей, так как это было одним из главных средств существования ханства. Также к феодальной знати принадлежала часть остяков и вогулов. Остальные же племена находились в подчинении, что вызывало недовольство и мелкие восстания. Эти противоречия ослабляли могущество ханства.

Образ жизни у татар, которые жили в ханстве, был полукочевой. Возле берегов Иртыша и Тобола население занималось земледелием, в основном же разводили овец, лошадей. Плавка и обработка металлов, ремесла, ткачество, гончарное дело развилось в оседлых поселениях. Города Касим-Тура, Кызыл-Тура, Тонтур, Явла-Тура считались военными и административными центрами.

Феодалные отношения были главными в ханстве. Во владении более состоятельных людей были скот и рабы, пастбища. Улусники принадлежали к низшему слою общества. Они были вынуждены ежегодно платить дань своему владельцу, а также принимать участие в походах. Сибирские ханы также подчинили себе башкирские племена, ханты-мансийские племена, проживающие на Урале. От всех своих подчиненных ханы требовали уплаты дани. Во внутренней жизни они были свободны. Также все подчиненные племена были обязаны принимать участие во всех военных походах хана наравне с татарскими отрядами. Численность армии сложно определить, но историки сходятся во мнении, что ее количество составляло около 10000 человек.

Многие татарские князья жили в собственных укрепленных городках. Там же находились и военные гарнизоны.

Военная тактика татар в бою мало, чем отличалась от той, которую использовали другие кочевники. Они занимались маневрами и засыпали противника стрелами в конном бою. Наравне с этим, татарские воины могли сражаться и пешими. Много внимания уделялось разведке. Это позволяло заставить противника врасплох.

В качестве оружия татары использовали лук со стрелами, копья, дротики, сабли, кинжалы. Тело защищали кольчугами, шлемами и панцирями.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите особенности геополитического положения Сибири.
2. Какие факторы влияют на формирование климата Сибири, каковы его главные черты?
3. Определите сущность неолитической революции в Сибири.
4. Назовите особенности материально-хозяйственного уклада енисейских кыргызов.
5. Выделите в истории сибирского ханства время правления тайбугинов и шейбанидов.

2. НАРОДЫ СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

2.1. Этнический состав, расселение, занятия (кон. XVI–XVII в.)

На всей территории Сибири к концу XVI в., т. е. перед началом ее покорения русскими, проживало чуть более 200 тыс. чел. Ее население разделялось на множество племен и мелких племенных групп, различаясь по языку, хозяйственному укладу и социальному развитию. На севере Западной Сибири, в тундре от Урала до р. Хантанги, обитали племена, получившие от русских общее название *самоедов* (ненцы и др.) – всего ок. 8 тыс. чел. Южнее, в тайге жили *финно-угорские племена* хантов и манси, которых русские называли *остяками* и *вогулами* – более 15 тыс. чел. В «Описании о сибирских народах и гранях их земель» (ок. 1703 г.) С.У. Ремезов дает следующее описание остяков: «Обычай же их таков: ...веры и грамоты не умеют, жрут (приносят в жертву) скотов и зверей перед клеткою кумирскою ...А мяса сырыя и варенныя ядят, и кровь сырую пьют. ... Одежду у себя имеют от рыб – осетра, стерляди и налима, пестренныя. Едят медвежье и говяжье мясо и всякую гадину и траву, и корение. Пятнают же свои лица и руки черными пятнами в разные свои знаки. Лица имеют плоские и волосы побритыя; платье носят поддерегано; ноги тонки и скоропостижны. Оружие их – лук и стрелы. Ездят на собаках и нартах, и ходят на лыжах».

Манси, или *вогулы*, *вогуличи* (ок. 8 тыс.), жили по обеим сторонам Среднего Урала. В XVI в. под давлением коми и русских переселились в Зауралье. Северные манси по образу жизни были близки к хантам, южные разводили лошадей и овец и переходили к земледелию. Ремезов дает описание манси: «Вогуличи собою возрастом средние, волос не бреют, лицом походят на остяков, в делех малогодны и не рукодельны; бегают же от соседства в даль, в темность лесов, на единство (в одиночестве) жити, ...боготворят древа и кусты. ...Грамоты и закона не имеют, обычаем скаредны (жадны), но имению не стяжательны, упадчивы и ленивы, диковаты; оружия их – лук и стрелы, ездят на конях и скотом довольны; ... платье делают от кож звериных и скотских».

У южных угров – манси и хантов – были князцы, имевшие воинов и жившие в укрепленных городках, общинники и рабы. До прихода русских, князцы южных угров были вассалами Кучума.

По югу Западной Сибири, в лесостепи и степи кочевали *тюркские племена*: на Иртыше – сибирские татары (до 20 тыс. чел.), на Енисее – киргизы с зависимыми от них племенами (порядка 8 тыс. чел.). Почти по всей Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря и от тундры до степей Монголии и р. Амура, расселились многочисленные тунгусские племена (ок. 30 тыс. чел.). Они делились на несколько групп: *оленных тунгусов*, живших в тайге; *пеших (или сидячих) тунгусов*, обитавших на морском побережье; *конных тунгусов*, кочевавших в степях. В Забайкалье жили кочевые *монголоязычные племена*, впоследствии составившие этническую основу бурятского народа – ок. 25 тыс. чел. На Амуре оседло проживали дауры и дючеры, а по берегам р. Лены – *тюркоязычные якуты* (до 40 тыс. чел.). Северо-восток Сибири занимали юкагиры (ок. 5 тыс. чел.), на Камчатке жили ительмены, к северу от них – коряки (по 10 тыс. чел.), ну а на крайней оконечности Азиатского материка – чукчи (до 3 тыс. чел.). Все это народы так называемого *палеоазиатского происхождения* – последние уцелевшие потомки древнейших обитателей, некогда населявших всю Сибирь, но потом на протяжении тысячелетий оттесненных пришельцами с юга: *тюрками, монголами, тунгусами, финно-уграми*.

Хозяйственные занятия сибирских аборигенов были различны. Племена, жившие по побережьям, занимались промыслом морского зверя; население тундры и тайги – охотой, рыболовством, оленеводством; обитатели лесостепи и степи – разведением лошадей и скота.

Земледелие существовало лишь на южных землях, да и то было примитивным. Некоторым сибирским народам – татарам, бурятам, якутам, тунгусам – были известны приемы добычи и обработки металлов, но у многих других племен царил самый настоящий каменный век. Подавляющее большинство сибирских аборигенов жили в условиях первобытнообщинного строя и патриархально-родовых отношений. Основу такого общества составляла большая или малая патриархальная семья, в которой власть принадлежала старшему в доме мужчине. Несколько семей, восходящих к одному предку (реальному или легендарному) объединялись в роды. Эти последние, в свою очередь, составляли племя. Первоначально состоявший только из ближайших родственников, в дальнейшем род мог расширяться за счет привлечения в его состав брачных родственников, собственных воспитанников или захваченных на войне

рабов. Род обрастал и зависимыми людьми, искавшими поддержки у более сильных. Так что общая численность каждого рода могла доходить до нескольких десятков человек.

Однако у многих народов, особенно занимавшихся охотой и рыболовством в таежной зоне, родовые и племенные объединения оказывались довольно неустойчивыми. Напротив, у тех, кто жил южнее тайги (ханты, манси, забайкальские племена тунгусов), уже начался переход к так называемому «стратифицированному» обществу, где можно наблюдать социальное расслоение, где выделяются и обособляются постоянно действующие родовые и племенные старейшины, вожди, шаманы, профессиональные воины. Дальше всего этот процесс зашел к моменту появления русских у бурят, енисейских кыргызов, дауров и дючеров. Но даже у хантов и манси русские отмечали наличие «князцов», «людей добрых и прожиточных», «мощнейших в имени». Пользуясь своим положением в племени, эти князцы (племенные старейшины), власть которых первоначально основывалась на принципе родового старшинства, постепенно присваивали себе право получать от соплеменников «поминки» (т. е. подарки) и дань с покоренных соседей; захваченные на войне пленные становятся их рабами; князцы закупают промысловыми угодьями; пользуются своим имуществом для того, чтобы ссужать соплеменников снаряжением и получать в уплату часть военной или промысловой добычи. Центрами этих маленьких княжеств становятся укрепленные городки. Впоследствии Ермаку и его казакам пришлось шаг за шагом отвоевывать территорию по нижнему течению Оби у хантских князьков, засевших в своих укрепленных городках.

Не следует думать, что до прихода русских Сибирь была сколько-нибудь «мирным» уголком. Несмотря на довольно редкое население, кочевой образ жизни большинства сибирских народов неизбежно провоцировал столкновения между племенами и даже отдельными родами в борьбе за новые территории. Так что вооруженные конфликты были обычным делом: сильные народы подчиняли более слабые, превращая их в кыштымов – зависимое население, обязанное выплачивать дань. Поэтому у многих племен сибирских аборигенов военная техника стояла довольно высоко: они сражались щитами, копьями и луками со стрелами, одетые в металлические или костяные панцири и шлемы. Кроме того, общими свойствами для всех сибирских народов были имущественное не-

равенство и патриархальное рабство. Единственным же народом в Сибири, имевшим государственное устройство, были татары.

2.2. Проникновение русских в Сибирь. Югорская земля

Суровый Север привлекал еще новгородцев. Ведь из «стран полунощных» шли озолотившие Новгород меха. На север новгородцы продвигались по озерам и рекам; на водоразделах, откуда начинаются реки, ладьи перетаскивали волоком. Отсюда пошли имена городов Волоколамск (Волок Ламский) и Вологда. Вслед за новгородцами двинулись на Север Владимирские князья – на Сухоне основали город Великий Устюг – важный центр русской колонизации Севера, Великий Устюг – крупнейший торговый центр Русского Севера XIV–XVIII вв. Устюжане были активными участниками освоения Сибири и Русской Америки, боролись с новгородцами за доступ к пушнине Перми Великой. Пермь Великая, Пермия – земли коми-зырян и коми-пермяков – современные Республика Коми и Пермский край. Еще больше славилась пушнина лежащая к востоку от Перми таинственная Югра. Югра – область расселения угорских и самодийских народов – манси (вогулов), хантов (остяков) и ненцев (самоедов) в Северном Приуралье, Зауралье и Приобье.

Первая Новгородская летопись под 1193 г. сообщает, что в Югре в изобилии «сребро и соболи и иная узорочья». Другой летописец передает рассказ о чудесах югорской земли: «Мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, уко видевши сами на полунощных странах, спаде туча и в той туче спаде виверица Веверица – белка, млада, аky то перворожена, и возрастоши и расходится по земли, и паky бывает другая туча и спадают оленци мали в ней и возрастают и расходятся по земли».

Но не «оленцы» привлекали новгородцев, в Югру они стремились за лучшими в мире соколами, «рыбьим зубом» (моржовыми клыками) и дорогими мехами соболя, песца и горноста, идущими на мантии королей. Продвигаясь на восток, первопроходцы вышли к горам, прозванных ими «Югорский камень», перевалили «чрез Камень» и уже в 1096 г. достигли низовий Оби. Новгородцев не смущал «путь зол», не пугал и риск гибели в боях с «югрой» (вогулами, самоедью), что случалось. Летописи повествуют о печальном конце многих первопроходцев: 1032 г. – поход воеводы Углеба «на

Железные врата ...и вспять мало их возвратишася, но много там погибша», 1187 г. – отряд новгородцев истреблен в Печере и Заволочье – «пали головы у ста доброименитых», 1193 г. – почти весь отряд воеводы Яндрея перебили за «Камнем», 1329 г. – погибла вся новгородская торговая экспедиция, шедшая в Югру.

Но новгородцы лишь становились настойчивее. В XII веке они основали город Хлынов (Вятка), ставший центром колонизации Печерского края, проложили «Чрезкаменный путь» – систему речных путей и волоков в «Закаменную югру» (низовья Оби). В конце XIII в. в Новгороде появились новые суда для военных и торговых экспедиций – ушкуи, названные в честь белых медведей, по-поморски, ушкуев. Нос и корму ушкуев украшали головы медведей. Узкие и длинные ушкуи были быстроходны, «ехали греблею и бежали парусом», по рекам и по морям, вперед носом и вперед кормою, ведь нос ушкуя не отличался от кормы. В каждом ушкуе помещалось по 30 воинов-гребцов, ушкуйников. Число достаточное, чтобы перетащить корабль волоком в другую реку.

Дерзкие, хорошо вооруженные ушкуйники овладели речной системой Руси и Золотой Орды. Они разграбили все приречное Поволжье, многократно разоряли золотоордынские города и даже взяли штурмом столицу Золотой Орды – Сарай. На морских ушкуйях новгородцы выходили в Баренцево море и грабили норвежское побережье, а на Балтике проникали в финские шхеры и нападали с тыла на шведские крепости. Ушкуйники были популярны в Новгороде: удалые молодцы, часто из хороших семей, шли в ушкуйники.

Не обошли вниманием ушкуйники и Югру. В 1363 г. ушкуйники во главе с Александром Абакуновичем и Степаном Лепой вышли к реке Оби. Здесь они разделились – часть «детей боярских и людей молодых» направились в низовья Оби до самого «Студеного моря» отбирать у местных пушнину и «рыбий зуб», а другие пошли «гулять» по верховьям Оби в землях сибирских татар. В XIV в. приуральская Югра была включена в состав новгородских волостей, хотя владения Великого Новгорода были непрочны.

С XIV столетия начинается северо-восточная экспансия Московского княжества. Еще в 1332 г. князь Иван Данилович (Калита) «взверже гнев свой на устюжцев и на ноугородцев», что не платят они дани Ордынскому царю от Вычегды и Печеры «почал взимати дани с пермские люди». В 1364 г. Москва захватывает Великий

Устюг. В 1367 г. князь Дмитрий Иванович (Донской) «заратися на Ноугород и ноугородцы смирилися». Взял князь Дмитрий «по тому розмирю» Пермскую землю. Вскоре преподобный Стефан Пермский основал Пермскую епархию и занялся просвещением коми-зырян (1379–1395): крестил их, создал им азбуку, перевел на язык коми часть св. Писания.

Слово Сибирь в летописях впервые появляется в 1407 г. в связи с сообщением, что хан Тохтамыш был убит в «Сибирской земле». В 1465 г. воевода Василий Скряба с отрядом прошел за Камень и собрал дань с югры в пользу Ивана III. Воевода Федор Пестрый в 1472 г. окончательно подчинил Великую Пермь и основал в Приуралье городок Чердынь. В 1483 г. князья Федор Курбский-Черный и Иван Салтыков-Травин совершили большой поход в Сибирь. Русское войско волоком перетащило суда через Каменный пояс и добралось до места впадения Иртыша в Обь, одержав по пути ряд побед. С тех пор Иван III стал именоваться великим князем Югорским, князем Кондинским и Обдорским. В 1499 г. «повелев князь великий Иван воеводам своим Петру Ушатому да князю Семену Курбскому с большим войском идти покорять Печеру и усмирять вогулов». В поход выступили более четырех тысяч ратников. Они преодолели высокий Северный Урал и «повоевали» Югорскую землю – 58 князцов были приведены к «шерти по их вере».

Но завоевания эти были непрочны. Для югры (вогулов и остяков) российский государь был далеко, а татары – рядом. Вновь и вновь вогульские и остяцкие князцы изъясляли покорность сибирским ханам.

С присоединением Новгорода к Русскому государству (кон. XV в.) приполярные походы в Югру продолжились. Занимались ими поморы – потомки новгородцев, заселивших в XII–XIII вв. южное побережье Белого моря и смешавшихся там с местными финскими племенами. Прекрасные судостроители, поморы строили самые совершенные по тем временам суда для ледового плавания – кочи. Кочи были приспособлены для плавания по битому льду и для волока по льдинам. У них была двойная обшивка корпуса и круглое дно, благодаря чему льдины их не раздавливали, а выдавливали на поверхность льдин.

Навыки полярного мореходства позволили поморам освоить кочевые пути по Студеному (Карскому) морю. В XVI в. они открыли морской путь в Обскую губу и вверх по Оби – в кладовую «мяг-

кой рухляди». К началу XVII в. поморы достигли устья Енисея. Известны следующие кочевые ходы в Карском море: «Мангазейский морской ход», «Новоземельский ход», «Енисейский ход». «Мангазейский ход» – путь в Обскую губу и город Мангазею, построенный на реке Таз в 1601 г. Путь проходил вдоль побережья Баренцева моря, через пролив Югорский Шар в Карское море к западному берегу полуострова Ямал, где суда шли реками. «Енисейский ход» вел из Поморья в устье реки Енисей, а «Новоземельский ход» – в северные районы Новой Земли.

2.3. Поход Ермака. Покорение Сибири

Во второй половине XVI в., когда Казанское царство было завоевано Иваном IV, для российского государства открываются пути на восток, к освоению Приуралья и Зауралья. Но Иван Грозный не имел возможности заниматься Пермской землей – все силы государства сковывали борьба с Крымским ханством, восстания татар и черемисов (марийцев) в Поволжье, надвигающаяся война с Ливонией. Поэтому в 1558 г. он пожаловал промышленников братьев Строгановых, Якова и Григория, землями по рекам Каме и Чусовой и велел их осваивать.

Строгановым было разрешено приглашать на новые места людей вольных – «не тяглых» и не беглых, и на 20 лет освобождать их от податей: «И хто в те крепости к Якову и к Григорью жити придут, и деревни и починки учнут ставити, и пашню роспахивати неписьмяные и нетяглые люди, и в те льготные лета с тех мест не надобе моя царя и великого князя дань, ни ямские, ...ни иные никоторые подати, ни оброк съ их промыслов и угодей в тех местех до урочных лет».

Царь предписал Строгановым заводить селения, пашни и соляные варницы, даровал право 20 лет торговать без пошлины солью и рыбою, но с обязательством «не делать руд» и, если найдут где серебряную, или медную, или оловянную, то немедленно извещать казначеев государевых. Позволил им ставить городки и остроги для защиты от набегов «ногайских и иных орд», иметь снаряд огнестрельный, пушкарей и воинов на собственном иждивении.

Теперь русские вплотную придвинулись к Каменному поясу не только на севере, но в средней его части (Южным Уралом в это время владели башкиры).

Новую реальность осознали в Кашлыке. Правивший там сибирский хан Едигер находился в сложном положении – с юга ему угрожал претендент на престол, хан Кучум, с войском из узбеков, ногайцев и башкир, с востока набирало силу монгольское Джунгарское ханство, а на западе надвинулась грозная русская держава. Едигер больше всего опасался Кучума и, решив заручиться поддержкой Москвы, в 1555 г. прислал послов с просьбой «белому царю», чтобы тот «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил (оборонил) и дань свою на них положил и даругу (сборщика дани) своего прислал, кому дань собирать».

Иван Васильевич милостиво согласился взять Сибирь «под свою руку». К названиям царств и княжеств в его титуле добавилось «всё Сибирские земли повелитель». Однако дань не заладилась. Послы обещали платить в царскую казну «со всякого черного человека по соболу, да даруге государеву по белке сибирской с человека», но когда русский данщик (даруга) приехал, Едигер ему ничего не дал, а отправил в Москву своего мурзу с 700-ами соболями. В Кремле же надеялись на 30 тыс. соболей, по числу взрослых мужчин в Сибирском царстве. Царь «опалился» и посадил мурзу в тюрьму. Позже Едигер, а дела его ухудшались, решил полностью подчиниться. Он прислал в Москву «грамоту шертную со княжею печатью, что учинился князь в холопстве, дань на всю свою землю положил, чтобы впредь ежегодно и беспереводно ту дань царю и великому князю со всей Сибирской земли давати».

К грамоте приложил дани «тысячу соболей да даружской пошины 160 соболей». Иван Васильевич смирился, принял дань и выпустил мурзу из тюрьмы. Размер дани определили в тысячу соболей, и послы обещали выплачивать дань «впредь ежегодно и бесповоротно». Но в 1563 г. хан Кучум нанес Едигеру поражение, захватил в плен и казнил.

Россию Кучум ненавидел, хотя сначала затаился: был занят наведением порядка в своем царстве. Дани при этом не посылал. Когда в 1569 г. Посольский приказ ему напомнил, Кучум ответил, что собирает дань, а Ивана Васильевича признает «братом старейшим». Позже, узнав о поражении турецкого войска под Астраханью (1569), хан решил дань все-таки выплатить и в 1571 г. отправил в Москву тысячу соболей. В этом же году Девлет-Гирей сжег Москву, и Кучум снова откатнулся от России. В 1573 г. лучший его

полководец, племянник Маметкул, сделал набег на пермские владения Строгановых.

В ответ Иван Грозный в 1574 г. дарует Якову и Григорию Строгановым «открытый лист» на сибирские земли по Туре, Тоболу, Оби и Иртышу.

Между тем союзные Кучуму вогулы продолжали набеги. Летом 1581 г. «безбожный мурза» Бегбелий Агтаков с вогулами и «со иными многими» пограбил погосты и деревни по Чусовой и Сылве и многих угнал в рабство. Строгановы организовали погоню. Многих «поймаша и побиша», поймали и Бегбелия. Но уже через месяц «пелымский князь» из-за «Камня» совершил новый набег. Набег поддержали местные вогульские (мансийские) племена. Жизнь поселенцев стала невыносимой. Строгановы обратились к государю за помощью. Они писали: «А вогуличи живут близко их слободок, а место лешее, а людям их и крестьянам из острогов выходу не дадут, и пашни похати и дров сечи не дают же. И приходят деи к им невеликие люди украдом, лошадей, коров отганивают и людей побивают, и промысел деи у них в слободах отняли и соли варити не дают». Семен и Максим Строгановы просили у царя разрешения провести новый набор «охочих людей». Разрешение они получили (20 декабря 1581 г.), но для набора из жителей Пермской земли.

Не рассчитывая на пермяков, Строгановы вступили в переговоры с казаками, многие из которых подлежали государевой опале за разбойные дела. Весной 1582 г. отряд атамана Ермака, числом 540 человек, появился в Строгановских вотчинах. Летом 1582 г. сложилась идея о походе за «Каменный Пояс». В конце августа, когда подготовка к походу была закончена, случился набег сына Кучума Алея и пелымского князя Аблегерима. С войском из 700 татар, вогулов, остяков и башкир они напали на владения Строгановых на Чусовой, но были отбиты казаками. Тогда Алей и Аблегерим повернуло войско на земли пермского воеводы и осадили пермскую столицу Чердынь, но город выстоял. Затем они пошли к Соликамску, взяли город приступом, перебили жителей, сожгли и пограбили погосты и деревни по Каме. Ермаковцы не принимали участия в защите Перми. Вместо этого казаки 1 сентября 1582 г. выступили в поход за «Каменный пояс».

В результате набега сына Кучума и пелымского князя русские понесли значительные потери. Было очевидно, что если бы казаки

Ермака не ушли за «Камень», потерь было бы меньше. Об этом Иван Васильевич получил донос от чердынского воеводы В.И. Пеллепицына, и Строгановым пришла опальная грамота (от 16 ноября 1582 г.). В грамоте царь обвинил Строгановых в «воровстве и измене»: «Вы Вогуличь и Вотяков и Пелынцов от нашего жалованья отвели и их задирали, и тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас. А Волжских атаманов к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указа. А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Ногайскою ордой, послов Ногайских на Волге, на перевозех побивали и Ордобазарцов (торговых людей татарских и других мусульманских ханов) грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили. И им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермскую землю оберегать, и они зделали с вами вместе по тому ж, как на Волге чинили и воровали: в которой день к Перми к Чердыни приходили Вогуличи сентября в 1 день, и в тот же день от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать Вогуличь, а Перми ничем не пособили».

Следует «тех казаков, Ермака с товарищи» из Сибири воротить и, разделив, отправить в Пермь и Усолье Камское, чтобы под командой московских воевод покрыли свои вины и вместе с пермичами и вятчанами воевали пелымского князя. А если Строгановы ослушаются, то приговор Грозного был суров: «А не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держать у себя... и нам в том на вас опала своя положить большая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати».

Строгановы, при всем своем желании, царю угодить не могли. Казаки уже были за «Каменным Поясом». События переместились в Сибирь.

В XVI в. в огромной Западной Сибири проживало около 80 тысяч человек. Оценка получена путем расчета по записям сибирских *ясаиных людей* в конце XVII в. В Сибири и на Дальнем Востоке в тот же период насчитывалось около 240 тыс. коренных жителей.

Большинство принадлежали к так называемой уральской расе, переходной между монголоидами и европеоидами. Для нее характерен невысокий рост, умеренная скуластость, нос с вогнутой спинкой, эпикантус (монгольская складка века). Глаза темные, ино-

гда зеленовато-карие. Волосы чаще темные. На крайнем севере, в прибрежной полосе Ямала и Обской губы, еще сохранились древнейшие жители – охотники за морским зверем. В преданиях ненцев прибрежный народ, *сиртя*, ушел под землю, но в действительности, сиртя смешались с ненцами или были истреблены.

Основным населением тундры и северной тайги были самодийские народы – ненцы и энцы (8-9 тыс.) и нганасаны (менее 1 тыс.). Самыми многочисленными были ненцы (ок. 8 тыс.), известные новгородцам еще с XI в. под именем «самоядь, самоеды». В XVI в. ненцы еще не перешли на тундровое оленеводство. Стада оленей у них были небольшие, и подспорьем служила охота и рыболовство. Ненцы были вовлечены в торговый обмен с русскими. Многие платили ясак но, как кремлевские дьяки с негодованием выяснили: приезжие удальцы «дань с них имали на себя». Порядок удалось навести лишь со строительством городка Мангазеи (1601) и посылкой воеводы и стрельцов.

Самодийские народы жили не только на севере. Самодийцы селькупы (ок. 3 тыс.) обитали по Средней Оби от Тыма до Чулыма. Селькупы ездили на оленях и занимались таежной охотой. Их именовали Пегой ордой по пестрой одежде, сделанной из кусочков меха. К Пегой орде русские относили и кетов (менее 1 тыс.), культурно схожих с селькупами, но говоривших на особом кетском языке.

Кроме обских угров, есть угры дунайские – венгры или мадьяры, переселившиеся в Венгрию из Предуралья (около 20 тыс.) первоначально известным русским под именем *югра*, делились на хантов и манси. Ханты или *остяки* (12 тыс.) разбросанно заселяли обширную территорию по Среднему и Нижнему Иртышу и Оби. Жили в срубных избах, летом ставили берестяные чумы в местах промысла. Занимались таежной охотой и рыбной ловлей.

На юге Западной Сибири в лесостепи и в горах Алтая и Западных Саян жили тюрки. Преобладали сибирские татары (ок. 30 тыс.), заселявшие лесостепь и прилегающую тайгу. В горах Алтая жили алтайские тюрки (1-2 тыс.). В Минусинской котловине жили воинственные енисейские кыргызы (ок. 13 тыс.). К югу от татар, в степях Казахстана, кочевали казахи, ногаи и монголы ойраты (калмыки).

Сибирские татары были единственным народом Сибири, имевшим в XVI в. единое государство – Сибирское ханство. Татары занимались скотоводством, земледелием, охотой и рыболов-

ством. У них были укрепленные городки, где жили ремесленники и купцы. Немалый доход им приносила посредническая торговля. Из Средней Азии и Ирана шли в Сибирь ткани, оружие, серебро (особо ценимое уграми), сушеные фрукты, а из Сибири – меха и ловчие птицы. Большинство татар приняли ислам и входили в состав Сибирского ханства. Чулымские и обские татары жили отдельно, к востоку от Оби до Енисея. Они сохраняли религию древних тюрков, поклонявшихся Тенгри – «Голубому Небу».

Тюрки появились на юге Западной Сибири в конце первого тысячелетия до н.э. Сначала они подчинялись гуннам, а в VI в. вошли в состав тюркского каганата. С VIII по X в. в Прииртышье существовал кочевой каганат кимаков. К востоку от кимаков в IX в. сложилось государство енисейских кыргызов. Первое государство предков сибирских татар было образовано в начале XII в. на Ишиме. В начале XIII в. Южная Сибирь была завоевана Чингисханом (1207) и вошла в состав улуса Джучи, а при его сыне Батые, оказалась в составе Золотой Орды. Но Батый не правил в сибирских и казахских степях: он передал эти земли брату, Орду Ичену (1242). Государство Орду Ичена и его потомков называлось «Кок Орда» – Синяя Орда, и находилось в вассальной зависимости от Золотой Орды. В самой Синей Орде были удельные княжества – улусы и юрты. Орду Ичен выделил младшему брату Шейбани улус в казахских степях. Так началась династия шейбанидов. Другим уделом, известным как «Тюменский юрт», владели тайбугиды – потомки монгольского воина Тайбуги.

В начале XIV в. Тюменский юрт разделился на собственно Тюменский юрт с центром в Чинги-туре (на месте Тюмени) и Сибирский юрт со столицей в Сибир-туре на Иртыше, недалеко от Тобольска. В обоих юртах правили тайбугиды.

В конце XIV в. по приказу золотоордынского хана Узбека началась исламизация сибирских татар. Язычники яростно сопротивлялись: погибло 330 из 336 шейхов-просветителей и 1148 сопровождавших их воинов. В 1468 г. шейбанид Ибак захватил Тюменский юрт, а в 1480 г. Сибирский юрт. Правителей тайбугидов Ибак уничтожил, но нарушил «Ясу» Чингисхана, позволив жить их детям. В 1481 г. Ибак напал на зимовку хана Золотой Орды Ахмада на Нижней Волге и убил его. Это был конец Золотой Орды и возвышение единого Сибирского ханства. Но нарушение «Ясы»

не прошло даром: в 1495 г. Ибака убил тайбугид Мухаммад, отомстивший Ибаку за деда. Тайбугиды вернулись к власти.

Мухаммад перенес столицу на берег Иртыша, в Сибирь-туру, получившую имя Кашлык. Его государство имело все основания именоваться ханством, но Мухаммад не был потомком Чингисхана и не мог носить титул хана. Русские именовали тайбугидов князьями, а татары беками. Вскоре случились события, имевшие далеко идущие последствия. В начале XVI в. Шах-Бахт Мухаммед Шейбани, стоявший во главе кипчакских племен, принявших имя *узбеки* в честь хана Узбека, завоевал владения наследников Тимура. Узбеки-кипчаки и немалая часть сибирских татар ушли с Шейбани в Среднюю Азию, где, смешавшись с местным населением, положили начало современным узбекам. Синяя Орда перестала существовать, а Сибирское царство лишилось пассионариев. Как пишет Гумилев: «Вместе с Шейбани в Среднюю Азию ушла наиболее активная и боеспособная часть населения Синей Орды, что десятки лет спустя негативно сказалось на судьбе Кучумова царства».

С 1530 г. Сибирским царством правил тайбугид Едигер (Ядгар бен Гази). Главной опасностью для него были жившие в Бухаре потомки хана Ибака, стремившиеся вновь занять сибирский престол. Едигер, предвидя войну с шейбанидами, решил заручиться поддержкой Москвы. В 1555 г. он предложил платить дань *Белому царю* (так на Востоке звали русских царей, начиная с Ивана Грозного, на что Иван Васильевич охотно согласился). Выплата дани мало помогла Едигеру: внук Ибака, Кучум, при поддержке бухарцев и ногайцев за несколько лет сумел его разбить. В 1563 г. Кучум захватил Кашлык и казнил Едигера и его брата Бекбулата. Но у тайбугидов было много сторонников. Им удалось спасти сына Бекбулата Сейдяка (Сеида), будущего противника Кучума. Кучуму пришлось воевать с мятежными мурзами, а потом в лесных дебрях выискивать и приводить к покорности остякских и вогульских князцов. Борьба продолжалась семь лет и была беспощадной. Кучум не только покорял татар, остяков и вогулов, но обращал их в ислам. С помощью ногайских и бухарских воинов Кучуму удалось к 1571 г. полностью подавить сопротивление и даже покорить новые племена.

При Кучуме Сибирское ханство укрепилось. Как чингизид, он был легитимным ханом. Кучум расширил границы владений до низовьев Оби. При нем Сибирское ханство граничило на юге

с Казахским ханством, на юго-западе – с Ногайской Ордой, на северо-западе, по Уральским горам, – с владениями Строгановых, на севере – с ненцами, на востоке – с Пегой Ордой. Ядро ханства составляли татары, расселившиеся в лесостепной полосе между Тоболом, Турой и Иртышем с Омью.

Благополучное на первый взгляд Сибирское ханство было непрочное. Хотя часть татар искренне приняла Кучума, многие надеялись на возвращение тайбугидов. Ненадежны были силой приведенные к шерти вогульские и остяцкие князцы.

Спокойствие в стране сохранялось лишь благодаря ослабленной пассионарности татар, потерявших поколение батыров, ушедших с Шейбани в Среднюю Азию, и низкой пассионарности угров, давно перешедших в фазу *этнического гомеостаза*. (По Гумилеву, этнический гомеостаз – это устойчивое состояние этнической системы, когда уровень пассионарности определяется этноландшафтным равновесием и нет смены фаз этногенеза). Пассионарии группировались вокруг Кучума, но они, как и сам хан, были пришельцами, выходцами из других тюркских этносов, по обычаям и поведению чуждыми сибирским татарам. Иными словами, ханству Кучума в первую очередь не хватало единства, той самой *асабиши*, которая, согласно П. Турчину, скрепляет этносы и государства. Достаточно было внешнего толчка, чтобы такое государство развалилось.

Между тем к западу от Сибирского ханства обстановка менялась – Россия расширялась. В 1554 г. хан Большой Ногайской Орды признал себя вассалом *Белого царя*, в 1556 г. было покорено Астраханское ханство, в 1569 г. под Астраханью погибла большая часть брошенной на ее захват турецкой армии. В том же году Посольский приказ напомнил Кучуму о задолженности по выплате дани. Сибирский хан решил подчиниться и в 1571 г. направил в Москву посла с данью в тысячу соболей. В Посольском приказе появилась запись: «Да послал Кучум о том, чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю».

Покорность свою Кучум посчитал большим унижением, и как только ему показалось, что Россия ослабла, решил отомстить. Сожжение крымским ханом Москвы в 1571 г. убедило Кучума в слабости царя. Он немедленно прервал даннические отношения, а в 1573 г. отправил племянника Маметкула (Мухаммед Кула)

с войском во владения Строгановых. Маметкул «пограбил и пожегл» пермяков и вотяков. Для Строгановых это было болезненно: пермяки и вотяки платили дань пушниной. И уж совсем вызывающим было убийство царского посла, сына боярского Третьяка Чебукова, направлявшегося к Казахскому хану.

Иван Грозный, занятый войной с поляками и шведами, не имел возможности посылать войско против непокорного вассала. Сообщения «Соликамской летописи» и «Книге записной» о посылке в 1574 г. в Сибирь отряда полкового воеводы Афанасия Лыченицына, разгромленного Кучумом, рядом исследователей считаются недостоверными: Лыченицына нет в списках воевод Грозного и, кроме того, подобный приказ противоречит осторожной политике царя, стремившегося подчинить Кучума без войны.

Кучум тоже предпочитал действовать чужими руками, поддерживая восстания черемисов (марийцев) и натравливая на русских вогульских князцов, хотя татары и башкиры нередко участвовали в их походах. В 1582 г. хан все же послал в набег на земли Строгановых и Пермь старшего сына Алея (Али) с татарами и вогулами, но и терпение Строгановых истощилось. Последующие события описаны в «Вычегодско-Вымской летописи»: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельинский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял. Того же лета снарядиша Максим да Григорей Строгановы казацких ватаманов а с ними охотчие люди Сибирскую землю воевати и шедшу тое казаки за единолет всю Сибирскую повоевали, за князя великого привели».

Кучум явно недооценил Строгановых, решивших призвать казаков на помощь и использовать их не только для обороны, но и для наступления. Недооценил Кучум и боевые возможности казаков по сравнению с собственным войском. Какими же силами располагал Сибирский хан к началу похода Ермака? Согласно сведениям Посольского приказа, Кучум мог выставить в поле до десяти тысяч воинов, хотя Р.Г. Скрынников считает это число завышенным. М. Абдиров, напротив, оценивает численность войска Кучума в 10-15 тыс. человек. Ю.С. Худяков считает, что войско

Сибирского хана «насчитывало не один тумен» (тумен – 10 тыс. воинов). Если оценить население ханства Кучума в 50 тыс. человек (включая угров), то мужчин старше 15 лет, при продолжительности жизни в 50 лет, там было 70 % от 25 тыс., то есть около 17 тысяч. Следовательно, при тотальной мобилизации Кучум мог выставить в поле 15-тысячное войско, а на самом деле – 7-8 тысяч.

Ядро войска Кучума составляла ханская гвардия – наемная ногайская, башкирская и бухарская конница и чувашаи, жившие в укрепленном Чувашевом городке. Гвардия носила кольчуги и имела разнообразное холодное оружие, мало чем отличающееся от оружия казаков. Хорошо была вооружена и татарская аристократия и их дружины. Численность их не превышала тысячи воинов. Основную массу войска составляли ополченцы из улусов и отряды манси и хантов (вогулов и остяков). Простые улусники обычно воевали без доспехов, вооруженными луками и копьями. У сибирских татар не было огнестрельного оружия. Основным оружием татар был монгольский лук, что совсем не плохо по сравнению с пищалями, требующими три минуты на перезарядку. При столкновении с казаками, одетыми в панцири и кольчуги, лук мог служить грозным оружием, но лишь при наличии тяжелых бронебойных стрел с калеными (стальными) наконечниками, способными раздвигать кольца кольчуги и даже пробивать панцирь. Бронебойных стрел у татар (и тем более, у вогулов и остяков) было мало, а легкие стрелы с железными и, еще чаще, костяными наконечниками, эффективные в боях с легковооруженным противником, были почти бесполезны в столкновениях с железной ратью Ермака.

Таким образом, Кучум не подготовился к серьезной войне с русскими. Он пытался получить пушки от Крымского хана, но не подумал о бронебойных стрелах, которые можно было закупить в Бухаре или изготовить на месте – опытные кузнецы в Сибири были. Ошибкой был и созыв ополчения, увеличившего массу войска, но понизившего его стойкость. В битве под Чувашевой горой первыми побежали остяки, за ними вогулы, а потом улусные татары. Прочие обстоятельства распада Сибирского ханства от Кучума не зависели. Однако в последующей борьбе с Ермаком сибирский хан явил свои сильные стороны – нестигаемую волю, способность оправиться после тяжких поражений и терпеливо ждать своего часа.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему первоначальная информация о Сибири исходила из Новгорода?
2. Каковы причины похода Ермака?
3. Какой хозяйственный уклад преобладал в Сибири до прихода русских? Что стимулировало развитие земледелия в Сибири?
4. Перечислите основные положения восточной политики Русского государства до XVI в.

3. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

3.1. Политический и национальный аспекты колониционной политики

Долгое время в нашей исторической науке господствовал подход, при котором советские историки, отвергая на словах, на деле руководствовались принципом известного марксистского историка М.Н. Покровского: «история – это политика, обращенная в прошлое». Такой подход накладывал существенный отпечаток на оценку и характеристику почти всех исторических событий и явлений, зачастую сильно искажая их. Не миновал он и историю Сибири. Особенно сильно политизированной оказалась проблема присоединения этого региона к России. Оценка данного события менялась вслед за изменением политической конъюнктуры.

В первое двадцатилетие советской исторической науки безраздельно господствовала концепция завоевания Сибири. С одной стороны, она опиралась на вековую историографическую традицию (дореволюционные историки присоединение Сибири к России трактовали в целом как завоевание), а с другой – вполне соответствовала тогдашним устремлениям по разоблачению царизма, его колониальной политики, а также «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма» (работы С.В. Бахрушина, А.П. Окладникова, С.Б. Окуня и др.).

После Великой Отечественной войны в целях укрепления дружбы народов, подчеркивания выдающейся прогрессивной роли России в отношении стран Востока, воспитания масс на примерах истории и по ряду других причин (связанных с советской идеологией) получает распространение тезис о добровольном и мирном характере вхождения сибирских народов в состав Московского царства.

Однако известные факты сибирской истории и вековая историографическая традиция не позволяли все же, безусловно принять тезис о добровольном вхождении Сибири в состав России. В этих условиях ряд историков ввели в оборот нейтральный термин «присоединение», что позволило им согласовать и завоевание, и добровольное вхождение. Термин «присоединение» благодаря своей расплывчатости казался очень удобным, и в начале 1960-х гг. лидер

советского сибиреведения В.И. Шунков предложил признать оправданным господство в нашей литературе термина «присоединение», поскольку он включает в себя «явления различного порядка – от прямого завоевания до добровольного вхождения». При этом, правда, Шунков особо подчеркивал, что «факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям» и что «отрицать наличие в этом процессе элементов прямого завоевания, сопровождавшегося грубым насилием, значит игнорировать факты».

Сформулированный Шунковым термин «присоединение» сразу же был принят на вооружение советскими историками и вошел как аксиома в их работы. Но при этом в исследованиях 60-х гг. достаточно быстро произошла подмена трактовки самого этого термина. Подавляющее большинство советских историков, не отрицая в принципе «элементов завоевания», акцент стали делать на «мирном» и даже «добровольном» вхождении сибирских народов в состав России. Это вполне соответствовало идеологическим установкам тех лет, когда утверждался тезис «советский народ – новая историческая общность людей» и нужно было доказывать вековую дружбу народов, входящих в состав СССР.

В конечном счете в советской историографии к 1970-м гг. возторжествовала концепция преимущественно мирного и добровольного присоединения Сибири к России. Суть ее сводилась к следующему: завоевание имело место только на первом этапе, когда дружина Ермака разгромила Сибирское ханство, и только исключительно в отношении этого ханства, остальные же территории Сибири и сибирские народы мирным путем входили в состав Русского государства, русские поселенцы и казачьи отряды осваивали земли, строили города, заводили пашни, вступали в мирные хозяйственные и культурные связи с местным населением, и только в редких случаях малочисленные кочевые и охотничьи племена оказывали сопротивление. Но эти отдельные вооруженные столкновения не меняли общего мирного характера присоединения Сибири. Фактически произошло выхолащивание концепции Шункова: из трактовки присоединения исчезло завоевание и осталось только добровольное вхождение.

Нужно заметить, что аналогичным образом в то время оценивалось и характеризовалось присоединение к России не только Сибири, но и других регионов – Поволжья, Кавказа, Средней Азии.

Таким образом, являясь не плодом научных исследований, а продуктом советской идеологии, концепция «преимущественно мирного присоединения» Сибири опиралась не на факты, а на заданные идеологические установки. И, естественно, как только эти установки стали рушиться, трещину дала и сама концепция.

Начавшаяся в середине 1980-х «перестройка», а вслед за тем и обвал марксистских догм, рост национального самосознания и национальных движений народов, входящих в состав СССР, привели сначала к медленному, а потом к все ускоряющемуся пересмотру концепции «преимущественно мирного и добровольного вхождения» народов в состав России.

Для историков толчком к обсуждению проблемы, вероятно, послужила публикация 17 августа 1989 г. в газете «Правда» «Платформы КПСС о национальной политике партии в современных условиях». В этом партийном документе, между прочим, говорилось: «Нужна, прежде всего, неискаженная, полная правда о реальных процессах развития межнациональных отношений в СССР, о том, какие причины привели к возникновению острых коллизий в межнациональных делах. И здесь не должно оставаться «белых пятен».

Буквально вскоре, 20–24 ноября 1989 г., в г. Звенигороде состоялся «круглый стол» на тему «Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия». В его работе принимали участие многие видные историки из Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик СССР. Материалы стола продемонстрировали начавшийся отказ историков от прежней господствовавшей трактовки присоединения как, безусловно, добровольного и мирного процесса, плюрализм мнений, сложность самой проблемы, неоднозначность оценок. При этом четко обозначилось, что, если столичные историки пытались еще как-то отстоять понятие «добровольное вхождение», то историки, представлявшие национальные республики, как правило, подвергали это понятие остракизму. Но в целом участники стола отметили сложность и неоднозначность процесса присоединения той или иной территории к России.

С начала 1990-х гг. в исторической литературе, когда речь заходила о приобретении Россией в XVI–XIX вв. новых территорий, все чаще стали использоваться термины «завоевание», «колониальная политика», «экспансия».

Перемены затронули и сибирскую историографию. В новейшей литературе, опубликованной в 1990-е гг., уже признается неоднозначный характер присоединения Сибири в целом и ее отдельных регионов в частности, сложность и противоречивость этого процесса. Отмечается, что нельзя преуменьшать масштабы конфликтов, которые имели место на этапе присоединения Сибири к России, а также степень сопротивления русским отдельных групп местного коренного населения. Указывается на то, что взаимоотношения русских и аборигенов были крайне напряженными, имелось много моментов, приводящих к конфронтации отношений и вооруженным столкновениям. Историки отказываются от употребления термина «добровольное вхождение» как несоответствующего реальным фактам и к тому же искажающего этническое самосознание народов. В частности, якутский историк Г.А. Иванов, анализируя взаимоотношения русских и якутов, обратил внимание на то, что «в концепции «добровольного вхождения» Якутии в состав дореволюционного Русского государства по логике ее авторов проходит мысль о том, что якутский народ – это такой этнос, который сам «напрашивался» на свое бесправное положение».

Однако при знакомстве с сибириеведческой литературой последнего десятилетия явно бросается в глаза следующее обстоятельство. Как не странно, общий пересмотр взглядов на проблему присоединения к России нерусских народов не привел к появлению сколько-нибудь большого количества работ, касающихся оценки характера присоединения Сибири. Складывается впечатление, что историки с большой осторожностью относятся к данной проблеме, поскольку не без основания опасаются, что ее широкое обсуждение может вызвать обострение межнациональных отношений в Сибири. Данное обстоятельство, видимо, обусловило и стремление многих историков, описывающих присоединение тех или иных территорий, сознательно или неосознанно уйти от оценки и характеристики самого процесса, ограничиваясь изложением сугубо фактической стороны дела. На сегодняшний день редко кто из сибириеведов прямо ставит вопрос о характере присоединения Сибири к России. И это, конечно, создает определенные трудности, когда пытаешься обозначить, какой же позиции придерживается тот или иной автор.

Тем не менее проведенный анализ новейших исследований, в которых, так или иначе, затрагивались проблемы присоединения

Сибири к России, позволяет нарисовать картину состояния историографии по вопросу о характере присоединения, выделив при этом основные позиции и концепции, проявившиеся к настоящему моменту, а также остановиться на ряде принципиальных вопросов, без решения которых, невозможно поставить все точки над «i».

На данный момент достаточно четко проявились три взгляда (назовем их условно концепциями) на характер присоединения Сибири.

Во-первых, несмотря на признание противоречивости характера присоединения, продолжает существовать «концепция преимущественно мирного вхождения Сибири в состав России». Ее позиции, правда, сильно пошатнулись, но сторонников она имеет еще достаточно много. Представители этого направления, критикуя советскую историографию за идеализацию процесса присоединения Сибири и соглашаясь с тем, что этот процесс имел сложный и противоречивый характер (даже сопровождался насилием и жестокостью), в то же время утверждают, что факты вооруженных столкновений между русскими и аборигенами имели место только на первых порах и носили локальный характер, что насильственные методы сочетались с мирными, причем последние явно преобладали и были основными. Одним словом, «довольно частые военные конфронтации пришлых иноземцев и туземного населения не изменили в целом мирного вхождения необъятных территорий Сибири в состав Русского государства».

В принципе эта концепция мало изменилась по своей сути по сравнению с 70–80-и гг., разве что из нее исчезло, или почти исчезло, упоминание о «добровольности». Более того, до сих пор встречаются работы, в которых по-прежнему старательно умалчиваются факты вооруженных столкновений и сопротивления сибирских аборигенов, походы русских казаков «встречь солнцу» преподносятся как исключительно «великие географические открытия», а сами казаки как бескорыстные землепроходцы, этикие «рыцари без страха и упрека». Сложные отношения с южносибирскими кочевниками трактуются однозначно как оборонительные со стороны России и агрессивные со стороны кочевников. Подобные взгляды нашли отражение и в появившейся в последние годы учебной литературе для средних школ.

Вторая концепция – это «концепция присоединения», в той трактовке, какую ей дал В.И. Шунков. Вероятно, первым вернуться

к ней призвал новокузнецкий историк А.Ю. Огурцов. В двух своих статьях, вышедших в 1990 и 1994 гг., он весьма жестко критиковал «миротворческие» усилия советских историков, которые исказили концепцию Шункова, и в соответствии с последней высказал утверждение, что «присоединение Сибири к России представляет собой чрезвычайно пеструю мозаику, в которой мирный и насильственный элементы создают разнообразную цветовую гамму со множеством оттенков». В 1992 г. в аналогичном духе высказался Н.И. Никитин, указавший на то, что «по сути дела и за Уралом Россия проводила обычную для государства своего времени политику, расширяя мирным и, если надо, немирным путем собственную территорию за счет более слабых соседей».

Однако, за исключением А.Ю. Огурцова, пожалуй, больше никто из историков открыто не заявил о том, что стоит на позициях «шунковской» концепции. Тем не менее по смыслу и содержанию работ можно все же предположить (но только предположить), что данной концепции придерживаются такие исследователи как Н.И. Никитин, Д.Д. Нимаев, Б.Б. Батуев и И.Б. Батуева, П.А. Слепцов, Н.С. Модоров, Г.П. Самаев, В.И. Дьяченко, она нашла отражение и в учебных пособиях для школ. Обращая большое внимание на военно-насильственный элемент в присоединении (употребляя даже термин экспансия), они указывают и на факты мирного и отчасти добровольного вхождения отдельных народов в число подданных «белого царя». При этом интересно отметить, что некоторые из исследователей, судя по их работам, все более акцентируют внимание на военную сторону присоединения, на жестокости казачьих отрядов и сопротивлении аборигенов установлению русской власти (Б.Б. Батуев, Н.С. Модоров).

Наконец, в новейшей литературе зазвучала и «концепция завоевания», демонстрирующая полную или частичную реанимацию тех взглядов, которые господствовали в отечественной историографии до 1940-х годов (а в зарубежной историографии доминируют до сих пор). Применительно к истории Сибири ее впервые четко и безапелляционно сформулировал казанский историк И. Измайлов в статье 1991 г. под названием «Счеты и просчеты имперских историков», где написал об извечной агрессивности русской восточной политики и назвал русских землепроходцев «бродягами, авантюристами и разбойниками». Однако сколько-

нибудь существенной открытой поддержки эта концепция до сих пор не получила.

Схожую точку зрения несколько ранее, но применительно только к присоединению одного региона – северо-восточной Сибири, высказал В.Н. Кузьминых. В небольшой статье «Неизвестная война. Чукотка 1649–1755 гг.» он четко сформулировал тезис, что в отношении колонизации этой территории «применим термин «завоевание», поскольку там с момента появления С. Дежнева почти сто лет шла «необъявленная война» русских с чукчами».

Ряд историков, не высказывая открыто своей позиции, тем не менее, судя по их работам, склоняются к признанию концепции завоевания. Так, А.В. Головнев охарактеризовал «первый этап» присоединения северо-западной Сибири в XVI–XVII вв. как «военный». Е.П. Кандаракова, характеризуя процесс присоединения Северного Алтая к России, использовала термины «захват», «покорение», «подчинение». Другой исследователь, кемеровчанин С.В. Романов, пришел к выводу, что «взаимоотношения русских и инородцев были крайне напряженными, имели много моментов, приводящих к конфронтации отношений».

Тураев В.А. в своей очень интересной источниковедческой статье показал, как стремление подчеркнуть мирный характер «сибирской одиссеи России» привело советских историков к цензурированию источников, что выражалось в их публикациях с купюрами, которые имели принципиальный характер. Он привел конкретные примеры того, как в результате «кастрации» документов искажался их общий смысл, особенно в части описания взаимоотношений русских с аборигенами. Отметив, что характер источников не соответствует концепции мирного присоединения Сибири, Тураев пришел к вполне однозначному выводу: «Реальная история народов Сибири и Дальнего Востока, их взаимоотношений с Российским государством гораздо сложнее. Совсем не простым и не мирным было их присоединение к России. Нет практически ни одного, даже самого маленького народа, который оказался бы в ее составе по собственной воле».

К признанию концепции завоевания стал, видимо, склоняться и такой известный исследователь-сибириевед как Б.П. Полевой. В вышедшем первом томе «Истории Русской Америки» он в отношении присоединения всей Сибири использовал термин «завоевание», подчеркнув, правда, при этом, что вооруженных конфликтов

было «относительно не так уж много», и продвижение русских по Сибири носило в целом мирный характер. Стоит заметить также, что Б.П. Полевой призвал историков освободиться, от созданного в отечественной историографии «странного культа» Е.П. Хабарова и мифологизации русского продвижения на Амур, восстановив историческую правду об амурском походе и лично самом Хабарове, действия которого, возможно, принесли больше вреда, нежели пользы русским интересам в Приамурье.

В последнее время появилось и немало работ, авторы которых, как указывалось выше, вообще избегают давать оценку характеру присоединения Сибири. Но независимо от того, каких взглядов по данному вопросу они на самом деле придерживаются, излагаемый ими фактический материал по истории присоединения отдельных регионов или Сибири в целом (о казачьих походах, многочисленных вооруженных столкновениях, упорном сопротивлении сибирских народов установлению русской власти) рисует перед читателями картину именно завоевания. Это относится к таким работам как первый том «Истории казачества Азиатской России» (авторы соответствующих разделов Н.И. Никитин и В.Н. Дариенко), «Древний город на Оби: история Сургута» (Е.М. Главацкая, А.Т. Шашков, Н.А. Миненко), «Очерки истории Коды» (А.Т. Шашков), статьям Е.М. Михайловой, А.Р. Артемьева, А.А. Бродникова.

Таким образом, в целом при знакомстве с новейшей сибириеведческой литературой по проблеме присоединения Сибири к России видно, что, во-первых, наметился плюрализм мнений, во-вторых, историки стали отказываться от однозначной трактовки присоединения, господствовавшей прежде, хотя многие из них, если не большинство, продолжают придерживаться прежней точки зрения о преимущественно мирном характере присоединения, в-третьих, в работах все большее внимание начинает уделяться военно-политическому аспекту присоединения, характеру взаимоотношений русских с аборигенами, вооруженным столкновениям, т.е. тому, о чем ранее предпочитали умалчивать, наконец, в-четвертых, явно заметна неуверенность исследователей в определении характера присоединения Сибири, большинство из них избегают какой-либо оценки, ограничиваясь в лучшем случае констатацией сложности и противоречивости самого процесса присоединения.

3.2. Сибирские научные экспедиции

Наряду с попытками утвердиться на крайнем северо-востоке активно шли в XVIII в. и морские исследования. Корабли российского флота достигли берегов Северной Америки, открыли Аляску и Алеутские острова. Уже с середины века там начинается масштабный промысел пушного зверя. К концу столетия на сцене появляется Г.И. Шелихов, с именем которого связана русская колонизация Аляски и возникновение так называемой Русской Америки. На жизни и деятельности этого человека, которого современники называли не иначе, как русским Колумбом, стоит остановиться особо. Происходя из небогатых купцов Курской губернии, Шелихов в молодости свел знакомство с известным И.И. Голиковым – тоже купцом, написавшим 12-томную историю царствования Петра I. По его протекции Шелихов в 70-х гг. попал в Иркутск, где развернул собственную предпринимательскую деятельность, а оттуда – в Охотск, где начал сам снаряжать экспедиции за пушниной. Со временем ему пришла мысль организовать на Алеутских островах и на американском побережье постоянные базы. В 1784 г. на трех судах он отправился на о. Кадьяк, где сумел «убедить» аборигенов в своей «дружбе и мирных намерениях», после чего заложил там крепость и селение. Вернувшись в Россию, Шелихов добился аудиенции у Екатерины II, убеждая ее в необходимости создания монопольной торговой компании и активного заселения Северной Америки русскими. Императрица, будучи противницей торговых монополий, его идею не поддержала, но и не отклонила, предоставив возможность действовать по собственной инициативе. Шелихов этим воспользовался, и к концу века на островах и на Аляске насчитывалось уже 6 русских поселений.

Шелихов скончался в 1795 г., однако дело его не пропало и продолжало развиваться. В 1796 г. на о. Ситка была построена столица Русской Америки Новоархангельск, а в 1799 г. по указу императора Павла I создается Российско-Американская компания, объединившая всех сибирских купцов, промышлявших в северной части Тихого океана и получившая монопольные права на торговое обслуживание русских владений в Северной Америке и колонизацию новых территорий. Под крылом компании расширялась добыча пушнины и морского зверя, развивалась торговля с индейцами и с колониями других европейских держав, был заведен свой флот

и т. д. Полученную на Тихом океане пушнину русские купцы в Сибири обменивали на китайский чай, который затем отправляли на продажу в центральную Россию и в Европу. Управлявший после Шелихова русскими поселениями в Америке А. А. Баранов настойчиво расширял владения компании к югу, добравшись даже до северной части современной Калифорнии, где в 1812 г. был основан форт Росс.

Но не только новыми успехами колонизации и дальнейшим расширением русских границ замечателен в истории Сибири XVIII в. Он также стал временем организации масштабных научных экспедиций с целью возможно более тщательного изучения до сих пор остававшихся во многом «неведомыми и незнаемыми» сибирских земель. Современники не случайно называли это столетие эпохой «второго открытия Сибири». Конечно, и в XVII в. немало полезной информации можно было найти в отписках и сказках русских землепроходцев, в статейных списках посольств и т. д., но все они, оседаая в Сибирском приказе, становились достоянием архивов и почти не использовались. К началу XVIII в. оказалось забытым даже плавание Дежнева. Первым трудом, предназначенным для использования в повседневных делах государственного управления, стала «Чертежная книга Сибири» 1701 г., составленная тобольским сыном боярским С.У. Ремезовым и включавшая планы почти всех сибирских городов с уездами. А в царствование Петра I изучение Сибири было возведено в ранг важнейшего государственного мероприятия, так что произошел принципиальный перелом во взглядах российского правительства на восточную половину империи.

Главным вопросом, занимавшим лично Петра I, было то, «сошлась ли Азия с Америкой?». Для его разрешения сначала в 1711–1721 гг. силами нескольких экспедиционных отрядов было произведено изучение Камчатки и Курильских островов, впервые точно нанесенных на географическую карту.

А в самом начале 1725 г., Петр поручил В. Берингу, датскому капитану на русской службе, окончательно выяснить ответ на этот вопрос. В ходе Первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг. Беринг открыл о. Св. Лаврентия, прошел через пролив, впоследствии названный его именем, и вышел в Северный Ледовитый океан, подтвердив, таким образом, известия Дежнева о том, что Азия отделена от Америки проливом. Двое из участников этой экспедиции

в 1732 г., отплыв с Камчатки, достигли берегов северо-западной Аляски. Сам Беринг продолжал оставаться в Восточной Сибири, чтобы возглавить в скором времени Вторую Камчатскую экспедицию.

Одновременно началось и обследование внутренних областей Сибири. В 1719 г. сюда был направлен по договору на 7 лет доктор Д.Г. Мессершмидт, изучавший географию и природные богатства края, его историю, жизнь сибирских народов и т.д. Собранные им огромные естественно-исторические и этнографические коллекции в 1727 г. были переданы в распоряжение Академии наук в Петербурге.

Но главным событием сибирской истории первой половины XVIII столетия стала, конечно же, Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг., состоявшая из одного сухопутного «академического» отряда (включавшего несколько самостоятельных групп) и шести морских отрядов. На сухопутный отряд была возложена задача исследования по возможности всей территории русских владений за Уралом, морские же экспедиции должны были искать земли к востоку и югу от Камчатки, а также выяснить, существует ли морской путь от северных берегов Сибири к Индии и Южной Америке.

«Академический» отряд состоял из европейских ученых, поступивших на русскую службу. Среди них были профессора Г.Ф. Миллер (историк и филолог) и И.Г. Гмелин (естествоиспытатель), академик Делиль де ла Кройер (географ и астроном), адъюнкты Петербургской Академии И.Э. Фишер и Г.В. Стеллер, переводчик Сената Я. Линденау. Под началом у них состояли русские студенты, геодезисты, художники, переводчики. Объехав почти всю территорию Сибири, они собрали гигантский материал по интересовавшим каждого из них отраслям знаний: составили огромные коллекции образцов минералов, флоры и фауны, зафиксировали в экспедиционных дневниках наблюдения и выводы относительно истории и этнографии как аборигенов, так и русского населения Сибири, провели географическую и астрономическую съемку многих местностей и т. д. Еще более важным явилось то обстоятельство, что большинство этих материалов были опубликованы, составив, без преувеличения, золотой фонд европейской науки XVIII в.

Гмелин И.Г. по возвращении издал многотомный труд «Флора Сибири», С.П. Крашенинников, участвовавший в экспедиции студентом, опубликовал в 1755 г. «Описание земли Камчатки». Но главной фигурой в составе экспедиции стал, конечно же, Г.Ф. Миллер, которого называют, подобно Геродоту, «отцом сибирской истории».

Миллер Г.Ф. родился в 1705 г. в Вестфалии, и уже в возрасте 20 лет, окончив Лейпцигский университет, перебрался в Россию. В 1731 г. стал профессором Петербургской Академии наук, потом отправился в Сибирь, а по возвращении получил в 1747 г. официальную должность историографа. С 1766 г. и до своей смерти в 1783 г. руководил архивом Коллегии иностранных дел. Научная деятельность Г.Ф. Миллера была исключительно многообразна: он издавал исторические памятники, редактировал журналы, писал научно-исследовательские статьи. Венцом же его исследовательской деятельности стал фундаментальный труд «История Сибири», в котором он собрал и обобщил полученные им в Сибири уникальные материалы – целый свод исторических, этнографических и географических сведений. Кроме того, в ходе путешествия по Сибири Миллером были исследованы местные архивы, а вывезенные им оттуда документы впоследствии составили содержимое значительных фондов центральных государственных архивов в Москве и Петербурге. Не обращаясь к этим фондам, невозможно изучать историю Сибири XVII–XVIII вв. даже в наши дни.

Миллер не только лично изучал архивные документы в сибирских городах, но и проводил специальные опросы воеводских канцелярий, посылая их начальникам свои анкеты с требованием дать письменные ответы на сформулированные там вопросы. Как писал впоследствии сам ученый, «я за благо рассудил, что для получения о подлинном состоянии каждого города... обстоятельных и достоверных ведомостей, необходимо нужно оных требовать от канцелярий в каждом городе». В первую очередь Миллера интересовали истории основания городов и слобод: требовалось указать, когда, по каким указам и кем был основан город или слобода, причем сделать это по выпискам из подлинных документов и старинных дел. Далее шли вопросы по современному состоянию города – его строения, состояние дел в канцелярии, состав ее служителей, сохранность архивных дел. Сведения о населении Миллер запрашивал по выделенным им категориям: служилому, русскому податно-

му и аборигенному ясачному. Интересовали его также объемы ежегодных сборов налогов и таможенных пошлин, доходы и расходы местной казны. Уже по этому перечню можно заключить, насколько ценными оказались для последующих поколений ученых собранные Миллером сведения, ведь большинство документов сибирских архивов XVII–XVIII вв. до нас не дошли – погибли от пожаров, сгнили, истлели и т. д. Однако содержание их можно найти в сделанных Миллером выписках, а также его дневниках и путевых описаниях.

Менее успешными оказались действия морских отрядов Великой Северной экспедиции. Пройти вдоль побережья Северного Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки не удалось – в XVIII в. произошло резкое похолодание сибирского климата, так что морские пути, которыми русские свободно пользовались в предыдущем столетии, оказались теперь непроходимыми.

Вторая Камчатская экспедиция командора Беринга и А.И. Чирикова, работая в северной части Тихого океана в 1741–1742 гг., снова отправилась к берегам Америки. Беринг не смог туда добраться, потерпев крушение у необитаемого острова, где многие члены экипажа во главе с командором погибли от голода. Чириков же достиг американского берега, но не смог там высадиться, после чего предпринял плавание к Алеутским островам. В 1743 г. правительственным указом деятельность Великой Северной экспедиции была прекращена. Благодаря достигнутым ею результатам, правительство и образованные круги России получили представление об огромной части империи, ранее практически неизвестной, отечественная и европейская наука обогатилась замечательными результатами проведенных ее участниками исследований, а сделанные ими открытия по праву находятся в одном ряду с великими мировыми географическими открытиями XVI–XVII вв.

3.3. Социально-экономическое развитие Сибири

В характере заселения Сибири с начала XVIII в. произошли существенные изменения. Прежде всего надо отметить снижение роли переселенцев из Европейской России и возрастание доли естественного прироста сибирского населения. Численность последнего возросла с 500 тыс. в начале века до 1,2 млн в конце, и почти три четверти из этого прироста были достигнуты именно

за счет русского населения. Необходимо отметить, что величина естественного прироста населения Сибири оказывалась в полтора-два раза больше, нежели в других регионах страны. Правда, удельный вес его в составе населения России по-прежнему оставался крайне низким: примерно 3 %. Поэтому рабочих рук, как и ранее, не хватало, и правительство было весьма заинтересовано в миграциях населения (особенно крестьянского) как из Центральной России за Урал, так и внутри самой Сибири.

С истреблением пушного зверя в таежных районах и постоянным продвижением русских границ на юг под прикрытием укрепленных линий и армейских гарнизонов центр тяжести колонизации все более смещается с севера на юг, в районы Прииртышья и Приобья, Алтая, Прибайкалья и Забайкалья. Лежавшие в степях богатые и плодородные земли привлекали к себе внимание крестьян. Еще в 20-е гг., спасаясь от преследований властей, в Сибирь бежали тысячи раскольников-старообрядцев, часть потомков которых позднее заселила Алтай. Существенные масштабы приобрело бегство в Сибирь крепостных крестьян из центра страны. В Иркутской провинции в 1744 г., например, почти половину от общего числа переселившихся сюда составляли беглые, не имевшие никаких документов и предпочитавшие называться «не помнящими родства». Правительство же, заинтересованное в снабжении продовольствием многочисленных воинских частей, охранявших границу, не предпринимало даже попыток остановить этот поток или возвращать беглых обратно, ограничившись лишь налаживанием учета для обложения их подушной податью и другими налогами и повинностями.

Здесь кроется одна из своеобразных черт сибирской истории XVIII в. Мероприятия, проведенные в царствование Петра I (перепись населения и первая ревизия, введение паспортов, законодательно закреплявших контроль государства за передвижением каждого из своих подданных, и т. д.) сделали свободное перемещение населения внутри страны делом очень трудным, практически невозможным – для любой отлучки с постоянного места жительства требовалось получать специальные разрешения. Но даже на этом фоне по-прежнему шел процесс вольнонародной колонизации, с которым государство вынуждено было смириться, и старалось только взять его под свой контроль, преследуя собственные цели – расширение доходов казны, продовольственное обеспечение войск

и укрепление предприятий горнозаводской промышленности, во множестве возникших на сибирских землях (Кольвановоскресенский район, Алтай и др.) как раз в XVIII в. На практике, впрочем, такая политика привела к организации в широких масштабах принудительного переселения в Сибирь путем административного перевода крестьян, а также ссылки преступников на поселение или на каторгу.

Первое из подобного рода мероприятий было проведено в середине века на Алтае. После того как созданные здесь в свое время династией промышленников Демидовых предприятия перешли в собственность «Кабинета Е.И.В.», перед правительством встала задача заселения новых владений. Для этого решено было собрать и отправить на Алтай всех самовольных переселенцев, выявленных в Сибири при проведении второй ревизии. Пунктами сбора для них были назначены Тобольск, Тара и Иркутск, откуда этих вынужденных переселенцев отправляли под конвоем военных в Барнаул. Места для поселений администрация нередко выбирала неудачные, а поскольку считалось необходимым организовывать здесь крупные поселения в 20...30 дворов, то крестьянам приходилось заводить свое хозяйство в неблагоприятных условиях. На помощь со стороны властей надеяться не приходилось, поэтому переселенцы зачастую самовольно расселялись по индивидуальным заимкам и одиночным дворам, впоследствии выраставшим в небольшие деревни. Положение несколько улучшилось после прокладки знаменитого Сибирского (Московско-Иркутского) тракта, связавшего районы Южной Сибири с европейской частью страны и усилившего приток сюда колонистов. А в 1760 г. последовал сенатский указ, одобренный императрицей Елизаветой, по которому помещикам предоставлялось право «за предрозостные поступки» отправлять своих крестьян в Сибирь в зачет рекрутов.

Сибирский губернатор Ф.И. Соймонов направлял всех сосланных по этому указу крестьян на поселение в Каинский, Омский, Курганский, Ишимский округа, Барабинскую степь. Их зачисляли в категорию посельщиков, предоставляя материальную и денежную помощь для обзаведения хозяйством, а также освобождение от уплаты всех податей на три года. Правда, контроль над ними осуществляла не гражданская, а военная администрация, что неизбежно влекло за собой произвол в отношении крестьян. Тем не менее, если посельщику за три года удавалось обзавестись хозяй-

ством, то его зачисляли в сословие государственных крестьян, вызволя, таким образом, из крепостного состояния. Так репрессивная по своей сути государственная политика могла оборачиваться и в пользу тех, против кого она изначально была направлена. За 20 с небольшим лет в Сибирь были переведены подобным способом ок. 60 тыс. поселенцев. Правда, полностью решить вопрос о продовольственном снабжении пограничных войск так и не удалось, что единодушно признавали как сменивший Соимонова сибирский губернатор Д. И. Чичерин, так и командующий сибирскими укрепленными линиями генерал-поручик Шпрингер. Впрочем, появление на юге Западной Сибири нескольких тысяч новых хозяйств следует, наверное, признать успешным результатом с точки зрения колонизации этих земель.

Следует отметить, что государство использовало ссылку не только как карательную меру с целью обеспечения внутренней безопасности, но и как средство заселения отдаленных сибирских территорий, направляя тысячи ссыльных на строительство и эксплуатацию путей сообщения, разработку природных богатств края. Штрафная колонизация была одним из постоянных источников роста российского населения в Сибири и формирования местного крестьянства.

Окончательно ссылка в Сибирь была узаконена Соборным уложением 1649 г., по которому основными местами ссылки определялись отдаленные и малозаселенные районы Восточной Сибири. Сюда направлялись как «государственные преступники», состав которых постоянно расширялся за счет участников антиправительственных заговоров, изменников и шпионов, военнопленных, старообрядцев, так и уголовники – «ворь», «тати», «душегубы» и другие «неблагонадежные элементы». Вообще, круг деяний, за которые следовала ссылка, был необычайно широк и постоянно пополнялся: незаконное изготовление и продажа вина и табака, фальшивомонетничество, неповиновение властям и помещикам, разбой и мошенничество, воровство, прошение милостыни и т.д. Отмена в 1753 г. смертной казни и определение таких мер наказания, как «политическая смерть» и лишение сословных прав, привели к повышению роли ссылки в Сибирь. Термином «ссылка» определялся род наказания, который включал в себя два основных вида: ссылку в каторжные работы и ссылку на поселение. Вплоть до первой четверти XIX в. подавляющее большинство ссыльных состав-

ляли крестьяне и солдаты, ссылаемые как по судебным приговорам, так и в административном порядке по представлению помещиков. Положение этой категории ссыльных фактически ничем не отличалось от уголовных ссыльных, так как и в судебной практике того времени любой социальный протест приравнялся к разбою.

Массовой была ссылка провинившихся казаков, стрельцов, военнопленных в службу для пополнения служилого населения Сибири. Крестьян, посадских, гулящих людей ссылали, как правило, на поселение в посад или в пашню. Само правительство в 1698 г. констатировало, что «такими многими ссыльными людьми сибирские города и слободы и деревни везде полнятся». В XVIII в. ссылка на поселения становится ведущей.

Определить численность людей, сосланных на протяжении XVIII – первой четв. XIX в., сложно, так как общей статистики ссыльных не велось. Партии ссыльных препровождались без всякого порядка. Начальство не знало, кто, за что и куда направляется. В этапные списки без разбора вносили поселенцев и каторжан, мужчин и женщин, взрослых и детей. Вносили на глаз, без проверки. Нередко ни в чем не повинные люди, случайно попавшие в списки ссыльных и лишенные возможности исправить ошибку, так как ссыльным воспрещалось подавать жалобы, годами безвинно пребывали в неволе. Среди ссыльных было много больных и увечных.

Количество ссыльных в Сибири постоянно возрастало. Во второй половине XVIII в. по различным подсчетам в Сибирь было отправлено до 60 тыс. человек. Часть из них была направлена на заводы Нерчинского горного округа, многих расселили в окрестностях Усть-Каменогорской и Бийской крепостей, основную же массу водворили вдоль Сибирского тракта. В это же время на Алтай и в Забайкалье переселили до 10 тыс. старообрядцев, выведенных с территории Восточной Польши. На Алтае они получили название «поляки», а в Забайкалье – «семейские».

В XIX в. поток ссыльнопоселенцев значительно увеличился. Только в 1800–1825 гг. в Сибирь поступило более 80 тыс. ссыльнопоселенцев. По указу 1799 г. предусматриваюсь поселить на юге Прибайкалья и в Забайкалье до 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльнопоселенцев и помещичьих крестьян, сосланных в зачет рекрутов. Например, если в 1812–1821 гг. за Урал было отправлено 39761 человек, то в следующем десятилетии – 91709, а в 1832–

1841 г. – еще 78 823. Всего же, по данным А.Д. Марголиса, с 1807 по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных. Местные власти просто не справлялись с таким потоком. Те небольшие суммы, которые отпускались на устройство ссыльных в новых местах, просто разворовывались чиновниками.

Интересным феноменом сибирской истории XVIII в. стало появление здесь первых политических ссыльных. В эпоху дворцовых переворотов второй четверти столетия, когда в Сибирь угодили проигравшие в борьбе за власть вельможи, чиновники и офицеры. Так, опальный соратник Петра Великого светлейший князь А.Д. Меншиков, сосланный в 1727 г., стал первым политическим узником в Березове. Прожил он здесь два года, но смерть дочери Марии, в свое время обрученной с императором Петром II, подорвала твердость его духа, и осенью 1729 г. князь скончался.

Меншикова в Березове сменили кн. Долгорукие, сосланные сюда после прихода к власти императрицы Анны. Сам воевода И. Бобровский, несмотря на строгие запреты из Петербурга, охотно бывал у ссыльных и дружил с ними. Так же вел себя и начальник караула капитан Михалевский, за что они впоследствии и поплатились лишением чинов и ссылкой в Оренбург. Правда, сменивший Михалевского секунд-майор Петров продолжал политику своего предшественника, и тоже поплатился за это в 1738 г., когда казнили почти всех еще остававшихся в живых представителей фамилии Долгоруких. В 40-х гг. коротал свои дни в Березове бывший канцлер А.И. Остерман, которому императрица Елизавета ссылкой заменила смертную казнь. И в дальнейшем Сибирь неоднократно становилась местом ссылки людей, чем-то не угодивших властям – достаточно назвать А.Н. Радищева, в 1790 г. отправленного в Илимск, откуда его вызволили только по приказу императора Павла I.

Несмотря на резко возросшую роль государственной власти, и во времена империи сохранялись некоторые проявления частной инициативы, и продолжалось свободное переселение, которому власти не препятствовали в том случае, когда оно отвечало их интересам.

На протяжении XVIII столетия численность крестьянства возросла со 100 до 300 с лишним тыс. душ м. п., а его доля в составе сибирского населения увеличилась с 60 до 82 %. Правда, почти три четверти крестьян, как и прежде, жили в Западной Сибири, Во-

сточная же оставалась слабо заселенной. Сибирское крестьянство подразделялось на несколько категорий: государственные, монастырские, приписные. В ходе петровской податной реформы 20-х гг. в рамках сословия были объединены бывшие чернососшные крестьяне и другие лица, занимавшиеся сельским хозяйством: осевшие в деревне потомки служилых людей, отставные солдаты, гулящие люди и др. С каждой души мужского пола взимался единый государственный налог – подушная подать, первоначально установленная в размере 70 коп. в год, но затем непрерывно возрастающая. Кроме того, государственные крестьяне должны были платить казне и за право пользования землями (40 коп. в год, что соответствовало оброку у помещичьих крестьян), ведь их верховным собственником продолжало оставаться государство.

До середины XVIII в. сохранялось старое деление на пашенных и оброчных крестьян, обрабатывавших десятинную пашню или выплачивавших натуральные и денежные налоги соответственно. Правда, после введения подушной подати исчезла жесткая зависимость размеров налоговых выплат от площади земель, обрабатывавшихся крестьянами в свою пользу, а десятинная пашня была заменена оброком. Санкции центрального правительства на это не поступало, так что назначенный сибирским губернатором в середине века Ф.И. Соймонов обнаружил, что провинциальные воеводы по своей воле меняют характер повинностей для крестьян на подведомственных им территориях. В 1743 г. по всей Исетской провинции, например, десятина была отменена, а вместо нее введен хлебный оброк. Попытка же губернатора Соймонова навести порядок в этой сфере и вернуть обработку казенной пашни в прежних объемах (к этому времени на десятине работало всего лишь ок. 10 % сельского населения) натолкнулась на столь единодушное сопротивление сибирского крестьянства, что в итоге правительство сочло за благо вообще отменить обработку десятинной пашни для территории всей Сибирской губернии. Вместо этого на всех крестьян возлагались выплаты денежного оброка, «сверх настоящего семигривенного подушного сбора, с каждой души по рублю», как говорилось в сенатском указе 1762 г. Но уже к 1768 г. сумма оброка возросла до 2 руб., а к 1783 г. до 3. Так что нельзя сказать, чтобы данная мера явилась убыточной для казны, хотя вести хозяйство крестьянам стало все же легче.

Кроме подушного сбора и оброка, сибирские крестьяне платили также земские и мирские сборы. Земские сборы шли на содержание уездной полиции, почты, казенных зданий, учебных заведений и т. д., словом – на инфраструктуру и местные государственные органы. Мирские сборы требовались для выплаты жалования старостам и писарям, на канцелярские расходы и т. д. Органы местного самоуправления должны были содержаться населением за свой счет. Наконец, нельзя забывать и о повинностях, распространявшихся на все российское крестьянство в XVIII в.: рекрутские наборы (ежегодно с каждой тысячи крестьян 20–30-летнего возраста в армию забирали по 5-7 чел.), а также различные натуральные повинности – строительство и содержание дорог, перевозка почты и казенных грузов, строительство и поддержание в порядке помещений под те или иные учреждения. Одним словом, нажим самодержавного государства на крестьян в период империи резко усилился, и в этом отношении XVIII в. никак не может сравниться с предыдущим столетием, когда мирские организации реально противостояли вмешательству администрации в жизнь сибирской деревни.

Подобную же эволюцию претерпели и земельные права крестьян. До середины столетия еще сохранялся унаследованный от XVII в. порядок, когда крестьяне распоряжались своими земельными угодьями фактически как их полноправные собственники, хотя все земли официально принадлежали государству, а местные власти молчаливо соглашались с этой практикой, заботясь лишь о том, чтобы все жители были охвачены тяглом. Однако по мере того, как правительство втягивалось в разрешение вопросов регулирования колонизационных потоков, его внимание привлекла и эта сторона дела. Сенатским указом 1746 г. запрещалось производить индивидуальный отвод земли лицам, не относящимся к потомственному дворянству. Межевые инструкции 1754 и 1766 гг. вводили вместо этого новый порядок, когда земля должна была отводиться «не каждому порознь, но вообще всем одной слободы, села или деревни». Распределением же отведенных земель между своими членами должна была заниматься крестьянская община.

Казалось бы, эта мера должна была пойти на пользу крестьянам, однако любые формы распоряжения землей отныне запрещались категорически, а в 1775 г. были признаны потерявшими силу все ранее существовавшие документы, оформлявшие права на вла-

дение землями. Так что несмотря на продолжавшееся расширение обрабатываемых площадей в целом и возрастание среднего надела пашни на душу населения, вызванные отменой казенной десятины, не за горами было уже то время, когда внутри крестьянских общин Сибири начались первые переделы земли – после проведения Генерального межевания и закрепления каждого надела за определенным владельцем, получить новые земли законным путем стало практически невозможно. Впрочем, государственная власть не имела ни сил, ни средств, чтобы настоять на неукоснительном соблюдении всех этих ограничений, так что сибирские крестьяне и в XIX в. продолжали самовольные захваты пустующих земель, а свои участки нередко сдавали в аренду или продавали.

Сибирские крестьяне были гораздо зажиточнее своих собратьев в европейской части страны. Отчасти это объяснялось заметными выгодами, которые крестьяне в Сибири получали от хлебной торговли, несмотря на введенные при Екатерине II законодательные ограничения в этой сфере. Важнейшим потребителем хлеба, производимого на сибирских землях, были воинские части, расквартированные вдоль южной границы. Большую часть продовольствия, необходимого для их снабжения, казна закупала у населения по системе подрядов с помощью скупщиков. Их же усилиями пополнялись и казенные хлебные магазины. Кроме того, еще одним потребителем хлеба были горные заводы и поселки при них, также снабжавшиеся частью из казенных запасов, частью путем свободных закупок. Наконец, велась торговля с калмыками и казаками, пригонявшими сибирским крестьянам скот в обмен на хлеб.

Впрочем, сумевших хорошо разбогатеть на торговле продуктами собственного производства среди крестьян было немного, главным образом потому, что состоятельные крестьяне предпочитали переходить в мещанство (так стали называть при Екатерине большую часть горожан) или купечество, вкладывая заработанные средства не в сельское хозяйство, а в промыслы, торговлю и ростовщичество. В северных же районах (например, в Березове и Сургуте) ведущую роль продолжали играть именно промыслы – охота и рыбная ловля, дававшие хоть и небольшой, но стабильный доход и возможность прокормить себя там, где природные условия не позволяли заниматься земледелием.

Своеобразной оказалась судьба монастырских крестьян – другой категории сибирского крестьянства. Численность их в XVIII в.

была невелика, однако положение их было значительно хуже, чем у государственных крестьян. В отличие от казны, сибирские монастыри упорно держались за требования отработок и натуральный оброк в размере пятой части урожая – так называемый «пятый сноп». Поэтому обычным явлением стали побегии монастырских крестьян и многочисленные жалобы светским властям с просьбами регламентировать исполняемые ими повинности. В 1762 г. правительство Петра III предприняло попытку секуляризации (т. е. конфискации в распоряжение государства) земельных владений церкви, которую, однако, до конца довести не успело. Согласно проекту, монастырское и церковное имущество передавалось в ведение Коллегии экономии, а для крестьян, ранее находившихся под юрисдикцией церкви, вводился единый рублевый оброк с ревизской души взамен всех остальных повинностей. После переворота, приведшего к власти Екатерину II, эта идея поначалу была отброшена, но потом, убедившись, какую выгоду извлечет из этого казна, императрица санкционировала в 1764 г. секуляризацию церковных земель, не встретив практически никакого сопротивления со стороны духовенства, еще со времен Петра I попавшего в полную зависимость от имперского государства. Бывшие монастырские крестьяне, войдя в сословие государственных крестьян, сохранили название экономических и числились по отдельным рубрикам в ходе каждой последующей ревизии народонаселения.

4. СИБИРЬ В ИМПЕРСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ МЕХАНИЗМЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

4.1. Сибирская реформа 1822 г. М.М. Сперанского и ее внедрение

Чтобы полнее представить задачи реформирования сибирского управления и условия их реализации, необходимо сделать несколько замечаний об общих направлениях административной политики самодержавия начала XIX в. Важным направлением государственной деятельности в первой трети XIX вв. явилась кодификация российского законодательства. Самодержавие пыталось не просто систематизировать разрозненные законодательные акты, но и внести в государственный строй новые принципы, провести правовую модернизацию аппарата управления. Для М.М. Сперанского, игравшего главную роль в кодификации законов, конституционные преобразования означали, прежде всего, желание подвести фундаментальную правовую основу под административную организацию, рационализировать процесс управления, осуществить разделение властей, законодательно регламентировать управленческие процедуры, сохранив при этом на всех уровнях единство власти.

Важнейшими средствами борьбы с недостатками бюрократического аппарата представлялись четкие инструкции и рационально организованный унифицированный административный механизм. Самодержавие было озабочено поисками оптимального административно-территориального устройства империи, стремилось найти пути и способы реорганизации местного аппарата управления. В записке «О положении империи и мерах к пресечению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие» (1814 г.) В.П. Кочубей настаивал на необходимости издания инструкции генерал-губернаторам и губернаторам, указывал на повсеместную запутанность компетенций губернских правлений и казенных палат, что приводит к медленности делопроизводства и конфликтам между губернаторами и вице-губернаторами. Злоупотребления в нижних земских судах требовали также обратить внимание на реорганизацию уездного управления.

В качестве же первоочередной меры Кочубей предлагал повсеместно назначить генерал-губернаторов, «дабы установить в гу-

берниях единство начальства». Указом 30 октября 1816 г. (ПСЗ-И. № 26493) Александр I запретил директорам министерских департаментов требовать объяснений от губернаторов. Укреплялась связь между монархом и губернаторами. Кроме ежегодных всеподданнейших отчетов, губернаторы обязывались через каждые три месяца доводить до монарха сведения о делах, которые не получили разрешения в министерствах.

В правительственных кругах в эти годы появляются проекты, предусматривающие децентрализацию местного управления. В 1816 г. был составлен проект учреждения наместничеств в России. Предложения о децентрализации управления высказывал в 1819 г. государственный контролер Б.Б. Кампенгаузен. Разделение империи на 12 наместничеств предусматривалось проектом «Российской уставной грамоты», который готовился в 1818–1820-х гг. При генерал-губернаторе планировалось создать совещательный совет, дать генерал-губернатору особую инструкцию. В отличие от екатерининских генерал-губернаторов и наместников, планируемое высшее местное начальство должно было стоять во главе больших административных групп (4-5 губерний) и заниматься не мелочными делами текущего управления, а наиболее важными и надзирать за деятельностью органов власти на местах. Модель «Государь – Государственный совет, министр – совет министра» переносилась и на местное управление. Самодержавие стремилось создать сильную административную власть на местах, поставить наместника (генерал-губернатора) в один ранговый ряд в бюрократической иерархии с министром.

В 1821 г. во «Введении к наместническому (областному) учреждению» Сперанский разъяснял, что нужно найти способы приспособить министерскую систему к местному управлению. Он считал, что генерал-губернаторы должны стать, как и министры, членами Комитета министров и Первого департамента Сената. Наместническое (генерал-губернаторское) управление, таким образом, явилось бы в виде министерства, действующего на месте. Чтобы добиться лучшей координации действий местной высшей власти и власти министерской, предполагалось, что в наместническом совете пять из шести членов будут избираться министрами и заведовать соответствующими отраслями управления.

Что касается губернского управления, то в 1809 г. М.М. Сперанский высказывался за упрощение губернской администрации,

придание единства в ее действиях и создание совещательных и контролирующих органов, включающих выборных представителей. Но, вернувшись из Сибири, оставаясь приверженцем идеи создания губернских советов (хотя бы в виде «Общего присутствия губернского правления и казенной палаты» под председательством губернатора) в качестве органов, объединяющих и контролирующих местную администрацию, он отказывается от введения выборного начала в местное управление.

Помимо общих тенденций в административной политике были и конкретные причины, вызвавшие ревизию Сперанского. Царизм должен был как-то реагировать на непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. Безнаказанность местной администрации подрывала в глазах населения авторитет самодержавной власти, что было чревато социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, нанося ощутимый ущерб фискальным интересам царизма. В недостатках управления видели одну из главных причин растущей недоимочности населения Сибири. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Ревизия Сибири, одновременно с назначением генерал-губернатором, была поручена указом 22 марта 1819 г. М.М. Сперанскому, находившемуся в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора. Вместе с царским рескриптом 31 марта с фельдьегерем Сперанскому были доставлены в Пензу письма (частное и официальное) графа А.А. Аракчеева, выписка из положения Комитета по делам Сибирского края, инструкция для ревизии и еще ряд бумаг. Однако имеет смысл обратить особое внимание на некоторые моменты, проливающие свет на административную политику самодержавия в Сибири в первой половине XIX в.

Сперанский принял назначение в Сибирь без энтузиазма: «Что я ни делал, чтоб избежать Сибири, – писал он А.А. Столыпину, – и никак не избежал». Но поездка в Сибирь открывала путь к возвращению в Петербург. Поручение Сперанскому обозреть сибирское управление многие государственные деятели восприняли благоприятно. Кочубей надеялся, что это приведет не только к исправлению каких-либо мелочей, но и к созданию общего плана преоб-

разования сибирского управления. О.П. Козодавлев представил Сперанскому свое мнение о мерах по реформированию сибирского управления и снабдил в качестве теоретического пособия книгой Д. Прадта «О колониях».

Хотя Сперанский и был назначен генерал-губернатором, но его пребывание в крае было оговорено как временное – год-полтора. Получив назначение, он отчетливо сознавал, что управлять Сибирью при существующем порядке вещей невозможно. «Как вы могли себе представить, – писал он 13 мая 1819 г. А.А. Столыпину, – что я пушусь управлять Сибирью, коею никто и никогда управлять не мог?». Впрочем, и само царское правительство пришло к пониманию, что улучшение не наступит без изменения системы управления. Александр I предписал Сперанскому наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге».

Сперанский воплощал в себе идеальный тип бюрократа-реформатора, основные черты которого подметил еще С.М. Середонин: «своеобразная универсальность, энциклопедичность, гибкость характера и ума, удивительная работоспособность и самоуверенность». Оказавшись в Пензе губернатором, он смог сверх своих значительных теоретических познаний приобрести практический опыт местного управления, на себе почувствовать все пороки губернской администрации. Здесь у Сперанского созрел свой подход к реформированию местного управления. В лучшем устройстве губернских учреждений ему виделся способ улучшить управление в стране в целом, предварить административными преобразованиями реформы политические, дабы избежать серьезных потрясений. «Словом, – считал он, – добрая администрация есть первый шаг, а в администрации правила и учреждения занимают первое место; выбор и наряд исполнителей – второе; следовательно, начинать с них есть начинать дело с конца».

Сибирская ревизия Сперанского существенно отличалась от многочисленных сенаторских ревизий, направленных на выявление и устранение недостатков и злоупотреблений, а не на перестройку самой системы управления.

Отличалась ревизия Сперанского и хорошей организацией. Основная работа была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда Сперанскому удалось привлечь несколько

талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г.С. Батеньков).

Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по Министерству полиции и юстиции; II – по Министерству финансов; III – по Министерству внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV – по Военному министерству. Однако общий состав чиновников оставался неудовлетворительным. Сперанский жаловался, что не может даже «составить своей канцелярии» и должен довольствоваться теми сотрудниками, которых в основном подыскал в Сибири. Значительную часть работы ему пришлось проделать самому. Он зачастую не мог положиться на своих подчиненных не только по их неспособности, но и по враждебности некоторых из них, объясняемой приверженностью к прежнему сибирскому правлению.

Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае.

Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. Но решимость карать виновных у Сперанского улетучивалась по мере продвижения на восток. В.И. Вагин отмечал, что «жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что Сперанский решился исключить слово взятки из сибирской ревизии». Основная масса злоупотреблений оказалась связана с заготовкой хлеба, распределением земских и волостных повинностей, податей, ясака, управлением торговлей и промышленностью. В итоге – два губернатора (томский и иркутский) и 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальника»). Сумма взысканий простиралась до трех миллионов рублей. И.Б. Пестеля же обвинили лишь в том, что он, находясь в Петербурге, передоверил управление сво-

им подчиненным, и поэтому ограничились удалением его от службы.

Очевидно, что в действительности количество чиновников, попавших в поле зрения ревизоров, было значительно больше. Об этом свидетельствовал и сам Сперанский: «Кроме самых решительных и вопиющих случаев удерживаюсь я обвиняемых отдаванием под суд, ограничиваясь их удалением, да и тогда только, когда есть возможность их заменить. Но возможность сия весьма редка, ибо здесь вопрос не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных». Это была одна причина снисходительности Сперанского. Другая причина заключалась в необходимости учитывать наличие у И.Б. Пестеля и Н.И. Трескина могущественных покровителей. Поле для проведения ревизии и реформирования ограничивалось не только возможностями самой Сибири, но и необходимостью учитывать настроения в петербургских сановных сферах. Это заставляло Сперанского быть чрезвычайно осторожным.

Третья, и наиболее важная, причина заключалась в том, что основу выявленных злоупотреблений Сперанский видел не только в личных недостатках тех или иных представителей сибирской администрации, но и в несоответствии образа управления условиям Сибири.

Непосредственное знакомство с краем укрепило Сперанского в мысли, что «различие между Сибирью и внутренними губерниями столь велико, что никакое учреждение, для сих губерний изданное, не может быть свойственно Сибири без значительных изъятий и применений». Недостатки, заложенные в самом «Учреждении о губерниях» 1775 г., считал он, в Сибири усиливались отсутствием дворянства, большими расстояниями, малочисленностью населения, недостатком чиновников и отсутствием действенного надзора за администрацией. В отчете о ревизии специально подчеркивалась необходимость установления законности в сибирском управлении, четкой организации государственного механизма.

Уже к январю 1820 г. (а прибыл он в Сибирь в мае 1819 г.) Сперанский посчитал свою миссию выполненной и доложил царю, что ему «делать в Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; к сему надобны люди и другой порядок». Несмотря на это, он пробыл в Сибири еще год.

По возвращении Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан I Сибирский комитет. Учреждение такого комитета не было принципиально новым явлением в законодательной и административной практике царизма. В этом можно видеть отчасти возврат к опыту Сибирского приказа. Существовала объективная потребность иметь высший орган, который бы смог не только объединить управление Сибирью, но и разгрузить другие высшие государственные учреждения. Однако I Сибирский комитет имел отличия от своего непосредственного предшественника – Комитета по делам Сибирского края. Более стабильный состав членов, длительное существование, своя канцелярия, а самое главное – широкие полномочия. Имел он и большую автономию по отношению к Комитету министров, который был его прототипом. Не случайно, в отличие от Сибирского комитета, Комитет министров называли «Большим комитетом».

На заседании 3 ноября 1821 г. были конкретизированы функции Сибирского комитета: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал». По всем этим вопросам сибирские генерал-губернаторы должны обращаться непосредственно в Комитет, но в ходе обычного управления сохранялся общий порядок отношений с министерствами. Комитет мог осуществлять координационные функции при определении правительственной политики по отношению к Сибири, ускоряя рассмотрение сибирских дел и в какой-то мере объединяя действия разрозненных ведомств и сибирских генерал-губернаторов. Сибирский комитет не имел регулярных заседаний и собирался по мере накопления дел. Его положения поступали на утверждение прямо к царю, минуя другие инстанции. I Сибирский комитет действовал до 1838 г. и занимался не только обсуждением реформ, их реализацией, но и многочисленными вопросами текущего управления. В период своего существования он наряду с Азиатским комитетом являлся высшим государственным учреждением для всего азиатского региона империи. Однако полностью сосредоточить в Сибирском ко-

митете высшее руководство краем не удалось, с ним успешно конкурировали Государственный совет, Сенат, Комитет министров, III отделение Собственной е. и. в. канцелярии и даже министерства.

При учреждении I Сибирского комитета его председателем был назначен министр внутренних дел Кочубей, с давних пор покровительствовавший Сперанскому. В первый состав комитета вошли также: министр финансов Д.А. Гурьев, министр народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицын, государственные контролеры Б.Б. Кампенгаузен, А.А. Аракчеев и М.М. Сперанский.

С 1823 по 1826 г. председателем был А.А. Аракчеев, а впоследствии этот пост занимал один из старших в чине из членов Комитета. В 1828–1838 гг. председательствовал князь А.Н. Голицын. Состав членов изменялся, в разные годы в нем заседали: начальник Главного штаба И.И. Дибич, министры внутренних дел В.С. Ланской, А.А. Закревский, Д.Н. Блудов, военный министр А.И. Чернышев, шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и др.

Заручившись поддержкой А.Н. Голицына и В.П. Кочубея, а, самое важное – А.А. Аракчеева, Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. В день рождения Аракчеева (23 сентября) он отправил ему «вместо дара» только что отпечатанное «Сибирское учреждение» со словами благодарности: «Уверен, что вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое вам большею частию обязано успешным его движением и совершением».

За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»).

Обсуждение законопроектов, подготовленных Сперанским и его сотрудниками, почти не встретило оппозиции в Сибирском комитете. Исключение составила лишь разработка вопросов, связанных с порядком управления на Алтае. Местное управление Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа

находилось в ведении Кабинета его императорского величества и было поручено его канцелярии во главе с начальником горных заводов. Приписное крестьянство находилось в двойной административной зависимости: кроме власти горных чиновников, на него распространялась по суду о тяжких преступлениях и по платежу казенных податей власть томского губернского начальства. М.М. Сперанский предлагал сблизить положение приписных крестьян с государственными, передав их в ведение по суду и полиции из кабинетского в общегражданское ведомство. Это привело бы к разрушению административной обособленности горного округа и превращению его в органическую часть Томской губернии. Но данное предложение провести через Сибирский комитет Сперанскому не удалось. Было принято компромиссное решение – соединить должности томского губернатора и начальника горных заводов в одном лице. Кабинету удалось сохранить свое преимущественное положение, оставив за собой право представлять кандидата на этот пост из генералов корпуса горных инженеров. При таком порядке неизбежно томский губернатор должен был больше внимания уделять горным заводам, чем всем прочим нуждам губернии. По судебным и полицейским делам приписные крестьяне были подчинены губернскому, окружному и волостному управлению, но заводские повинности и хозяйственное управление остались в руках горного начальства. В ведении горного начальства сохранялись: сбор податей, земские повинности, рекрутская повинность, продовольственная часть (ПСЗ-I. № 29124).

В 1828 г. для управления Кольвано-Воскресенскими заводами учреждались подчиненные Кабинету горное правление в Барнауле и сеть горных контор на территории округа (ПСЗ-II. № 1960). Сперанский в Сибирском комитете вновь решительно возражал против этого, выдвигая в качестве основных аргументов две причины. Во-первых, образование особого горного округа: «производит сбивчивость во всех понятиях о управлении: ибо сие значило бы учреждать губернию в губернии: что очевидно подвержено бесчисленным неудобствам». Во-вторых, – доказывал Сперанский, – нельзя соединять хозяйственные дела с управлением приписными крестьянами, отдавая их фактически «в полную зависимость от горного начальства, даже по делам суда и полиции». Так оно впоследствии и произошло.

Двойственность в управлении приписными крестьянами Алтая оказалась номинальной: горной администрации через земских управителей, депутатов по делам приписных крестьян, пользуясь поддержкой главного начальника горных заводов, который был одновременно и томским губернатором, удалось свести к минимуму влияние в управлении общегражданских учреждений. Возникла даже идея изъятия этой территории из состава Томской губернии и образования особой горной области. Схожее положение в управлении устанавливалась и в Нерчинском горном округе. И там, в 1844 г. генерал-губернатор В.Я. Руперт в связи с развитием золотопромышленности предлагал установить особый административный статус для Нерчинского горного округа. В 1830 г. алтайские и нерчинские горные заводы перешли в ведение Министерства финансов, но в начале 1850-х гг., после того как за счет казны их положение несколько выправилось, восстановили прежнее управление Кабинета. Ликвидировать административную обособленность горных округов Сперанскому не удалось, хотя нерчинские заводы и приписанное к ним население уже с 1830 г. находились в главном местном управлении генерал-губернатора Восточной Сибири, а затем, в 1851 г., приписных крестьян здесь перевели в казачье сословие.

4.2. Западно- и Восточносибирское губернаторства. Структура и компетенция региональных властей

В соответствии с реформой 1822 г. произошло административное разделение Сибири на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, административными центрами которых стали соответственно Тобольск и Иркутск. Фактически Сперанский произвел разделение Сибири на две части – Западную и Восточную. При этом он основывался на естественной границе края, проходящей по Енисею, на которую и ранее указывали известные российские географы-путешественники – Паллас и Гмелин.

В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства были включены Тобольская, Томская губернии и Омская область. К Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству отнесли Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую область, Охотское и Камчатское приморские и Троицко-Савское пограничное управления.

В Енисейскую губернию с центром в Красноярске были включены уезды, выделенные из состава Томской и Иркутской губерний.

Отныне в край посылались два генерал-губернатора. По этому поводу Сперанский справедливо отмечал, что с подобным разделением «соединяются все удобства» управления огромным сибирским краем.

В соответствии с «Учреждением» устанавливалась следующая административно-территориальная иерархия края. Губернии и области делились на округа, а те, в свою очередь, на волости и иногородные управы. В результате была создана четырехуровневая система сибирского управления: главное, губернское, городское, волостное и иногородное.

Высший уровень – Главное управление – составляли генерал-губернатор и возглавляемый им совет. Проводимая реформа имела ряд существенных особенностей. Одной из них явилось учреждение в обоих генерал-губернаторствах советов на всех уровнях управления. Следует заметить, что это было новшеством не только в сибирской, но и в общероссийской административной практике. Главная задача, которая стояла перед Сперанским как основным разработчиком сибирской реформы, заключалась в установлении законности в управлении. Решение ее реформатор видел в создании такой системы, которая положила бы конец злоупотреблениям и произволу. При этом генерал-губернаторская власть должна была стать, прежде всего, органом надзора.

По мысли Сперанского, именно советы могли стать той структурой, которая бы ограничила произвол высших сибирских начальников. Современники реформы высоко оценили новшество: советы «принесли огромную пользу; идея их была хороша. Они именно ограничивали произвол губернаторов». Между тем практика показала, что надежды реформатора оказались напрасными, поскольку сохранялась традиционная ситуация, при которой генерал-губернатор обладал всей полнотой власти в регионе. Не случайно местные жители называли его «господин главный начальник».

Одной из причин сложившейся ситуации был неудачный принцип комплектования совета. В совет входило шесть чиновников, половина которых назначалась по представлению (т.е. фактически по выбору) самого генерал-губернатора. Совершенно очевидно, что эти члены совета даже не пытались ограничивать генерал-губернатора, оказывали ему всяческую поддержку и крайне редко

высказывали свое несогласие с мнением «главного начальника», дабы не лишиться своей должности, потому что «всякий дорожит своим местом и зависящей от него довольной жизнью».

По этому поводу один из иркутян заметил, что «Сперанский был либерал; он думал, что члены советов будут самостоятельны. Между тем они попали в служебную зависимость, а, следовательно, не могли уже быть самостоятельны». Впоследствии именно советы стали объектом жесточайшей критики со стороны преемников Сперанского на посту генерал-губернаторов края. Прежде всего, высшие сибирские чиновники видели в них учреждение, которое только усиливает бюрократию и волокиту при решении дел.

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора. Состоял он, как уже указывалось, из шести советников, трое из которых «яко производители дел» назначались по рекомендации генерал-губернатора, и трое по «представлению» министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и утверждались императором. В случае недостатка последних предусматривалась возможность включения в состав совета гражданского губернатора, председателей губернских мест (губернского правления, казенной палаты и суда) и губернского прокурора.

В соответствии с «Учреждением» 1822 г. именно эти «члены совета от министров должны были быть противовесом генерал-губернаторской власти, т.е. не допускать ее до произвола; на самом же деле выходило, что эти противовесы были покорными слугами власти, а если кто вздумал высказывать мнения, неугодные генерал-губернатору, такого смельчака убирали с места».

Главное управление должно было контролировать деятельность местной администрации. При этом надзор имел двойственный характер: часть дел являлись прерогативой исключительно генерал-губернатора, другие же должны быть предварительно обсуждены и «уважены в совете», и только затем утверждены «главным начальником» края. В компетенцию совета входили три категории дел: надзор и ревизия губернских учреждений, судебные споры – случаи несогласия гражданского губернатора с решением губернских судов и вопросы, касающиеся хозяйственной жизни генерал-губернаторства.

Таким образом, сферу влияния генерал-губернатора составляли наиболее важные вопросы управления, надзор за деятельностью местных управлений путем ревизии их дел, назначение и увольне-

ние чиновников, а также представление к наградам и пр. Между тем последнее обстоятельство вызывало крайнюю озабоченность со стороны местных чиновников. В том, что генерал-губернатор на совершенно законных основаниях, исключительно по собственному усмотрению (т.е. желанию), мог сменять и «смещать в канцелярское звание даже высших местных чиновников, например, советников», они видели «особенно широкий произвол».

По аналогичной схеме были организованы губернское и окружное управления. Фактически они являлись прямым проецированием Главного управления на соответствующие уровни.

Второй уровень управления, которым являлось губернское, – разделялось по «Учреждению для управления Сибирских губерний» на общее и частное. Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и совет под его председательством. В состав совета входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор.

Основной задачей общего губернского управления являлся надзор за местной администрацией. Для губернского управления (как и для Главного управления) надзор был двояким: часть дел находилась в компетенции непосредственно гражданского губернатора, другие же нуждались в предварительном обсуждении губернского совета.

Контроль функционирования местной (губернской, областной и окружной) администрации губернатор осуществлял через личное обозрение всех местных управлений и ревизии их дел. В исключительной власти губернатора было назначение и увольнение чиновников, утверждение членов дум, городского суда, ратуш, волостных голов, а также представление к наградам. Гражданскому губернатору был также позволен пересмотр уголовных дел, что фактически означало легитимность вмешательства администрации в судопроизводство.

Как и Совет Главного управления, губернский совет имел статус лишь законосовещательного органа и никаким образом не мог ограничить личную власть губернатора. Губернский совет выполнял те же функции, что и Совет Главного управления, только в масштабе губернии, а именно: надзор и ревизия дел в подчиненных местных (окружных, волостных) управлениях, рассмотрение жалоб на нарушение судебной процедуры и хозяйственные дела губернии.

Частное (т. е. отраслевое) губернское управление состояло из губернского правления (дела полиции), казенной палаты (хозяйственные дела) и губернского суда (гражданские и уголовные дела).

Губернское правление составляли председатель и четыре советника, причем каждый из них имел «свою определенную часть дел».

В ведении губернского правления находились административно-полицейские и хозяйственные вопросы, в соответствии с которыми все дела губернского правления разделялись на четыре отделения, одно из которых составляло экспедицию о ссыльных. При губернском правлении, согласно штатному расписанию, состояли приказ общественного призрения, архитектурская часть, типография, медицинская управа и канцелярия, где сосредоточивалось делопроизводство и архив.

Казенная палата состояла из председателя и «положенного в штате числа советников». Основными функциями палаты были хозяйственно-финансовые вопросы: управление государственными имуществами, распределение земель, межевание (хозяйство); сбор и распределение налогов и различных сборов (движение казенных сумм); ревизия всех счетов, составление годовых отчетов «о доходах и расходах по губернии» (контроль). При палате состояли рекрутское присутствие, землемерная и механическая части, канцелярия и архив.

Губернский суд состоял из председателя и четырех советников. Суд рассматривал как гражданские, так и уголовные дела.

Прокурорский надзор в губернии осуществлял губернский прокурор и назначенные ему в помощь два губернских стряпчих (соответственно по гражданским и уголовным делам), замечания которых «по неправильному или медленному производству дел в местах областных и окружных» рассматривал губернский совет.

Суд и прокурорский надзор в Сибири были подотчетны администрации. Приговоры по судебным делам утверждал губернатор, и в случае его несогласия с решением губернского суда пересмотр дел осуществлялся Советом Главного управления.

Третьей степенью управления являлось окружное. В первой четверти XIX в. уезды в Сибири были переименованы в округа. «Учреждением» Сперанского Иркутская губерния была разделена на пять округов: Иркутский, Нижнеудинский, Верхнеудинский,

Нерчинский и Киренский. Заметим, что сибирские округа существенно различались по количеству проживающих в них людей. Безусловно, имперское правительство вынуждено было учитывать подобные обстоятельства при разработке и реализации своей административной программы в сибирском регионе. Поэтому территориально-демографический фактор учитывался при создании «Сибирского учреждения» М. Сперанского. В зависимости от количества проживающего населения округа и города подразделялись на три типа: малолюдные, средние и многолюдные. Набор административных учреждений в том или ином округе или городе напрямую зависел от количества народонаселения в нем (полный набор полагался в многолюдных, в средних и малолюдных он был значительно сокращен).

Таким образом, общее и частное управления полагались лишь в многолюдных округах (такowymi являлись Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский), в средних округах (Иркутский, Киренский) предусматривалось частное управление, а в малолюдных все управление сосредоточивалось в руках земского исправника.

В состав общего окружного управления входили окружной начальник и окружной совет, состоящий из городничего, окружного судьи, земского исправника, окружного казначея, стряпчего и городского главы, если в городе была дума.

Основной функцией общего окружного управления был надзор за деятельностью местной (окружной, городской и волостной) администрации, назначение и увольнение «канцелярских чинов», представление к наградам и пр.

Частное окружное управление состояло из окружного суда (по судебным гражданским и уголовным делам) и окружного казенного управления (по хозяйственным делам).

В состав окружного суда входили окружной судья, два или три заседателя, в зависимости от населения округа, и окружной стряпчий. Суд рассматривал гражданские и уголовные дела. Исключение составляли лишь дела о злоупотреблениях служебным положением, которые слушались в губернском суде. Земский суд состоял из земского начальника «яко председателя» и двух (порой трех или четырех) заседателей, в зависимости от населенности и площади округа. Суд осуществлял надзор за крестьянским самоуправлением, информировал население округа об указах и постановлениях властей, принимал «меры в случае повальных болезней и скотских

падежей», контролировал состояние хлебных, соляных и винных магазинов.

Поскольку в рассматриваемый нами период Сибирь оставалась местом массовой ссылки, постольку важной и специфической особенностью сибирских земских судов был надзор за ссыльными: «распределение ссыльных по их назначению, надзор в их провожании и водворении». Казенное управление составляли казначей и два смотрителя: питейной и соляной продажи. Ежемесячно они проводили ревизии казначейства, винной и соляной частей. Казначейство осуществляло мелкие финансовые функции, например, сбор различного рода доходов, взыскание недоимок по решению городского управления и земского суда, а также сборы за гербовую вексельную бумагу и паспорта.

Как было сказано выше, все управление в малолюдных округах сосредоточивалось в руках земского исправника, который должен был осуществлять общий надзор «по делам полиции, продовольствия и казенных податей». Исправник подчинялся окружному совету (если таковой существовал в смежном округе) и действовал по его указаниям.

В отдаленных округах, вследствие трудности сообщения с ними, учреждались особенные отделения. Ведал отделением один из земских заседателей, «который имел там свое пребывание» и именовался отдельным заседателем. Функции его ограничивались «местной полицией и сбором ясака» с тех ясачных, что вносили его не в городе, а в округе.

Заключительная степень – городское управление. В зависимости от проживающего в них населения, «Сибирское учреждение» разделяло города на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. В связи с этим делением городское управление, «единообразное в главных началах», имело свои особенности для каждой из категорий городов.

В многолюдных городах (например, в Иркутске) городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда.

Городскую полицию образовывали городничий и городская управа, которая разделялась на общую (городничий и частные приставы) и частную (частный пристав и надзиратели кварталов). Сюда же входили медицинская и строительная части.

Хозяйственное управление в городе осуществляла дума, в состав которой входили городской голова и два (порой три или четыре) гласных – в зависимости от величины города.

Общее присутствие городского суда (магистрата) составляли городской судья и два выборных заседателя. Городской суд являлся первой степенью гражданского и уголовного суда для купеческого и мещанского сословий.

Управление средних городов (Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска) заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городничий и квартальные надзиратели и медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи, двух заседателей и трех кандидатов «на случай их отсутствия».

В малолюдных городах (Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске и Баргузинске) управление осуществляли только городничий (полиция), а также городские старосты и словесный суд (хозяйственное управление и суд). Гражданские и уголовные дела передавались на рассмотрение окружного суда.

Проект «Учреждения для управления Сибирских губерний» М.М. Сперанского был утвержден императором Александром I 22 июля 1822 г.

Важной составной частью сибирской реформы М.М. Сперанского стал «Устав об управлении инородцев» – самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до нач. XX столетия. Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи.

Аборигены играли заметную роль в экономике Сибири, а налоговые поступления с них, особенно пушнина, составляли важную статью кабинетских доходов. Это вынуждало правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири.

Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, административную, судебную-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об инородцах «не объемлет многих необходимых потребностей», отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов Комитета, сводились к следующему: по составу управления – отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частию в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям», отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития; по хозяйству – существующее законодательство не учитывало изменений в хозяйстве народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX в., запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения; по суду – обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных «о смысле и силе их правил», право это не всегда соответствовало нормам человеческой гуманности. Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы:

1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие);

2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»);

3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири;

4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие с экономическими потребностями каждого племени и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой». «Устав об управлении инородцев» был подтвержден Александром I 22 июня 1822 г.

Для характеристики экономической политики правительства важны разделы Устава, посвященные хозяйственной жизни коренных народов.

В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов Устава к различным группам сибирских народов по уровню их хозяйственного развития.

При определении степени экономического развития основным критерием явился именно способ хозяйственной деятельности, составляющий «главный способ их пропитания», а не эпизодические доходы.

К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех правах и обязанностях. «Они управляются на основе общих узаконений и учреждений», – говорилось в Уставе. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности.

Уставом за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», т. е. по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятичную норму, Устав требовал наделения землей за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанного размера.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полuosедлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители Устава сохранили для них самостоятельность в управлении и суде.

Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли». Правило «давности», т. е. первоначального заселения применялось не только к оседлым, но и к кочевым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам». В отношении прав бродячих аборигенов в Уставе говорилось, что на них распространяются «правила, для кочующих постановленные». Допускалось лишь несколько незначительных исключений из этих «правил», обусловленных образом жизни народов.

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых инородцев по мере успехов их в хозяйственном развитии. «Позволяется кочующим, – говорилось в Уставе, – если которые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии». Перечисление из одного разряда в другой приурочивалось к очередной ревизии. Вместе с тем в Уставе особое внимание уделялось тому, чтобы внушить аборигенам, что они «без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие».

Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что приравнивание народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением. Мысль об уравнивании в правах русского и коренного населения была внесена в Устав Г.С. Батеньковым. Будущий декабрист неоднократно говорил о необходимости «вторичного» присоединения Сибири к России. Говоря так, он имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены к приобщению коренных народов Сибири к более высокой русской культуре.

Приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает Устав Сперанского от законодательства западноевропейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации.

Правительственную позицию в отношении хозяйственного развития народов Сибири авторы Устава формулируют, исходя

из стремления обеспечить большую доходность и устойчивость инородческих племен. Поэтому Устав предусматривал наделение землей аборигенов всех разрядов. Хотя данная мера и определялась фискальными интересами казны, однако имела и положительное значение.

Определенные преимущества давались аборигенам Уставом и в отношении воинской повинности. В то время как на западе в колониальных странах формировались целые туземные армии (зуавы в Африке, сипаи в Индии), народы Сибири освобождались от рекрутчины.

Вторая часть Устава посвящена организации управления народами Сибири. Характерной особенностью является не просто стремление авторов Устава реформировать управление, а построить его «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения края.

Устав предусматривал создание ратуш и словесных судов для «торговых» аборигенов и специальных волостей для земледельцев. Состав и обязанности членов волостного правления ничем не отличались от волостного правления русских поселян.

Органы родового управления строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири. Крестьянская община как форма организации русского населения также была предметом тщательной опеки царизма. Сохранение родовой общины как основной территориально-административной единицы не только облегчало эксплуатацию родовичей и общинников, но создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них. Это направление правительственной политики было традиционным. Поэтому не правы те исследователи, которые считают, что мероприятия Сперанского в области административного устройства бродячих и кочевых жителей объективно должны были «ослабить их родовое устройство». В этом плане совершенно справедливо указание Н.А. Миненко на то, что Устав был составлен применительно к родовому строю, «причем к такому, который представлял собой в первой половине XIX в. для большинства народов уже пройденный этап».

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев Устав отдавал предпочтение хозяйственным связям. Разрешался уход обедневших родовичей внаем к русским крестьянам. В этом случае инородцы причислялись к разряду оседлых. Впоследствии объективные потребности хозяйственного развития заставили правительство все-таки вступить на путь искусственного разрушения рода, когда в 1853 г. последовало разрешение о перечислении инородцев из одного рода в другой. Крестьянская же община еще долго сохраняла свое значение.

Административное устройство кочевых народов было разработано особенно подробно, ибо они составляли большую часть коренного населения. Реформаторы разделили управление кочевыми жителями на три ступени: а) родовое управление – низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода; б) инородная управа – средняя, для нескольких стойбищ и улусов; в) степная дума – высшая, для всего племени.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников «из почетных и лучших родовичей». Дела управления решались словесно.

Несколько стойбищ или улусов подчинялись инородной управе, в составе головы, двух выборных и письмоводителя. «Многие роды», соединенные в одну «общую зависимость» (племя, ведомство), подчинялись степной думе, состоящей из «главного родоначальника», избранных заседателей и голов. Стенная дума была подотчетна и подчинялась «во всем» окружным управлениям, т. е. царской администрации. Несмотря на стремление Сперанского придать видимость самоуправления инородцев, Устав жестко регламентировал действия инородческой администрации. Предоставление слишком широких прав органам управления аборигенов внушало тревогу правительству. Поэтому третья часть анализируемого документа посвящена «Наказу управлениями инородцев».

Хозяйственная деятельность органов управления, прежде всего, касалась сбора ясака. На органы управления возлагались обязанности по раскладке на общество налогов и податей, исправлению натуральных повинностей, сбору недоимок. Кроме того, в обязанности родового управления вменялось «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья скота. Они же должны были подавать сведения о «народоисчислении». Инородным управлениям предоставлялось право заключать торговые контракты. Иными

словами, хозяйственная компетентность органов управления аборигенами была довольно широкой.

Более ограниченными были полицейские и судебные функции. На родовое управление возлагался, надзор за «спокойствием... вверенных ему людей». В этом правительстве видело «важнейшую обязанность родового управления». Действия родового управления находились под контролем инородной управы, «власть инородной управы состоит в надзоре за родовым управлением», – гласил Устав. Таким образом, и среди инородческого управления правительство стремилось насадить бюрократический принцип надзора одних органов над другими.

Судебные функции органов управления состояли в разборе незначительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Суд и расправа должны были производиться на основе норм обычного права, кодификация которого предусматривалась Уставом. Политические и «криминальные» дела подлежали разбору царскими чиновниками.

Устав сохранял почетные звания среди кочевников: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все должностные лица инородческого управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» – генерал-губернатором. В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника. Сохраняя, таким образом, патриархально-феодалные отношения, Устав в ряде случаев отходил от них, давая определенную свободу выборному началу. В инородческом управлении родоначальники сосредоточивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Следует, правда, оговориться, что, сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных и оставляя за собой право окончательного

утверждения в должности выборного лица. Но и в узаконенном виде эта часть Устава была прогрессивна, прямо отменяя архаичное положение иркутского гражданского губернатора И. Трескина от 1812 г. «О выборе иноверческих начальников и правах их». Впоследствии вторым сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «...в должности, замещаемые по выборам сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием». Причиной отстранения от исполнения должностных обязанностей считались: уголовное преступление, доказанное судом злоупотребление властью, ходатайство подведомственных родовичей, наем для отработки долгов. Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие злоупотребления родовой аристократии, нередко переходящие в уголовные преступления. Поэтому не случайно Устав предусматривал отстранение от исправления должностных обязанностей за злоупотребление властью. Однако благие намерения реформаторов не принесли ожидаемых результатов. В 1837–1838 гг. Сибирский комитет рассматривал записку генерал-майора Альдегонда и Мусина-Пушкина «О состоянии Сибири» за 1835 г. Характеризуя состояние жителей, Мусин-Пушкин отмечал, что лихоимство инородческих старшин не прекращается. По его мнению, злоупотребления «старшин их не может быть иначе ограничено, как уничтожением наследственности старшинских должностей». Автор записки наивно полагает, что «тогда аристократия должна буде... преобразиться в крестьянскую демократию». Сибирский комитет отметил, что подобные «сведения» уже рассматривались в свое время, а потому решил довести об этих предложениях до сведения царя и этим ограничиться.

Чрезвычайно важным представляется анализ тех статей Устава, которые относились к вопросам экономической политики. Как уже отмечалось, среди исследователей нет единой точки зрения по этому вопросу.

Прежде всего, думается, что в оценке одного из основных положений Устава – принципа свободной торговли – исследователи проявляют излишнюю категоричность. Л.И. Светличная, указывая на наличие в «Сибири первой четверти XIX в. тенденции к капиталистическому развитию», считает, что «буржуазные начала более

определенно поощрялись Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов». И.Л. Миненко, наоборот, полагает, что «хотя объективно это положение Устава носит характер, предписываемый ему предшественниками, направлено оно было к консервации развития народов». Единственное положительное значение этого принципа Миненко видит в том, что разрешение свободной частной торговли в селениях ясачных уничтожало всевозможные злоупотребления в данной области уездных чиновников. Если безоговорочно согласиться с этой оценкой, то тогда будет трудно уяснить значение другой важной идеи Устава – переводение ясачного сбора на денежную основу. Между тем Миненко признает, что «натуральный ясак в связи с растущей товаризацией хозяйства аборигенов постепенно уступал место денежному». Миненко также констатирует, что процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие. Поэтому думается, что Миненко недооценивает те робкие буржуазные тенденции, которые содержались в Уставе и выражались, прежде всего, в идее свободной торговли и переводе сбора ясака на денежную основу. В конечном итоге Миненко сама признает, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали, в конечном счете, крах политики консервации». Это утверждение, по мнению ряда исследователей, является вполне справедливым. Устав разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но и в русских городах и селах. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением. В целях расширения торговых связей аборигенов с населением близлежащих русских поселков разрешались поездки инородцев в соседние города и селения.

В то же время отметим, что некоторые рецидивы запретительной торговли встречались и впоследствии. В 1831 г. Сибирский комитет в положении о «Свободной торговле»: указал, что хотя все «меры» по управлению аборигенами в Уставе 1822 г. «с ясностью определены», тем не менее «ныне опять» свободная торговля с инородцами подвергается преследованию «под предлогами, ничем на деле недоказанными». Поэтому Комитет счел необходимым «строго предписать» начальникам Восточной Сибири, чтобы все меры, к ограничению свободной торговли принятые, были отменены. Местной администрации было сделано строгое внушение

на предмет отступления от правил, высшей властью установленных.

Как видим, экономическая политика правительства, прежде всего, определялась финансовыми интересами самодержавия и связанного с ним общественного строя. Власти сознавали, что в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимания податей с коренного населения Сибири без успешного развития торговли становилось невозможно. Поэтому в Уставе 1822 г. делалась попытка, не меняя патриархально-феодальной основы инородческого общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь повысить платежеспособность аборигенов, в чем особенно было заинтересовано правительство, Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Четвертая часть Устава целиком посвящена «порядку сбора податей и повинностей с инородцев».

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, упадок удельного веса пушного промысла в хозяйстве народов Сибири, с одной стороны, и стремясь обеспечить максимальное поступление в казну налоговых платежей – с другой, Сперанский ввел принципиальное новшество в систему ясачного сбора, который теперь переводился на денежную основу от злоупотребления чиновников. Тем самым делалась попытка оградить инородцев от злоупотреблений чиновников, столь обычных при приеме ясака пушнинаой. В Уставе подчеркивалось, что отныне «сбор вещами обращается в денежную сумму вообще свободною распродажею на ярмарках. Цена вещей, завися, как обыкновенно, от пропорции между требованиями на покупку и предложениями на продажу, всякое влияние местного начальства делает излишним и бесполезным». В другой статье Устава отмечалось, что «казенные комиссары на ярмарках никакими льготами не пользуются».

Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушнинаой, которая при этом подразделялась на два сорта – обыкновенную и дорогую. Ясачный сбор следовало вносить деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, авторы Устава оговаривались, что «никакой новый по государству

налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено».

Приравнивая кочевых жителей к крестьянскому сословию в гражданских правах, Устав сближал их и в налоговом обложении. «Кочевые инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – говорилось в Уставе. Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление, что относилось разработчиками Устава к «внутренним повинностям кочующих».

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуровые книги, хранящиеся в земском суде. В интересах фиска специальная глава Устава была посвящена взысканию недоимок. Но и тут авторы стремились по возможности ограничить вмешательство администрации. Недоимки разрешалось взыскивать не иначе «как на ярмарках и суглажах». Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение, задержание старосты, его сына или ближайшего родственника». Не исключался также и временный арест части пушнины, предназначенной для продажи. Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию». Некрещеные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их канонам и обрядам». Вместе с тем Устав подчинял «иноверческое духовенство: местной полиции наряду с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не наделял никакими преимуществами крестившихся инородцев. Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского Комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, принявших христианскую веру». Устав предоставлял инородцам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в области хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

Важной составной частью деятельности Сперанского в Сибири стала реформа управления сибирской ссылки. Хотя истории ссылки и каторги Сибири начинается едва ли не с ее присоединения к России, однако до 1822 г. правительство не располагало сколько-нибудь удовлетворительной системой этапирования, учета и распределения ссылных. Еще в 1586 г. в Тобольске был учрежден разбойный приказ, занимающийся ссылкой в новый край беглых крестьян, участников народных волнений и уголовных преступников. Окончательно ссылка в Сибирь была узаконена Соборным уложением 1649 г., по которому основными местами ссылки определялись отдаленные и малонаселенные районы Восточной Сибири. Сюда направлялись как «государственные преступники», состав которых расширялся за счет участников антиправительственных заговоров, изменников и шпионов, военнопленных, ревнителей старой веры – старообрядцев, так и уголовные элементы – «воры» и «тати», «душегубы», другие неблагонадежные элементы. Круг деяний, за которые следовала ссылка, был необычайно широк и постоянно пополнялся. Следует отметить, что государство использовало ссылку не только как карательную меру с целью обеспечения внутренней безопасности, но как средство заселения отдаленных территорий Азиатской России, направляя тысячи ссылных на строительство и эксплуатацию путей сообщения, разработку природных богатств края. Штрафная колонизация была одним из постоянных источников роста российского населения в Сибири и формирования местного крестьянства

Уже в XVII в. оформилось несколько видов ссылки. Наиболее массовой была ссылка провинившихся казаков, стрельцов, военнопленных в службу для пополнения служилого населения Сибири. Крестьян посадских, гулящих людей ссылали, как правило, на поселение в посад или в пашню. В XVIII в. ссылка на поселение становится ведущей. Екатерининскими указами 60-х гг. XVIII в. помещики получили право ссылать своих крепостных в Сибирь за «предерзостные поступки».

Еще одним видом ссылки была ссылка в заключение, когда преступников не просто ссылали в Сибирь, но заточали здесь в острог или монастырь. Такой вид ссылки применялся в основном

к опальным представителям власти, противникам официальной церкви.

В начале XVIII в. появился новый вид ссылки – ссылка на каторгу, т. е. на принудительные работы. Каторжан, как правило, направляли на горные заводы и рудники, где использовали как даровую рабочую силу. Со второй половины XVIII в. основным местом каторги становятся горнозаводские предприятия Нерчинского горного округа, принадлежащие императорскому Кабинету. Срок ссылки никак не регламентировался, а каторга в начале XIX в. формально ограничивалась 20 годами, однако на практике она зачастую становилась пожизненной. После отбытия каторги бывшие каторжане не получали освобождения, а переводились на пожизненное поселение в те места, которые определяли местные власти. Не имея средств к существованию, без какой бы то ни было поддержки властей, очень немногие из них могли встать на ноги и пополнить ряды старожильского населения. На протяжении XVIII – первой четв. XIX вв. статистики ссыльных не велось, поэтому определить численность ссылаемых в Сибирь людей очень сложно.

Четкого правового определения ссылки и каторги в России не существовало, одновременно действовало несколько десятков законодательных актов о ссылке, нередко противоречивших друг другу. Тяжелое положение каторжан приводило к массовым побегам. В качестве примера укажем на Тельминскую мануфактуру, расположенную близ Иркутска, на которой в начале XIX в. в бегах числилось свыше 1000 человек. Состояние сибирской ссылки, слабый надзор за препровождением и размещением ссыльных не могли не волновать Сперанского, который во время общей ревизии сибирского края обратил особое внимание на положение каторги и ссылки. Объехав основные места поселений, осмотрев тюрьмы и горное производство Нерчинской каторги, Сперанский принял решение о систематизации законодательства и подготовки новых нормативных актов, регламентирующих положение ссылки и самих ссыльных.

Уставы 1822 г. о ссыльных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу.

Устав о ссыльных 1822 г. имел довольно громоздкую систему. Он состоял из 35 глав, 435 параграфов. С особой тщательностью нормы Устава регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссыльных. В Уставе впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Статья 1 Устава, в частности, подчеркивала, что ссылка «определяется не иначе, как по приговорам судебных мест». Ссылка четко определялась в двух видах: «на каторгу» и «на поселение». Одновременно с этим Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении ссыльных в Сибирь – Устав об этапах, который состоял из 13 глав, разбитых на 199 параграфов. Устав об этапах определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд. Законодательство Сперанского о ссылке и этапах ярко выразило колонизационные цели реформы и было направлено на сохранение жизни и здоровья в период препровождения, распределения ссыльных в зависимости от пригодности к ремеслу и государственных целей их использования. Впервые были введены нормы имущественного и семейного характера для ссыльных, оговаривалось снабжение ссыльных как продовольствием, так и одеждой. Предполагалась либо выдача кормовых денег (из казначейства), либо продуктов – по усмотрению генерал-губернатора. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Летняя форма одежды состояла из двух рубаш, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год). Для распределения и учета ссыльных в Тобольске был учрежден специальный приказ, в губерниях – экспедиции о ссыльных.

Большинство Уставов и Положений, разработанных Сперанским, в значительной степени учитывали геополитическое своеобразие края (пограничное положение, огромная территория, наличие значительного числа коренного населения, ссыльных) и в этом

смысле стали первым в империи опытом комплексного регионального законодательства.

Разговор о реформе 1822 г. не может считаться завершенным без сравнения основных положений этой реформы с идеями Сперанского о государственно-правовом устройстве общества, высказанных и отчасти осуществленных реформатором до приезда в Сибирь.

Как известно, Сперанский являлся сторонником ограниченной монархии, в которой видел оптимальный вариант устройства государственной власти в России. Однако основным способом ограничения монархии Сперанский считал не конституцию, а разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную. Такую монархию он называл «истинной», «державной».

Важным принципом государственного устройства Сперанский считал законность, отмечая при этом, что не законы должны зависеть от общественного сознания, а, наоборот, сознание от них. Необходимо также отметить, что совместно с немецким ученым Розенкамфом Сперанский впервые в правовой истории предложил отраслевой принцип по унификации законодательства.

В итоге необходимо отметить, что разработанное Сперанским «Сибирское Учреждение» 1822 г. было первым сводом комплексных законов для одного обширного региона. Оно появилось в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Реформа 1822 г. означала победу бюрократического начала в сибирском управлении, поскольку Сперанский отказался от привлечения к управлению выборных представителей от местного населения. Впоследствии именно это обстоятельство сделало реформу губернской администрации малоэффективной.

«Учреждение для управления Сибирских губерний» имело ряд недостатков, на которые в процессе реализации реформы указывало сибирское чиновничество. Тем не менее, реформа 1822 г. надолго закрепила основные принципы административно-территориального деления, управленческие, фискальные, национальные и другие направления имперской политики в Азиатской России. «Сибирское учреждение» 1822 г. стало первым в истории страны региональным сводом законов, опередив общеимперскую кодификацию на целых десять лет.

4.3. Политические ссыльные в Сибири в XIX в.

14 декабря 1825 г. члены тайных организаций, преимущественно дворяне по своему происхождению, предприняли неудачную попытку изменить систему государственного управления в России. Они были арестованы и привлечены к судебной ответственности. Всего по делу о восстании на Сенатской площади было осуждено 110 человек. Пятеро были казнены, а 105 осужденных, разделенные на 11 разрядов по тяжести преступления, были приговорены в каторжные работы на сроки от 2 до 20 лет, к бессрочной ссылке на поселение, к разжалованию в солдаты, к отправке на работы в крепостях.

Первые восемь «перворазрядных» осужденных декабристов Е.П. Оболенский, А.И. Якубович, А.З. Муравьев, В.А. Давыдов, С.Г. Болконский, С.П. Трубецкой, братья А.И. и П.И. Борисовы были доставлены в Иркутск в конце августа 1826 г. Весь 37-дневный путь из Петербурга они проделали на фельдъегерских тройках, в сопровождении жандармов и закованными в «ножные железа». Будущие каторжники были приняты в Иркутске как почетные гости. Их расковали и поместили в отдельном доме без охраны. Здесь их посещала местная интеллигенция. Затем их все же направили к местам заключения. Но это были относительно «льготные» места – недалекие от Иркутска солеваренные и винокуренные заводы. Такое «попустительство» кончилось плохо для всех. Вице-губернатора Горлова по именному повелению предали суду, а каторжников-декабристов перевели в Нерчинский край. Незадолго до их отправки добралась в Иркутск первая из жен декабристов – Е.И. Трубецкая.

Уже в декабре 1826 г. декабристов привезли на Благодатский рудник Нерчинских заводов и поместили в тюрьму – «темную, грязную и вонючую каморку, на съедение всех видов насекомых». Работали заключенные ежедневно по 6 часов, в шахте на глубине около 150 м. Цепи не снимали ни на работе, ни на отдыхе. В таких условиях «перворазрядные» декабристы прожили почти год. Дело дошло даже до голодовки протеста – первой в истории российской каторги. Положение несколько облегчил приезд в Благодатск жен заключенных – М.Н. Волконской и Е.И. Трубецкой.

Для следующей партии декабристов была срочно построена тюрьма на Акатуйском серебряном руднике. Самих каторжников, числом 70 человек, зимой 1827 г. временно собрали в Читинском

остроге. За неимением в Чите рудников декабристов использовали главным образом на земляных работах, а в морозы – на ручных мельницах. Соблюдались все строгости каторжного режима – ручные и ножные кандалы, запрещение читать и писать, общаться с «вольными». Некоторые послабления начались с прибытием в Читу жен декабристов. Первой из них была А.Г.Муравьева. Именно она привезла с собой знаменитое пушкинское «Послание в Сибирь». Пушкинское послание дало его адресатам «второе дыхание». А. Одоевский сочинил известный «Ответ из Сибири».

В феврале 1828 г. на Горно-Зерентуйский рудник прибыла очередная партия декабристов – боевых офицеров, участников восстания Черниговского полка: И.И. Суханов, Б.Н. Соловьев, А.И. Мозалевский и др. Они разработали план восстания. Он предусматривал освобождение узников Зерентуйского и соседних рудников, поход на рудник Благодатский, захват оружия, объединенный подход восставших на Нерчинск, захват крепостной артиллерии, наступление на Читу и освобождение заключенных там декабристов. Началась практическая подготовка восстания. Но планы разрушило предательство одного из участников заговора. Дело кончилось военным судом и расстрелом зачинщиков.

Декабристов изъяли из всех «общих» мест заключения и к сентябрю 1830 г. загнали на Петровский железоделательный завод, поместив в крайне тяжелые условия. Но в дело вмешались жены декабристов. Они избрали безотказную тактику – просто правдиво описывали все происходящее на Петровском заводе своей петербургской родне, которая составляла элиту высшего общества. Петербургский аристократический свет был шокирован, и его ропот заставил императора смягчить режим. Уже в 1831 г. семейным декабристам было разрешено жить в отдельных домах, построенных специально для этой цели рядом с тюрьмой. Из этих домов вскоре выросла целая улица, названная самими декабристами «Дамской». К 1840 г. тюрьма Петровского завода опустела – у декабристов закончились сроки каторжных работ.

С 1832 г. декабристов, у которых заканчивался срок каторжных работ, начали отправлять на поселение. Николай I в 1835 г. распорядился выдавать до двухсот рублей в год тем ссыльным, которые ничего от родственников не получают. Он велел также отводить ссыльным по 15 десятин пахотной земли, «дабы предоставить им через обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хо-

зайственных и к обеспечению будущей судьбы детей их, прижитых в Сибири». При выборе места ссылки власти учитывали и мнение самих ссыльных, их родственные и дружеские связи, сложившиеся на каторге. Так, А.М. Муравьев, отбыв свой каторжный срок, еще три года дождался в Петровске брата Николая, чтобы поселиться с ним в Селенгинске. Там же пожелали поселиться вместе К.П. Торсон и братья Бестужевы. Супруги Волконские просили поселить их вместе с доктором В.Ф. Вольфом, так как в его наблюдении нуждались их дети. Многие декабристы, даже из родовитых семей, выйдя на поселение, женились на местных казачках, крестьянках и даже ясачных, т.е. тунгусках и бурятках. Так поступили, например, В. Раевский и Кюхельбекеры.

Декабристов стали поселять в Сибири сразу после приговора Верховного уголовного суда в 1826 г. Это были осужденные к вечной ссылке в отдаленные места Сибири «государственные преступники» VIII разряда. В дальнейшем декабристов перевели в южные города Западной и Восточной Сибири. Также многие из декабристов стремились выбраться из Восточной Сибири в Западную, поближе к Европейской России, и добивались поселения преимущественно в Тобольской губернии. В ее пределах оказалось 37 ссыльных декабристов.

Расселение декабристов строго определялось III отделением, а сибирские власти еще исключали пункты, которые казались опасными. Жизнь декабристов в ссылке проходила в условиях строгого надзора и всевозможных ограничений и запретов со стороны полиции. Все сосланные на поселение передавались в ведение и под ответственность сибирской администрации, от усмотрения которой зависело принятие тех или иных мер надзора сообразно с местными условиями. Это порождало полный произвол губернской администрации и полиции.

Переписка декабристов находилась под полным контролем властей. Сосланные в Сибирь могли писать письма кому пожелают, но обязаны были сдавать послания в почтовые конторы. Оттуда письма доставляли местным гражданским губернаторам, а затем в III отделение императорской канцелярии.

Большинство декабристов в ссылке оставили революционную деятельность и занялись просветительством. (За исключением М. Лунина. Он под видом семейной переписки со своей сестрой, графиней Е.С.Уваровой, рассылал полемические письма и полити-

ческие памфлеты. Это кончилось новым заключением в каторжной тюрьме Акатуя, где он был уже один среди уголовников. Там он погиб в 1845 г.) Они изучали быт, нравы, обычаи местного населения. Одно из первых опубликованных этнографических исследований Бурятии принадлежит Н.А. Бестужеву. Братья Бестужевы, Борисовы, некоторые другие декабристы активно распространяли среди населения агрономические, гигиенические знания; на свои средства устраивали амбулаторные пункты, небольшие больницы.

Особенно плодотворны были усилия декабристов в деле организации народного образования. Декабристские школы, устроенные по так называемой «ланкастерской» системе, открывались по всей Сибири, в том числе и в Иркутске, Петровском заводе, селе Олонки. Одним из основателей новой школы в Ялуторовске стал И.Д. Якушкин. Школа декабристов приобрела широкую популярность среди населения. Она была признана лучшей в губернии. По инициативе Якушкина в городе была открыта первая школа для девочек. Девочки изучали грамоту, арифметику, географию, историю, французский язык и рукоделие. По примеру Ялуторовска были открыты женские школы в Тобольске и Омске.

Ф.Б. Вольф в Иркутске и Тобольске оказывал бесплатную медицинскую помощь городской бедноте и крестьянам окрестных мест, что способствовало его необычайной популярности среди местного населения. При отсутствии или остром недостатке врачей та медицинская помощь, которую оказывали сибирякам ссыльные декабристы, имела практическое и социальное значение. Врачебная деятельность декабристов явилась одним из путей сближения с народом, по которым шли первые русские революционеры в период сибирской ссылки.

Декабристы опубликовали огромное количество научных и публицистических работ по самым разным вопросам сибирской жизни – земледелию, просвещению, по национальному вопросу, экономике и другим. Эти статьи, книги, письма будили интерес просвещенной части русского общества к Сибири, ее нуждам и проблемам.

Басаргин Н.В. в своих «Записках», в разделе, посвященном Сибири, назвал ее «замечательной страной». Он выдвинул целую программу промышленного освоения богатств Сибири и необходимых путей приложения капиталов. В первую очередь, по его мнению, необходимо было построить железную дорогу от Тюмени

до Перми, развить пароходное движение по Иртышу, Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Амуру, Байкалу, озеру Зайсан. Он практически выдвинул проблему капиталистического развития Сибири. Вполне обоснованно и убедительно Басаргин выдвинул идею учреждения в Сибири высшего учебного заведения.

Одним из центров сосредоточения ссыльных декабристов стал Иркутск. Первоначально вернувшимся с каторги декабристам не разрешалось проживать в городе, и они имели возможность селиться лишь в расположенных неподалеку от него селах. Иркутская колония была одной из самых многочисленных: в Урике проживали семьи Волконских, Муравьевых, Лунин, Вольф, Панов, в Усть-Куде – братья Поджио и Муханов, в Оеке – Трубецкие и Вадковский, в Бельске – Анненковы и Громницкий, в Олонках – Раевский, в Мало-Разводной – Юшневские, братья Борисовы, Якубович и Муравьев, в Смоленщине – Бесчаснов.

Из декабристов первым иркутянином стал А.Н. Муравьев. Приговоренный к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства, он был назначен сначала городничим в Верхнеудинск, а потом переведен в Иркутск. Под его руководством центр города был благоустроен, положены тесовые тротуары, на набережной Ангары заведены «московские гулянья в экипажах вокруг качелей», а порядок, обеспеченный полицией, которую возглавлял ссыльный городничий, отмечался даже в жандармских донесениях. Его дом на Спасской площади стал центром культурной жизни города. Здесь проводились музыкальные вечера, вечера поэзии и читались лекции.

После 1845 г. семье Волконских было разрешено переехать в Иркутск. На купленный Волконскими участок земли, находившейся за Преображенской церковью, из Урика был перевезен их деревянный особняк, построенный в 1838 г. Вскоре дом Волконских превратился в настоящий центр светской жизни Иркутска. В период иркутского поселения С.Г. Волконский начал серьезно заниматься агрономией и ботаникой. В своей усадьбе он создал ботанический сад, в котором выращивал многие невиданные ранее в Сибири южные растения. Салон супруги Волконского стал местом музыкальных вечеров, самодеятельных театральных представлений, показов мод. Семья Волконских проживала в этом особняке вплоть до амнистии 1856 г. Позднее в нем была открыта сиропитательно-ремесленная школа. В 1985 г. усадьба Волконских

стала музеем. Стараниями иркутских историков и краеведов в нем детально воссоздан быт семьи Волконских, представлены их сохранившиеся личные вещи, а также экспонаты, связанные с судьбой ряда других декабристов, проживавших в Иркутске.

Почти в то же время что и Волконские, разрешение на проживание в Иркутске получило семейство Трубецких. Дом, в котором они проживали, не сохранился. Однако до наших дней дошел дом, расположенный на современной улице Дзержинского, который С.П. Трубецкой приобрел для одной из своих дочерей. В нем в 1970 г. был открыт первый в Восточной Сибири музей декабристов, ставший началом позднее сложившемуся историко-мемориальному комплексу «Декабристы в Иркутске».

Многие декабристы нашли свое последнее пристанище в Сибири. В Иркутске на территории Знаменского монастыря сохранились могилы декабристов В.А. Бесчасного, П.А. Муханова, Н.А. Панова, а также жены и детей С.П. Трубецкого. В целом декабристы оставили в Сибири о себе добрую память, что нашло отражение в глубоком изучении их наследия современными учеными.

После кончины Николая I в 1856 г. новый император Александр II издал манифест о восстановлении декабристов в правах. Большинство из них вернулось в Центральную Россию. Селиться в столичных городах, впрочем, им не позволялось. Но к этому времени декабристов осталось очень мало.

Первыми ссыльными поляками в Сибири стали повстанцы 1830 г. На протяжении 1840-х гг. польская ссылка не прекращалась. С 1863 г. в Сибирь были высланы поляки, участники второго восстания. По подсчетам разных исследователей, всего прибыло в Сибирь за неполных 4 года (1863–1866 гг.) вместе с добровольно пришедшими членами семей от 18 до 23 тыс. человек. Половина из этого числа получила наказание в виде «водворения», остальные ушли на каторгу, поселение, «на житье». Около 11 тыс. поляков были размещены в Западной Сибири, остальные – в Восточной.

Прибытие в Сибирь участников польского восстания 1863 г. положило начало Нарымской ссылке, где оказались несколько десятков повстанцев.

Ссыльные поляки предприняли попытку поднять восстание на Кругобайкальском тракте летом 1866 г. Оно было подавлено. Военно-полевой суд приговорил его участников к повторным сро-

кам каторжных работ, а руководителей – Густава Шарамовича, Нарциза Целинского, Якуба Рейнера и Владислава Котовского – к смертной казни, совершенной в Иркутске 15 ноября 1866 г. После восстания последовало распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири М. Корсакова переселить польских ссыльных в самые глухие места губернии.

В неволе многие бывшие революционеры почти полностью отошли от политической деятельности. Позднее, перебравшись в города на поселение, поляки оказывались в самом центре экономической и общественной жизни. Очень многие из них служили у золотопромышленников, в казенных учреждениях, полиции, казначействе, как «по вольному найму», так и на государственной службе.

Поляки оставили яркий след в создании и популяризации музейного дела в Сибири. На их знаниях и энтузиазме работали Минусинский (А.И. Венцовский, Ф. Кон), Иркутский (И.Д. Черский, Н.И. Витковский), Енисейский (М.О. Маркс, Михалевич) и другие музеи. Феликс Кон попал в Сибирь в 1884 г. по делу польской социалистической партии «Пролетариат». Долгие годы Ф.Кон трудился в Минусинском музее и обобщил его деятельность за 25 лет (с 1877 до 1902 г.) в обширном историческом очерке. Ф.Кон подчеркивал огромное значение этих учреждений, игравших помимо научной, еще и воспитательно-образовательную роль. Болеслав Шостакович, будучи избранным гласным томской городской думы, выдвинул предложение основать в городе Сибирский музей с тем, чтобы после открытия в городе университета, музей использовался этим учебным заведением и был также доступен для бесплатного посещения публики.

Значительный вклад в дело научного освоения Сибири внес Александр Чекановский. Он был образованным и всесторонне одаренным человеком. При помощи друга академика Ф.Б.Шмидт он смог заняться научными исследованиями. Активно трудился ученый в Сибирском отделе ИРГО, разобрал его многочисленные коллекции и составил каталог. В ссылке исследователь подготовил и издал монографию о геологическом строении Иркутской губернии. Он участвовал и возглавлял ряд экспедиций – Култукскую, Тунгусскую, Оленекскую и др. Результаты его исследований были высоко оценены: в 1870 г. Чекановский получил малую золотую медаль Русского географического общества, а в 1875 г. – золотую

медаль первого класса Международного географического конгресса в Париже за составленные в ходе экспедиций карты. В результате семилетней научной деятельности А.Л.Чекановского в Сибири, натуралиста широкого профиля, были достигнуты значительные успехи в развитии геологии, географии, биологии, этнографии и лингвистики.

Вместе с Чекановским научные изыскания проводили и его ссыльные земляки – И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, В. Ксенжопольский, К. Нейман, Ф. Миллер, З. Венгловский. Своими капитальными трудами они обогатили отечественную и мировую научную мысль. Они стояли у истоков ряда учреждений исследовательского плана в Сибири, были основателями отделов Русского географического общества и музеев, редакторами «Учёных записок» и «Известий», авторами большого числа работ по самым разнообразным отраслям знаний. Из-за малочисленности сибирской интеллигенции они сыграли ощутимую роль в развитии культурных контактов с местным населением. Эти люди не только сумели устоять духовно в условиях неволи, но и несли свет культуры и просвещения местному населению.

В Сибири после отбытия каторги на поселении остались 10 петрашевцев. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский разрешил Петрашевскому жить в Иркутске, хотя формально он был приписан к Кудинской волости. За постоянные проявления недовольства, протесты против политики администрации Петрашевский был выслан в Енисейскую губернию в феврале 1860 г. В Минусинском уезде он не задержался, постоянно перемещался по губернии. Последним пристанищем Петрашевского стало село Бельское, где он скончался 7 декабря 1866 г.

Петрашевцев в Сибири было немного, срок их пребывания оказался ограниченным. Но все же они сумели оставить след в общественно-политической жизни края. Петрашевцы сделали многое для развития сибирской периодической печати. Н.Н. Муравьев – Амурский назначил Н. Спешнёва редактором «Иркутских губернских ведомостей» и смотрителем губернской типографии. В 1860 г. была основана частная газета «Амур», куда перешли многие сотрудники из «Губернских ведомостей». Инициаторами создания газеты выступили Петрашевский и Львов. Многие статьи были направлены против господствовавших порядков и обычаев. Газета

ориентировала читателей на прогресс общества, ратовала за буржуазные порядки и законы.

Для Сибири журналистская деятельность петрашевцев, безусловно, имела огромное значение – их произведения способствовали росту прогрессивных и революционных настроений в сибирском обществе. Настойчиво и очень решительно они требовали в своей публицистике уничтожения старых порядков и пережитков и заменой их институтами буржуазного, более передового типа, критиковали существующий строй и провозглашали гуманистические идеи.

Петрашевцы занимались и литературной деятельностью. Ф.М. Достоевский именно в Сибири задумал и начал писать «Записки из Мёртвого дома». Писатель с большой точностью и конкретностью обрисовал все ужасы каторги. В ссылке он познакомил с отдельными главами «Записок» своих друзей.

Ф. Львов написал «Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного», в которых дал весьма правдивые картины из жизни каторжан. Критике были подвергнуты и сама система, и ее исполнители. Ф. Толль также начал работу над книгой очерков из быта и нравов каторги, находясь в ссылке. Очерки «Два года» были напечатаны уже после возвращения автора домой.

Некоторые петрашевцы пытались заниматься научными изысканиями и опытами. Ф.Львов проявлял интерес к химии, проводил опыты, опубликовал «Отчёт о занятиях в Иркутском солеваренном заводе». Несомненной заслугой Львова следует признать исследование химического состава вод минеральных источников Забайкалья. Р. Черносвитов в ссылке занимался разработкой идеи управляемого воздушного аппарата и активно следил за техническими изобретениями современников.

С 1860-х гг. в Сибирь были сосланы участники многочисленных революционных кружков – ишутинцы, долгушинцы, участники хождения в народ, пропагандисты, привлеченные по процессам 193-х и 50-ти о революционной пропаганде в империи. В Сибирь сослали участников первой рабочей революционной демонстрации, происходившей 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге.

Начало 1880-х гг. открыло десятилетнюю полосу ссылки поколений народовольцев, пришедших на смену старым пропагандистам и бунтарям. Первой политической каторжанкой в Восточной

Сибири стала известная революционерка – народница Е. Брешко-Брешковская, осужденная по «процессу 193-х» и доставленная в Карийскую тюрьму Забайкальской области в декабре 1878 г. С этого события начинается история женской политической каторги в России. Всего за период с 1878 по 1891 г. царские суды отправили на каторгу 44 женщины, что составляло 11 % всех политкаторжан – участников революционного движения второй половины XIX в.

Политическими процессами (их было более 120, крупных и мелких, включая сибирские дела за повторные «преступления») было охвачено около 20 тыс. человек, сослано на каторгу и поселение более 500 человек. С административно сосланными это число возрастает до 4 тыс.

Ссылные народники создавали нелегальные кружки в сибирских городах, оказывали поддержку своим товарищам, находившимся на каторге, организовывали побег. Так, члены кружка К.Г. Неустроева, возникшего в 1881 г. в Иркутске, организовали побег с мест поселения Е. Брешко-Брешковской, Е. Ковальской, С. Богомолец. В 1882 г. кружок был раскрыт полицией, а Неустроев был казнен.

Ссылные народники использовали и легальные возможности для борьбы. Одни активно участвовали в сибирской периодической печати, занимались исследованиями края, участвовали в научных экспедициях. Другие участвовали в общественной жизни, в политических акциях сибирской интеллигенции и особенно молодежи, выступая учителями и советчиками, а иногда и партнерами. Чтобы не оказаться раздавленным условиями подневольной жизни, выстоять в борьбе, нужна была активная работа – будь она физической или умственной. Ссылные нуждались в труде и общении с местным населением. «Отсутствие занятий влечет за собой скуку, развивает апатию, притупляет ум, а отсюда только два исхода, либо сумасшествие, либо самоубийство...» – писал административно-ссылный А. Бычков генерал-губернатору Восточной Сибири.

Активными или пассивными формами борьбы, культурно-просветительной и хозяйственной деятельностью ссылные подрывали сложившиеся устои в жизни местного населения, его представления о характере существующего режима. На первый взгляд, казалось бы, такая безобидная работа, как занятие хлебопашеством, официально разрешенная властями, не могла не повлиять на устои

самодержавия. Ссылные, занимаясь земледелием, стремились применять передовые приемы агротехники, ввести новшества в полеводство и огородничество. Следует подчеркнуть также, что этому они учили и местное население.

Политическим ссылным народникам было обязано коренное население Якутии за их вклад в культурное развитие края. Историк советского времени Г.П. Башарин так писал по этому поводу: «Своим практическим опытом, знанием земледелия русские политические ссылные оказали большую помощь якутам, которые во второй половине XIX в. стали такими же хлебопашцами...».

Один из авторов многотомной «Истории Сибири» иркутский ученый Ф.А. Кудрявцев анализируя документы о ссылных, пришел к более широким выводам: «Они оставили значительный след в хозяйственном и культурном развитии местного населения... способствовали развитию земледелия в тех якутских улусах, где его не существовало, или оно велось примитивными способами. В местах своего поселения они были также пионерами огородничества, содействовали развитию картофеля...».

В Якутии встретились политическим ссылным приходилось преодолевать не только суровый климат северного края, остро ощущать нехватку материальных средств, но и вековые привычки и суеверия коренного населения. «На первых порах якуты – скотоводы, – писал Н.С. Тютчев, – враждебно отнеслись к развитию хлебопашества и, лишь осознав его пользу, признали как свое кровное занятие».

Якутский округ занимал первое место по числу политических пыльных, занятых сельским хозяйством и огородничеством. Политические ссылные проводили интересные опыты по выращиванию ряда сельскохозяйственных культур. Пытались заниматься огородничеством и хлебопашеством ссылные Верхоянского и других округов Якутии.

В сельском хозяйстве трудились политические ссылные и других районов Восточной Сибири. Значительных успехов в хозяйственной работе добился политический ссылный В. Перегудов, проживавший в Балаганском округе. Он постепенно расширял площади посевов под зерновые и огородные культуры, собирая из года в год хорошие урожаи. Местные жители обращались к ссылному с просьбами не только за помощью и разъяснениями в огородничестве, но и за правовой поддержкой.

Много полезного переняли крестьяне от членов Ужорской коммуны в Енисейской губернии. Политические ссыльные были вполне удовлетворены результатами своей работы. Так, завезли новый сорт пшеницы кубанка, которую сеяли на возвышенных местах, оберегая тем самым от ранних заморозков. Была применена отделка и отсортировка семян. Прежде никто из крестьян этим не занимался. Члены коммуны с успехом боролись с засухой и вредителями сельскохозяйственных культур.

Ссыльные коммунары преуспели в огородничестве. Успешно они занимались выращиванием огурцов, получая самый высокий в селе урожай. Следует заметить, что все семена коммунары завозили из западных районов. «Мы сеяли такие овощи, которых здесь не знали: морковь, репа, муромские огурцы...». Через ссыльных с огородными культурамизнакомилось местное население.

Среди местных жителей политические ссыльные были известны и как мастера кузнечного, слесарного, сапожного и столярного дела. Народ уважал их за честность и внимательное отношение, хороший труд.

Также ссыльные народники занимались и педагогической деятельностью, несмотря на запреты. Причём не только на поселении, но и на каторге и в тюрьме. «Эта деятельность была выгодна для всех. Политические получали возможность отчасти реализовать свой интеллектуальный потенциал и разнообразить свою жизнь. Администрация была довольна, что столь опасные государственные преступники применяют свою энергию в правильном направлении. У них оставалось меньше времени и сил для конфликтов с руководством. Уголовные заключенные повышали свой культурный и образовательный уровень, чего на свободе сделать были не в состоянии».

Разночинцы представляли интеллектуальную часть российского общества, среди которых наряду с учащейся молодежью были учителя, медицинские работники и известные стране писатели. В течение трех лет не прекращал литературной работы сосланный в Томск известный публицист, один из редакторов литературно-политического журнала «Дело» К.М. Станюкович. На новом месте, в иных условиях он продолжил прерванное дело. Подтверждением тому его активное участие в «Сибирской газете». В этой печатной трибуне сибирской народнической ссылки К.М. Станюкович опубликовал одно из лучших своих литературных творений – роман

памфлет «В места не столь отдаленные», получивший уже тогда широкую известность и высокую оценку у читающей публики. В течение трех лет, с 1881 по 1884 г., находился в Сибири писатель-народник В.Г. Короленко. Одной из ведущих тем его творчества стала Сибирь – ее природа и люди.

За годы пребывания в ссылке писателям-народникам в невероятных условиях подневольной жизни удалось создать немало интересных и остросюжетных произведений. Предназначались они главным образом для мыслящей, читающей части общества – учащейся молодежи, студентов, разночинской интеллигенции, т. е. той ее части, с которой работали адепты революционного и либерального народничества. Преследовалась и цель – пробудить народ от вековой спячки, заставить задуматься над причинами, порождающими мир насилия, угнетения и бесправия.

Через народнические кружки прошли революционеры-марксисты Е. Ярославский (Губельман), И. Крамольников (Пригорный), В. Воложанин, Л. Скорняков и многие другие. Народническая и польская политическая ссылка дала немало революционеров, пришедших к марксизму в Сибири. Достаточно назвать имена М.С. Ольминского, П.Н. Лепешинского, Ф. Кона, В.П. Арцибушева, С.Н. Мартыновского, А.И. Зунделевича, Ф. Рехневского, И.Ф. Гусева, Д.Г. Богданова и др.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите принципы организации инородческого управления в дореформенный период.
2. Охарактеризуйте дореформенное управление в Сибири, покажите общее и особенное с Центральной Россией.
3. Какие изменения произошли в XIX в. в административном управлении Сибирью?
4. Какую роль в управлении играло купечество, и чьи интересы оно защищало?

5. ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ СИБИРСКИХ НАРОДОВ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

5.1. Соотношение аборигенного и пришлого населения. Проблема «вымирания инородцев»

С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, на характер международных и межэтнических отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков общностей, численностью около двухсот тысяч человек. Наиболее многочисленными были народы, говорившие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи.

В дорусский период аборигены экономически освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной Сибири – буряты и якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет большое значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех компонентах этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, которые мало или ничем не отличались

от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониционную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и (в соответствии с конституцией) не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих и пастбищных угодий. В России, по мере ее продвижения с запада на восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, а также при наличии потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и для решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы отводили немаловажную роль аборигенному фактору.

Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов.

«Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов вследствие присоединения их к России. Наиболее остро этот тезис был поставлен Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, И.И. Серебряковым, П.М. Головачевым.

Областничество как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX – начала XX в. характерно не только для Сибири. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе

империи областничество получило наибольшее развитие и значение.

По мнению Ядринцева, в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношениях с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. Серебрянников, вслед за Ядринцевым, также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности. Примерно такой же подход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перекрывается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов. Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в Трудах Н.Н. Козьмина, который считал принципиально неверным видеть процессы вымирания в любом факте сокращения численности аборигенов. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и – начала XX в., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В тоже время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков метисацию и обрусение аборигенов, что проходило при прямом участии государства.

В действительности на протяжении всего рассматриваемого периода проходил рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. д.м.п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом, русского населения, численность которого за этот же период возросла с 412 тыс. д.м.п. до 2,3 млн, т.е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.

Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение у аборигенов земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и численное соотношение мужчин и женщин, которое у коренного и русского населения в принципе не различалось. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %; в Енисейской – 95 %; Иркутской – 94,6 %; в Забайкальской области – 90,3 %. Более высокие темпы коренного прироста коренного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывавшие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа одноименной губернии из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхоленском – 30.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35 % численности всего коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27, 55%), далее – алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21%), эвенки – 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары – 53 тыс. (6,44%), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например тофолары, проживавшие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 человек.

Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов – в 7,9 раза; алтае-саянских народов – в 6,5 раза; татар – в 3,1 раза; хантов и манси – в 1,5 раза. Приведен-

ные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать как вымирание. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усиливавшиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей, сменой этнической и конфессиональной идентичности. По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г., количество «инородцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %; Томская – 22 %; Енисейская – 10,6 %; Иркутская – 12,2 %; Забайкальская – 13,3 %; Якутская – 0,1 %. На это же указывают многочисленные свидетельства православных миссионеров.

5.2. Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке страны процесс властного освоения новых территорий с XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным методам пришли политико-административные и экономические. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые прави-

тельственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли.

В XVII в. Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди», а правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. Интенсивный приток русского населения. Потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более, что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия и животноводства. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия и стойлового содержания скота у народов Сибири. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Это объясняется отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, заимствовались у русских крестьян.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсеčno-переложная система, у хакасов и забайкальских бурят под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система. Наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями русских крестьян.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в Северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «инородческих» хозяйств различных губерний продажа хлеба доходила до 70 % всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «инородцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство осознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуд деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, где жестко определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания ослушников.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». В соответствии с уставом оседлые аборигены уравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при причислении кочевников к разряду оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковых с крестьянами основаниях должно было привести не только к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и к пере-

воду их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

Правительство решило провести землеустройство аборигенов и крестьян на одинаковом основании, наделив их наделом в 15 десятин. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата о признании верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование.

Сначала к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этого являлись широкие протесты коренного населения и сложности в определении фонда пустопорожных земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. протест народов Сибири значительно активизировался. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «инородческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий в стране. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов.

Создаются специальные «инородческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы ведутся исключительно на «инородческих» землях. Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55 % земель коренного населения. В Тобольской – меньше половины.

Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприяти-

ями правительства в других колонизируемых районах страны – Башкирии, Степном крае, Туркестане и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность «инородцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного еще в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и определения новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с русским населением.

Вопросы для самоконтроля

1. Обозначьте ареалы расселения аборигенного населения в Иркутской губернии.
2. Какие факторы обуславливали формы ясачных сборов в XVIII в.?
3. Что побудило правительство к постепенному переводу аборигенного населения на оседлый земледельческий образ жизни?
4. Дайте характеристику систем верований аборигенных народов Сибири.

6. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

6.1. Модернизация промышленности Сибири. Роль региона в экономике России

Период XVIII – первой четверти XIX в. включает два этапа развития сибирского предпринимательства. В первой половине XVIII столетия происходит становление относительно самостоятельного торгово-промышленного предпринимательства как социально-экономического института. В это время расширяются внутренние и внешние границы потребительского рынка, упраздняются внутренние таможи и организуются внешние, появляются новые социальные слои потребителей. Кустарные ремесла перерастают в промышленность, юридически оформляются стихийно сложившиеся ярмарки в крупных городах Сибири, сибирский хлеб начинает вывозиться в Европейскую Россию.

Следующий этап, который охватывает середину XVIII – 1830-е гг., характеризуется созданием сети городских и сельских – ярмарок и включением их в общероссийскую систему ярмарок. Прокладывается Московский тракт и формируется сеть уездных и волостных путей сообщения. Создается: мануфактурная промышленность, как казенная, так и частная, организуются компании, совмещавшие торговлю и производство, открываются первые банки и даже появляется «сибирская» монета.

Новый этап развития предпринимательства, начавшийся в Петровскую эпоху, был связан с дальнейшим процессом хозяйственного освоения края. Оформлению торгового и промышленного предпринимательства в виде самостоятельного социально-экономического института во многом способствовала гильдейская реформа 1727 г., по которой все предприниматели делились на две гильдии, различавшиеся юридическими правами, сферами коммерческой деятельности и размерами налогов.

В первой половине XVIII столетия в Сибири шел процесс формирования промышленного предпринимательства. Кустарные ремесла перерастали в мануфактурные заведения, которые в большей мере обеспечивали потребительский рынок товарами, которые ранее доставлялись из Европейской России. Первые сравнительно крупные частные промышленные заведения появились в Сибири

в начале XVIII в., а в 1760-х гг. их число составляло примерно 25, не считая разного рода ремесленно-кустарных мастерских и кузниц.

Наиболее крупные промышленные предприятия относились к добывающей промышленности. Так, еще в XVII в. были основаны Троицкий, Усть-Кутский, Селенгинский и Усольский солеваренные заводы. В 1704 г. в Забайкалье был построен казенный Нерчинский сереброплавильный завод.

На Алтае начальный период промышленного предпринимательства связан с именем Акинфия Никитича Демидова, представителя известной семьи тульских и уральских заводчиков. В конце 1710-х гг. на юге Западной Сибири были обнаружены месторождения полиметаллических руд. Однако пока бюрократический аппарат раскачивался, предприимчивый Демидов, воспользовавшись данной Петром I берг-привилегией 1719 г., разрешавшей добывать и плавить частным лицам руды, получил разрешение на добычу медной руды и строительство заводов в Томском и Кузнецком уездах и основал здесь несколько рудников и 2 медеплавильных завода – Колывано-Воскресенский (1728 г.) и Барнаульский (1739 г.).

С помощью связей в правительственных кругах А.Н. Демидову удалось захватить огромную территорию в бассейне Оби, на которой другим предпринимателям было запрещено вести какие бы то ни было работы. Как считают историки, организация выплавки меди не была подлинной целью Демидова, так как не приносила практически никаких доходов. По тогдашним законам заводчики были обязаны сдавать в казну 90 % выплавляемой меди по фиксированной цене 4 руб. 50 коп. за пуд, а себестоимость пуда меди на Алтае составляла 5 руб. Однако алтайская медь содержала довольно значительную примесь серебра, которую Демидов тайно извлекал на своем Невьянском заводе на Урале, а затем построил специальные печи для выплавки бликового (т.е. содержащего золото) серебра на Колыванском заводе. Именно выплавка серебра давала основные барыши Демидову на Алтае.

Заводы Демидова были хорошо оборудованными для того времени предприятиями. На Колыванском (Колывано-Воскресенском) заводе была плотина на р. Белой; плавильня с вододействующими мехами для подачи воздуха в плавильные горны; обжигальная, где обжигали полученный после рудной плавки полупродукт – ропштейн; гармахерская для выплавки чистой меди;

пильная мельница (вододействующая лесопилка); кузница; котельная, где выделывали медную посуду, и другие цехи. Плотина Барнаульского завода представляла собой грандиозное по тому времени сооружение: длиной свыше 500 м и шириной на дне 52 м, наверху – 26 м. Для защиты завода была сооружена крепостная стена из массивного заплота деревянных столбов с тремя башнями.

Вскоре после смерти А.Н. Демидова в 1747 г. императрицей Елизаветой Петровной был издан указ, по которому его алтайские заводы переходили в собственность царской фамилии. Этот указ свидетельствовал о полной незащищенности собственности заводчиков и фабрикантов в условиях феодальной России. Царская монополия на земли Алтая тормозила становление рыночных отношений в этом регионе. Алтайское население вынуждено было отбывать заводские повинности. Так, купцы и мещане, составлявшие основную социальную базу для предпринимательства, должны были служить на заводах в качестве счетоводов, конторщиков, писцов, а мещане выполняли и рудовозные работы. Все это затрудняло их участие в торгово-промышленной деятельности. К.Ф. Ледебур отмечал, что по количеству частных предприятий и предпринимателей Барнаул значительно отставал от других городов Томской губернии. Если в Томске их число в 1825 г. составляло 20, то в Барнауле только 4. По этому показателю Барнаул отставал даже от Кузнецка, где их было 7. То же наблюдалось в сфере торговли и в количестве лиц, занимавшихся торговлей или промышленностью. В Барнауле в этот период не было ни одного купца 1-й гильдии, 2-й гильдии – только 5 и третьей – 40 (в Томске, соответственно – 3, 1 и 77).

Несмотря на все стеснения частной инициативы, некоторые энергичные предприниматели все же стремились наладить свое дело. Правда, предпринимательская деятельность концентрировалась преимущественно на обслуживании потребностей горнозаводского хозяйства (администрация устанавливала ограничения на вывоз хлеба и масла из округа). Например, барнаульский купец Пуртов в компании с томским Шумиловым занимались перевозкой свинца из Забайкалья на Алтай, поставляли продовольствие на заводы и рудники, в основном мясо и хлеб (маркитантский промысел).

Перевозка сибирской меди, выплавленной на кабинетских заводах, в Европейскую Россию обходилась дорого, однако от вы-

плавки меди отказаться было нельзя, поскольку медь в больших количествах содержалась в полиметаллических рудах, из которых добывали серебро. Поэтому в 1763 г. было решено чеканить медную монету на Сузунском заводе на Алтае. Эта монета чеканилась с гербом Сибирского царства (два соболя), имела хождение только внутри Сибири. С 1781 г. монетный двор Сузунского завода стал выделывать монету общероссийского образца.

Частные предприятия в горно-металлургической отрасли в это время вынуждены были действовать в условиях нехватки квалифицированных рабочих кадров, большой конкуренции со стороны казенных и кабинетских предприятий и правовой незащищенности. Все это приводило к их неустойчивости. Так, в 1774 г. московский купец Иван Григорьевич Савельев, наживший капитал на казенных откупах в Сибири, приобрел у казны Ирбинский железодельный завод. Однако, столкнувшись с большими сложностями в организации производства и с узостью местного рынка, к концу 80-х гг. он полностью разорился.

Формирование частнопредпринимательских предприятий в обрабатывающей промышленности представляло известную сложность. В регионе было мало капиталов. Капитал из России, которому хватало дел в метрополии, если и попадал в Сибирь, то направлялся в те отрасли, которые давали быструю и верную прибыль, например, в торговлю пушниной или винные откупа.

Охотно купеческий капитал в этот период шел в винокурение. В 1714 г. указом Петра I в Сибири разрешалось курить вино людям всяких чинов свободно «с объявлением об этом начальству и в заклеянной посуде, полагая сбору со всякого ведра по полуполтине в год». Дешевизна хлеба, несложное производство, гарантированный сбыт – все это обеспечивало высокую и стабильную прибыль. В хлебных районах Сибири появились десятки винокурен, организованных на средства частных лиц. Самый крупный в регионе винокуренный завод того времени был построен в 1756 г. близ Иркутска генерал-прокурором А. Глебовым. Один из богатейших сибирских купцов Максим Михайлович Походяшин владел 5 винокуренными заводами в Тюмени, Екатеринбурге, Ирбите и других, местах. Выгоды винокурения были настолько очевидны, что в 50-х гг. XVIII в. государство превращает отрасль в казенную и дворянскую монополию. А в конце века государство прекращает и дворянское предпринимательство в этой отрасли. Винокуренные заво-

ды были скуплены казной, а для повышения стабильности их работы власти стали использовать на них принудительный труд. Так винокуренная промышленность утратила капиталистические черты, которыми обладала прежде.

Таким образом, государство в ряде случаев сдерживало развитие частного предпринимательства, особенно в тех отраслях промышленности, которые обладали большой доходностью.

Тем не менее «безуказных» мануфактур капиталистического типа в сибирской обрабатывающей промышленности в конце XVIII в. было больше, а в первой половине XIX в. они решительно берут верх. С начала XIX столетия до отмены крепостного права их число выросло с 23 до 95, т.е. более чем в 4 раза.

В XVIII в. российские и сибирские купцы, разбогатев на торговле и винокурении, стремились вложить свои капиталы в промышленность. Тобольский купец Шайдуров совместно с дворянином Матигоровым основали в 1720-х гг. первые в Сибири стекольные заводы. Устюжанин Яков Бобровский в 1736 г. приобрел казенный Тельминский завод и переоборудовал его в суконную фабрику. Верхотурский купец Максим Походяшин вложил деньги в уральскую металлургию и винокурение. Другой верхотурец Осип Коновалов построил в начале 1760-х гг. под Туринском бумажную фабрику. Тобольские купцы Медведевы основали в 1744 г. первую в Сибири частную бумажную фабрику, а их родственник, купец Василий Корнильев, на ее базе в 1789 г., открыл типографию, а затем и стекольный завод. Под Иркутском посадский Степан Прокопьев в 1747 г. построил стекольную и шелковую мануфактуры, каргопольский купец Александр Баранов в 1784 г. – Тальцинскую фаянсовую фабрику, а затем в Иркутске – водочный и салотопенный заводы.

Однако дефицит свободной рабочей силы, сильная конкуренция со стороны сибирских кустарей и промышленности Европейской России, узость местного рынка сбыта, неудовлетворительное качество местного сырья обусловили слабость и нестабильность частной сибирской промышленности. Частные предприятия постоянно переходили из рук в руки, большинство из них весьма быстро разорялись, обычно через 5-10 лет.

Говоря о количественных характеристиках частного предпринимательства в сибирском промышленном производстве, следует отметить его безусловный рост. Если в 1760-е гг. по всей Сибири

действовало 25 частных промышленных предприятий, то к середине XIX в. в городах Тобольской губернии было 126 заведений, Томской – 77, Енисейской – 34, Иркутской – 34.

Промышленное предпринимательство в Сибири достаточно успешно справлялось с потребностями населения и казны. Оно было готово к технической модернизации производства, но развитие золотодобычи в начале XIX в., вызвавшее колоссальный отток капиталов и рабочих рук в эту отрасль, затормозило общее перевооружение промышленности.

В целом, по сравнению с XVII столетием, период XVIII – нач. XIX в. отличался большим размахом частнопредпринимательской деятельности в промышленности, однако, если исходить из потенциальных возможностей края, его природных богатств, это развитие нельзя было признать удовлетворительным. Отрицательную роль в этом процессе часто играло государство, стремившееся сосредоточить в своих руках наиболее прибыльные и выгодные отрасли. Хотя Сибирь не знала крепостного права в чистом виде, оно существовало в Алтайском и Нерчинском горных округах. Феодалные порядки тормозили развитие предпринимательства, объявляя, например, золотопромышленность монополией дворянства и верхушки купечества. Все это не только отрицательно сказывалось на формировании промышленного предпринимательства, но и порождало серьезные диспропорции в структуре народного хозяйства Сибири, усиливая колониальные черты ее развития.

В рассматриваемый период гораздо успешнее развивалось торговое предпринимательство, в котором выделялось несколько направлений. Жизненно важное значение для Сибири имела торговля с Европейской Россией. Русские купцы-оптовики закупали крупные партии товаров в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Ирбите и переправляли их в крупные города Сибири: Тюмень, Тобольск, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск. Торговыми воротами Сибири был Ирбит. Отсюда в край поступали текстильные и бакалейные товары, в обмен на которые из Сибири шли пушнина, золото, серебро, а впоследствии и разного рода сельскохозяйственное сырье. Торговля с Европейской Россией осуществлялась через местные ярмарки, число которых постоянно увеличивалось.

Ярмарки, особенно крупные, были сферой деятельности преимущественно гильдейского купечества, которое могло закупать большие партии товара и затем перепродавать мелким торговцам

на местах. Вообще торговлю с Европейской Россией могли вести и только крупные купцы-оптовики. Для мелких такая торговля была недоступна в силу небольшого количества товаров и больших накладных и транспортных расходов.

Кроме торговли с метрополией, в Сибири развивалась и внутренняя торговля. Процесс общественного разделения труда между северными и южными территориями способствовал развитию внутрисибирских рыночных связей и становлению местных торговых центров. С севера на юг везли лес, деревянные изделия, рыбу, меха; с юга на север – хлеб, скот, сало, металлические изделия и пр. В Сибири формируются крупные торговые центры – Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск, Енисейск и Иркутск. В этих городах купцы-оптовики перепродавали свои товары местным предпринимателям, которые торговали ими через своих приказчиков в собственных лавках, а также мелким торговцам, развозившим товары по другим городам, деревням и улусам, проникая в самые отдаленные уголки сибирского края. Сбыв товар, мелкие торговцы скупали у местного населения сельскохозяйственное сырье и пушнину, которые затем продавали приказчикам крупных купцов. Последние, аккумулировав в своих руках значительные партии сибирской продукции, везли их на российские ярмарки, где вновь закупали промышленные изделия. Торговый цикл повторялся.

Большое значение для Сибири имела внешняя торговля, прежде всего с Китаем, которая шла преимущественно через Восточную Сибирь. Важнейшим транзитным пунктом этой торговли являлась Кяхта. Уже в середине XVIII в. доля Кяхты в торговле всей России с азиатскими странами составляла 67 %. С 1762 г., после отмены монополии казны на продажу пушнины за границу, этот товар стал основным для торговли частных предпринимателей с Китаем. Кроме пушнины, купцы торговали скотом, кожами, грубошерстными сукнами, овчинами, металлическими изделиями. Китайцы меняли эти товары на шелковые и хлопчатобумажные ткани, фарфоровые изделия, чай, сахар-леденец. Ткани в это время составляли 2/3 всего ввоза. Оборот русско-китайской торговли постоянно рос, составляя в 1755 г. 0,8 млн руб., а в 1800 г. – уже 8,3 млн руб. Торговля с Китаем определяла и стимулировала развитие многих отраслей сибирской экономики, особенно в Восточной Сибири: пушного промысла, транспорта, скотоводства, земледелия, кожевенной

промышленности (которая, кроме продукции на продажу, давала кожу для обшивки ящиков с китайским чаем).

На первых порах в русско-китайской торговле главную роль играло государство, которое фактически монополизировало ее, организовав в конце XVII – начале XVIII вв. посылку в Пекин казенных торговых караванов. Однако подобная практика оказалась неэффективной и стала приносить казне убытки. Поэтому государство дает свободу частной инициативе. В 1728 г. открывается частный торг с китайцами в Кяхте. В 1762 г. отменяются казенные караваны и провозглашается полная свобода торговли в Кяхте, в том числе и пушниной. После этого начался взлет иркутского и кяхтинского купечества, а Иркутск превращается в «сибирский Амстердам» – средоточие деловой активности всей Сибири. Не осталось в накладе и государство, которое получало значительный доход за счет таможенных поступлений (в 1775 г. пошлины с купцом, торговавшим в Кяхте, составляли 38,5 % всех таможенных поступлений в российский бюджет).

Организационные формы торговли были самыми разнообразными: периодическая (ярмарки), стационарная (лавки), развозная и разносная торговля.

Стационарная торговля велась в лавках и гостиных дворах. Этот вид торговли развивался в городах и обеспечивал ежедневные потребности горожан и крестьян близлежащей округи. В купеческих лавках можно было купить все, начиная от гвоздей и кончая драгоценностями. В большинстве сибирских городов функционировали специальные гостиные дворы, которые представляли собой комплексы складских, торговых, а также жилых помещений для продажи, хранения товаров и проживания приезжих купцов. Обычно это были четырехугольные здания с внутренним двором в один или два этажа, обнесенные со всех сторон галереями. Гостиные дворы были разделены на лавки, каждая из которых имела отдельную дверь наружу. Первые гостиные дворы строились в сибирских городах за счет казны, а впоследствии – городскими обществами. В XVIII в. гостиные дворы были преимущественно каменными. В 1706 г. было закончено строительство главного торгового здания Сибири – гостиного двора в Тобольске, который по своим размерам был почти таким же, как московский. Каменные гостиные дворы были построены в 1743 г. в Енисейске, в 1803 г. – в Верхнеудинске, в 1808 г. – в Иrbите, в 1820 г. – в Красноярске. К середине

XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 11 гостиных дворов с 996 лавками, в Томской – 8 с 387 лавками.

Количество лавок, лабазов, магазинов постоянно увеличивалось. В крупных городах, как правило, функционировало несколько специализированных торговых объектов. В 1730-х гг. в Тобольске было семь «торжищ»: в верхнем городе – гостиный двор и мясной ряд, в нижнем – ряды для торговли китайскими, русскими, сибирскими и западноевропейскими товарами, а также сапожный, хлебный, мясной и рыбный ряды. В Томске к концу XVIII в. имелись деревянный и каменный гостиные двory, мясной и съестной ряды. В Иркутске уже в конце 90-х гг. XVIII в. действовали 2 гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где располагалось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Торговля велась на рынках и в рядах, в купеческих и мещанских лавках. В 1823 г. помимо лавок гостиного двора в Иркутске торговля производилась еще в 199 лавках и 260 более мелких торговых точках (балаганах, столах, ларях). К 1820 г. в Красноярске было 2 гостиных двора, съестной и «толкучий» рынки. Насыщенность крупных городов торговыми заведениями была достаточно высокой. В конце XVIII в. в Тобольске одна торговая лавка приходилась на каждые 57 жителей, в Томске – на 31, Тюмени – на 34, Иркутске – на 22.

К периодической торговле относились еженедельные базары и торжки. Базары функционировали в городах и крупных селах по воскресным дням. На них торговали преимущественно крестьяне, которые продавали продукцию своего хозяйства: «разные хлебные, харчевые и другие съестные припасы, мочала, рогожи, веревки, телеги, сани и разного рода кожи, деревянную и глиняную посуду». Торговля на базарах велась в розницу и мелким оптом.

Особую роль для Сибири играла ярмарочная торговля. Ярмарка как форма организации рынка в значительной степени отражала характерные черты развития региона. «Ярмарку порождают, – писал Н.К. Дружинин, – своеобразные условия строя хозяйства – та эпоха, когда в силу отсутствия массового производства товаров, невысокого уровня развития населения и хозяйственной разобщенности различных территорий страны еще не могло иметься налицо почвы для сооружения какой-либо регулярно совершающейся торговой деятельности». Для Сибири с ее безобразными путями сообщения, малой плотностью населения, слабостью кре-

дита и отсутствием крупных капиталов ярмарочная торговля сохраняла важное значение. Настоящий расцвет ярмарочная торговля в Сибири переживала во второй половине XVIII в., после того как по указу правительства 1783 г. каждый уездный город должен был иметь свою ярмарку, и на протяжении почти всего XIX в.

Крупнейшей сибирской ярмаркой становится Ирбитская. Ежегодно, в январе-феврале, на нее съезжались купцы со всей Сибири и России. В первой половине XVIII в. здесь торговали российскими, западноевропейскими, китайскими, сибирскими, среднеазиатскими, персидскими и турецкими товарами. Уже в конце XVII в. по своему обороту она догоняла знаменитую Нижегородскую Макарьевскую ярмарку. Особенно усилилось значение Ирбитской ярмарки после успешного окончания Северной войны, когда Россия получила Прибалтику, и Ирбит стал доступен для западноевропейских купцов. В 1770 г. в Ирбите насчитывалось свыше 200 больших торговых лавок. Обороты Ирбитского торгова постоянно росли. Если в начале XVIII в. ежегодно на ярмарку привозили товаров на сумму от 12 до 40 тыс. руб., то в 1790 г. оборот составил 3,5 млн руб., в 1815 г. – 7 млн руб., а в 1834 г. – 18,5 млн руб. Ассортимент товаров, представленных на ярмарке, был чрезвычайно широк. В описании 1801 г. говорилось; «Торговля славится потому, что с китайской границы привозят все известные китайские товары, а из отдаленных мест Сибири идет мяхкая рухлядь, с Оренбургской и Ишимской линий доставляют товары бухарские и хивинские, из Москвы московские, а из Архангельска и других российских мест привозят разные российские и иностранные товары, состоящие из сукна, шелковых и бумажных материй, серебряных и золотых вещей, также разные напитки, сахар и другое в довольном количестве».

В конце XVIII в. численность городских и сельских ярмарок Сибири составляла 121, а в середине XIX в. только в Западной Сибири их было 94.

Развивалась в Сибири также развозная и разносная торговля. Купцы и их приказчики разъезжали по деревням и инородческим стойбищам с целью продажи своих товаров и скупки сельскохозяйственной продукции, скота и пушнины. Нередко товары продавались в кредит под высокие проценты, после чего покупатели, как правило, инородцы, оказывались в неоплатных долгах у купцов, разорялись и не были в состоянии выплачивать даже государ-

ственные налоги. Один из жандармских офицеров в своем официальном донесении конца 1820-х, гг. назвал таких купцов «пиявками, сосущими кровь». Попытки сибирской администрации ограничить подобное ростовщичество большого успеха не имели.

Одной из наиболее выгодных отраслей торговли являлась продажа вина. Система виноторговли в то время была построена на откупах, т.е. своеобразной системе аренды права на торговлю вином, за определенную плату, которая вносилась государству вперед и при условии предоставления залога. В 1767 г. винные откупа были введены в Сибири. Откупщикам были даны большие права и привилегии. Они приравнивались к дворянскому сословию, носили шпаги, имели право на обыск любого дома для розыска корчемного (незаконно выкуренного) вина. Право на винный откуп в определенной местности (округе, уезде или целой губернии) продавалось на торгах, которые происходили через каждые четыре года. Примером обогащения на винных откупах можно назвать деятельность верхотурских купцов Поповых, которым удалось в 1827 г. взять на откуп всю Томскую и часть Тобольской губерний. Только за право продажи вина в Томске А.Я. Попов в компании с Ф.И. Поповым обязывались выплачивать в казну 181250 руб. и продавать ежегодно по 48 тыс. ведер вина (1 ведро равнялось 12,3 литра). Вино отпускалось Поповым с Краснояреченского казенного винокуренного завода по цене 2 руб. за ведро 40-градусной водки. Поповы должны были развезти эту водку по своим торговым точкам и складам и реализовать ее самостоятельно в установленных указом объемах по цене от 2 руб. 80 коп. до 3 руб. 30 коп. Всего в Томске у Поповых в 1827 г. было 17 питейных домов, а в Томской губернии еще 36 городских и 142 сельских заведений подобного рода.

С конца XVIII в. в Сибири стали возникать первые торговые компании. В частности, стремление предпринимателей к получению максимальной прибыли от пушного промысла порождало монополизацию этой сферы деятельности, что и привело к созданию крупных компаний. В 1781 г. рыльский, а позднее иркутский купец Григорий Шелехов вместе с курским купцом Иваном Голиковым образовали Северо-Восточную компанию для производства пушного промысла на Алеутских островах и у берегов Северной Америки. В компанию вошли крупные иркутские купцы: М. Сибиряков, А. Пахолков, И. Сизой, Мичурины и др. В острой конкурентной

борьбе с другими компаниями (Лебедева-Ласточкина, Мыльниковых, Киселевых) Северо-Восточная компания начала планомерное освоение и заселение русскими людьми тихоокеанских островов и североамериканского побережья. Здесь закладывались поселения, торговые фактории, крепости и судостроительные верфи.

В 1797 г. основные компании, действовавшие в регионе, слились в одну Американскую Соединенную компанию, которая вскоре стала называться Российско-Американской компанией и в 1799 г. получила от правительства на 20 лет полную монополию на колонизацию северной части Тихого океана, включая северо-западное побережье Америки. Главное правление компании находилось в Петербурге, а многочисленные филиалы на местах: в Иркутске, Якутске, Охотске, Петропавловске, Русской Америке. На 1 января 1800 г. капитал компании составлял 2634,4 тыс. руб. За 1797–1820 гг. выручка от продажи мехов составила 7,6 млн руб. Российско-Американская компания действовала вплоть до 1867 г., когда русские владения в Америке были проданы США.

Необходимо остановиться на характере развития сибирского предпринимательства в этот период. На него негативно влияла слабая правовая защищенность российского предпринимательства, которая особенно наглядно проявлялась в Сибири, где купцы и промышленники, будучи людьми состоятельными, становились излюбленными объектами вымогательств и злоупотреблений со стороны государственных чиновников. Примером вопиющего произвола была деятельность следователя П.Н. Крылова в Иркутске в 1758-1760 гг., который, формально расследуя утайку от казны истинных доходов от продажи вина, имел тайное задание от обер-прокурора Сената А.И. Глебова заставить иркутских купцов отказаться от винного откупа в пользу самого Глебова. Прибыв в город, Крылов арестовал и заковал в цепи 74 купца, в том числе председателя и членов магистрата, опечатал их лавки, дома и другое имущество. В результате «следствия» Крылов «вымучил» у 120 иркутских купцов «добровольное приношение» на сумму 155 тыс. руб. От пыток на дыбе погиб один из самых богатых предпринимателей города Иван Бечевин.

Осложняли сибирское предпринимательство и ограничительные меры правительства. Долгое время существовал запрет на вексельный перевод денег из Сибири и в Сибирь, так как правительство опасалось злоупотреблений со стороны сибирских воевод

и губернаторов, которые под видом купцов могли переводить свой деньги. Поэтому, в отличие от других районов страны, через Урал деньги можно было перевозить только наличными, заплатив таможенную пошлину.

Однако постепенно условия для развития сибирского предпринимательства улучшались. В целях облегчения транспортного сообщения в 1730-х гг. началось сооружение Сибирского тракта. Он начинался в Екатеринбурге, шел через Тюмень, Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск и Нижнеудинск до Иркутска. К 60-м гг. XVIII в. строительство тракта было закончено. Это была единственная в мире столь протяженная трансконтинентальная магистраль. Сооружение Сибирского тракта явилось могучим стимулом для развития торговых сношений Сибири с другими областями России. Вдоль тракта стали возникать городские и сельские ярмарки.

С 1769 г. появились более удобные для торговых операции бумажные деньги (ассигнации). После разрешения в 40-х гг. вексельного перевода платежей из России в Сибирь и обратно в торгово-промышленных операциях стал распространяться безналичный расчет. В 1753 г. была упразднена таможня в Верхотурье и ввоз-вывоз товаров стал беспошлинным. В 1762 г. были отменены казенные и частные монополии. В 1785 г. «Жалованная грамота городам» определила торговые права и привилегии купечества. Позднее, в 1820 г., были приняты «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского общества, а в 1822 г. разрешен въезд торговцев в кочевья и стойбища инородцев. Принятое в 1824 г. «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий» предоставило купеческие права торгующим крестьянам и мещанам.

С середины XVIII в. в России, а затем и в Сибири начинается становление банковской системы. В 1772 г. в Тобольске, а в 1779 г. в Иркутске были открыты государственные банковские конторы для кредитно-вексельных операций. В 1775 г. во всех губернских городах были учреждены приказы общественного призрения, получившие право принимать от населения вклады под проценты и выдавать ссуды под недвижимость, находящуюся в пределах данной губернии.

Положительные тенденции способствовали процессу накопления капиталов. Главную роль в этом играли пушная торговля, ки-

тайский и отчасти азиатский торг. На них составили свои капиталы многие иркутские, кяхтинские, тюменские и томские купцы. Значительную роль в становлении сибирского купечества в XVIII в. сыграли также казенные откупа и подряды, прежде всего на вино-торговлю. Из виноторговцев вышли такие крупнейшие купцы, как верхотурец М. Походяшин, иркутяне И. Бечевин и И. Ворошилов, томичи Греченины, Поповы и Мясниковы, тюменцы И.А. Стукалов, Переваловы и Колмогоровы, тоболянин В. Корнильев и др.

Середина XVIII столетия стала рубежом в развитии сибирского предпринимательства. С этого момента в торговле все громче заявляли о себе купцы-сибиряки, которые постепенно вытесняли с местного рынка купцов из центральной России, брали сибирскую торговлю в свои руки и сами стали выезжать за товарами на крупнейшие российские ярмарки, в Москву, Нижний Новгород, Казань. Хотя в целом торговля продолжала оставаться делом рискованным и нестабильным, тем не менее многие местные предприниматели начинают устойчиво держаться на ногах. Ко второй половине XVIII в. относится появление сибирских купеческих династий, которые дожили до конца XIX – начала XX вв.: Басниных, Базановых, Дудоровских, Мильниковых, Мясниковых, Немчиновых, Сибиряковых, Трапезниковых.

Следует отметить, что в рассматриваемый период движение капитала торгово-промышленных фирм сибирских предпринимателей не отличалось стабильностью. Как правило, «дело» переживало не более одного-двух поколений. Ярким примером этого служит история одной из крупнейших в Сибири торгово-промышленных фирм Поповых, которые занимались откупам, поставками в казну, торговали хлебом, являлись первооткрывателями сибирской золотопромышленности, но к середине XIX в. потерпели крах.

В целом в XVIII – начале XIX в. важнейшей сферой сибирского предпринимательства оставалась торговля, ассортимент которой постоянно расширялся, а объемы возрастали. Процесс хозяйственной специализации отдельных районов вел к возникновению и развитию рыночных связей между ними, что выразилось в расцвете ярмарочной торговли в начале XIX столетия.

Важным рубежом в развитии сибирского предпринимательства стала вторая половина XVIII в., когда тормозящие факторы (неразвитая инфраструктура и денежная система, огромные рассто-

яния, налоговая политика государства, слабая правовая защищенность купечества) уступают место факторам позитивным и стимулирующим предпринимательскую деятельность (строительство Сибирского тракта, выпуск бумажных денег, открытие банков, ликвидация монополий, отмена внутренних таможен, законодательное определение прав и привилегий купечества, развитие торговой инфраструктуры). Именно в это время зарождается собственно сибирское купечество.

Сравнительно быстрое развитие капитализма и наличие крепостнических пережитков, тормозивших развитие капитализма вглубь, ставили с особой остротой проблему новых рынков. Рост промышленности с начала 90-х гг. еще в большей степени обострил проблему освоения новых территорий.

6.2. Строительство Транссиба

Сибирь с ее громадными сырьевыми ресурсами, ископаемыми и природными богатствами открывала исключительно заманчивые перспективы для торгово-промышленной буржуазии России как громадный рынок сбыта фабрично-заводских изделий, сырьевой резервуар, как сфера прибыльного размещения капиталов. Потребности развития капитализма вширь – распространение сферы его господства на новые территории – вызвали необходимость проведения Сибирской ж.д. Газета «Московские ведомости» писала: «Еще не тронутые рукой человека груды благородных металлов и самоцветных камней наполняют недра нашей Калифорнии. Сказочные клады залегли в ней почти на каждом шагу; здоровый климат, плодородная почва, дремучие леса, исполинские реки – все соединилось там для обогащения человека ... Нужна нам Сибирская дорога».

В проведении Сибирской железной дороги были заинтересованы предприниматели Центральной России, имевшие давние связи с сибирской окраиной. Идею строительства Сибирской магистрали активно поддерживали «Общество содействия русской промышленности и торговли», владельцы уральских заводов. Вся русская металлургия жаждала заказов на рельсы и другие материалы для железной дороги столь грандиозных масштабов.

Как внутри России, так и за рубежом появилось много проектов сооружения Сибирской магистрали. Особую активность прояв-

ляли капиталисты США. Железнодорожные и финансовые магнаты выдвинули несколько вариантов строительства и финансирования дороги, настойчиво добываясь участия американского бизнеса в сооружении пути. Так, в мае 1890 г. американский генерал Беттерфильд обратился в русское Министерство финансов с предложением образовать комитет для постройки Сибирской ж.д. на основе гарантий царского правительства получения в течение 80 лет доходов облигаций американской компании и беспошлинного ввоза американских материалов.

Правительство России отклонило этот и другие проекты. В отношении сооружения рельсового пути через Сибирь оно занимало твердую линию – строить дорогу средствами казны без прямого участия иностранного капитала. Покровительствуя отечественной промышленности, правительство шло навстречу интересам отечественных предпринимателей, которые не склонны были делиться громадными правительственными заказами, связанными с осуществлением грандиозного строительства. Большую роль играли соображения внешней политики: царское правительство не желало усиления иностранного влияния на Дальнем Востоке.

19 мая 1891 г. во Владивостоке состоялась торжественная церемония закладки великого сибирского пути. Строительство Сибирской ж.д., начавшееся в 1893 г., осуществлялось невиданно высокими темпами. Этому способствовало, с одной стороны, укрепление финансовой системы страны, а с другой – начавшийся экономический бум, связанный с железнодорожным строительством и оказавший, в свою очередь, влияние на его ускорение. Общая длина Транссибирской магистрали, включая ветки служебного пользования, разъезды, запасные, объездные и другие пути, превышала 8 тыс. км. Ежегодно прокладывалось около 650 км пути. Таких темпов история железнодорожного строительства еще не знала. По быстроте сооружения, протяженности пути, трудностям строительства великая Сибирская ж.д. не имела себе равных в мире.

Транссибирская магистраль пробудила к жизни глухой, изолированный, но щедро одаренный природой сибирский край, связала его с центрами европейской цивилизации, внесла оживление в развитие экономики, культуры, общественно-политической жизни.

Сооружение Сибирской ж.д. явилось событием мирового значения, нашедшим широкий отклик на страницах прессы во многих

странах мира. Один французский писатель сравнивал проведение Сибирской ж.д. с открытием Америки: «После открытия Америки сооружения Суэцкого канала история не отмечала события более выдающегося и более богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирской железной дороги».

С постройкой дорога открылась новая страница в экономическом развитии Сибири вообще и в развитии промышленности, в частности. Сама железная дорога с ее парком локомотивов и вагонов, сетью вокзалов и складских помещений, депо и ремонтных мастерских явилась совершенно новой отраслью материального производства в сибирской экономике. На участке от Челябинска до Иннокентьевской (станция в районе Иркутска) находились главные железнодорожные мастерские в Омске и Красноярске, 14 участковых мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов. Подвижной состав состоял из 12 тыс. паровозов и 26 тыс. вагонов. Мастерские и депо стали наиболее крупными торгово-промышленными предприятиями во многих городах и поселках вдоль линии железной дороги.

Сибирская ж.д., с массовостью перевозок, скоростью, регулярностью и дешевизной переброски грузов и людей на тысячи верст означала коренную революцию в средствах сообщения.

Влияние Транссибирской магистрали на промышленность Сибири было противоречивым. С ее сооружением быстрый рост получили лишь некоторые отрасли сибирской промышленности – переработка сельскохозяйственного сырья и горнодобывающая промышленность, которые не создавали конкуренции для фабрик и заводов Европейской России и в то же время не содействовали формированию промышленного комплекса в Сибири и лишь углубляли ее специализацию в качестве сырьевого придатка. Общее направление правительственной политики и неумолимые законы конкуренции не только исключали расцвет сибирской промышленности на этой почве, но и привели к гибели некоторых ее старинных отраслей.

Показательна в этом отношении судьба сибирской металлургии, которая после оживления 90-х гг. XIX в., связанного с получением значительных заказов от Управления Сибирской ж. д., вступила в полосу упадка. В 1899 г. закрылись Николаевский и Лучинский заводы в Иркутской губернии. Сокращалось производство металла на Петровско-Забайкальском и Гурьевском заводах. Мест-

ная металлургия не могла выдержать соперничества с более сильными конкурентами. Если в 1895 г. выплавка чугуна в Сибири составляла около 540 тыс. пуд., то в 1908г. лишь 150 тыс. В то же время стремительно возрастал ввоз металла и металлических изделий в Сибирь. В 1909 г. он превысил 14 млн пуд.

Проведение Сибирской ж.д. положительно повлияло на развитие ведущей отрасли горного дела – золотопромышленности. Это влияние сказалось не столько на увеличении добычи золота, сколько на глубоких структурных изменениях в этой отрасли производства. Здесь переплелись разнородные процессы и тенденции – переход от мануфактуры к современной фабрике, перестройка единовременных и паевых предприятий в акционерные общества, образование монополий, широкий прилив иностранного капитала, усиление роли банков и т.д.

В середине 90-х гг. происходит образование в Сибири двух акционерных обществ – «Российского золотопромышленного общества» (1895 г.) и «Ленского золотопромышленного товарищества» (1896 г.). В 1898 г. возникло акционерное общество «Уралит» с основным капиталом в 1,2 млн руб. для разработки золота на Алтае и Урале. В 1900 г. благовещенский купец А.В. Мордин учредил акционерное «Амурское золотопромышленное общество» с капиталом в 3 млн руб., в том же году образовалось акционерное «Салаирское золотопромышленное общество» с капиталом в 2,5 млн руб. и др.

Другим важным звеном преобразования сибирской золотопромышленности на новейшей капиталистической стадии являлось техническое перевооружение производства добычи золота, знаменовавшее собой переход от мануфактурной стадии к современной фабрике. Этот глубокий качественный скачок был непосредственно связан с постройкой Сибирской ж.д.

В основных золотодобывающих районах Сибири темпы и масштабы процесса перехода от мануфактурной стадии к фабрике были различны. С 1893 по 1904 г. количество паровых двигателей на приисках Восточной Сибири увеличилось со 116 до 178. В Енисейской губернии истощение богатых месторождений заставило промышленников переходить от ручного труда к машинному как более производительному. Еще в 1893 г. енисейский золотопромышленник Черемных купил в Англии полный комплект фабрики для получения золота из кварцитовых руд химическим путем. Это была первая фабрика в Сибири по добыче золота из кварцитов.

Три драги в Сибири были установлены весной и летом 1900 г. в Мариинском округе и Южно-Енисейской тайге на приисках компании «Драга», во главе которой стоял известный золотопромышленник Асташев. В 1908 г. на приисках Урала и Сибири уже работали 64 драги, из них 25 на Урале и 38 в Сибири.

Среднегодовая добыча золота за десятилетие 1901–1910 гг., несмотря на большой спад в 1905 г., связанный с русско-японской войной и революцией, составляла 2289 пуд., что на 127% выше, чем в последнее десятилетие XIX в.

Второй после золотопромышленности наиболее важной отраслью горного дела Сибири была добыча каменного угля, которая своим возникновением и развитием как отрасль капиталистической промышленности всецело обязана железной дороге.

Огромные потребности Сибирской магистрали в топливе и наличие богатейших каменноугольных месторождений почти по всей ее трассе вызвали настоящий бум – в течение нескольких лет, как грибы после дождя, возникали горнопромышленные компании по добыче каменного угля. Определились основные районы угледобычи, примыкавшие непосредственно к железной дороге. В Западной Сибири – Анжеро-Судженский, в Восточной Сибири – Черемховский.

В 1897 г. начали выдавать на гора уголь Судженские копи Л.А. Михельсона, производительность которых росла очень быстро. Если за первое пятилетие среднегодовая добыча угля составляла около 2 млн пуд., то в следующем пятилетии она превысила 8 млн пуд. Почти одновременно с Судженскими копиями Михельсона и поблизости от них в 1898 г. возникли казенные Анжерские копи, которые эксплуатировались средствами Сибирской ж.д.

Наиболее крупным районом угледобычи стал Черемховский бассейн. Здесь добыча каменного угля возрастала особенно быстро. В 1900 г. было добыто 4 млн 200 тыс. пуд. угля, а в 1902 г. – 23 млн пуд., что составило 2/3 общесибирской добычи.

Сибирская каменноугольная промышленность как отрасль производства развивалась сравнительно быстро. Менее чем за 10 лет сформировались основные каменноугольные бассейны, а добыча каменного угля в 1910 г. достигала почти 100 млн пуд. и составляла около 7 % общероссийской добычи. Мощности каменноугольных предприятий полностью обеспечили потребности Сибирской магистрали и местного рынка. Хотя сибирская камен-

ноугольная промышленность возникла как служебная отрасль железной дороги и казенные заказы в решающей степени определяли уровень производства, однако она оказывала все более заметное влияние на другие отрасли. Каменный уголь как наиболее экономичный вид топлива постепенно вытеснял дрова в речном пароходстве, в мукомольной, цементной и других отраслях промышленности, расширяя сферу применения котлов и паровых машин, содействуя тем самым техническому прогрессу.

Из отраслей горного дела после проведения Сибирской ж.д. быстрое развитие получила добыча соли, старейшая отрасль горной промышленности Сибири. Уже к концу XIX в. привоз соли в Сибирь из Европейской России прекратился, так как потребности местного рынка полностью удовлетворялись за счет производства соли в Сибири. Быстрый рост населения, развитие мясомолочной, рыбной и других отраслей промышленности вызвали возрастающий спрос на соль. В 1895 г. на всех соляных заводах и промыслах Сибири вываривалось 2,5 млн пуд. соли, а в 1910 г. эта цифра поднялась до 15,5 млн пуд., т.е. за 15 лет производство соли возросло более чем в 6 раз и составило 12,1 % общероссийской добычи.

Железнодорожное строительство вызвало большой спрос на лесоматериалы и способствовало росту промышленных лесозаготовок и развитию лесохимии. Относительно крупными центрами лесопромышленности стали те города и местности, где пересекались железнодорожные и водные пути: в Западной Сибири – Тюмень, Новониколаевск, Томск; в Восточной Сибири – Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита; на Дальнем Востоке – Хабаровск, Благовещенск, Владивосток.

В конце 90-х гг. сибирский лес начал поступать на мировой рынок в виде опытных партий, вывезенных из районов Тюмени. Эти первые опыты оказались настолько удачными, что через несколько лет тюменский лесопромышленный район оказался в числе наиболее крупных поставщиков леса на мировой рынок. Тюменский рынок, по оценке компетентной «Торгово-промышленной газеты», «занял выдающееся место по отправке леса за границу через Екатеринбург, Пермь, Котлас и Архангельск».

Открытие движения по Транссибирской магистрали дало большой толчок развитию сибирской обрабатывающей промышленности. Причем ведущее значение получили те отрасли промышленности, которые были связаны с переработкой сельскохо-

зыйственного сырья. В этом наиболее ярко и отчетливо проявились специфика экономики Сибири и место региона в системе российского капитализма как сырьевого, сельскохозяйственного придатка промышленности развитого центра Европейской России.

В 1908 г. продукция фабрично-заводской промышленности Сибири оценивалась в 82,3 млн руб., из которых на пищевую приходилось свыше 66 млн руб., или 4/5. Промышленность по переработке продукции сельского хозяйства, в том числе животноводства, имела исключительно благоприятные условия для своего развития, так как опиралась на обилие дешевого сырья. Но постоянный отлив капиталов в наиболее прибыльную сферу посреднической торговли тормозил промышленное производство. В Сибири перерабатывалось всего лишь 25 % продукции сельского хозяйства, а остальные 75 % вывозились в виде сырья на заводы Европейской России и за границу.

Важнейшим показателем уровня промышленного развития являлась металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность. Не считая сети депо и ремонтных мастерских, обслуживавших железную дорогу, в Сибири возникло лишь несколько небольших машиностроительных заводов, которые выполняли различные заказы по ремонту и изготовлению речных судов, машин и котлов, оборудования мукомольных и лесопильных предприятий.

В 1908 г. на долю металлообрабатывающей промышленности Сибири приходилось около 6,5 млн руб. годового производства, что составляло примерно 8 % от всего выпуска продукции обрабатывающей промышленности. В то же время в Сибирь ежегодно ввозилось машин, металлоизделий на 20 млн руб.

Одновременно с ростом обрабатывающей промышленности происходили изменения в ее качественной структуре. Эти изменения шли в направлении перехода от мануфактуры к фабрике и формирования новейшего капитализма. С открытием железнодорожного движения одной из главных статей ввоза в Сибирь явились машины и металлоизделия, ежегодный ввоз которых непрерывно возрастал. Машина заменяла ручной труд, капиталистическая фабрика вытесняла мануфактуру и ремесленное производство, прежде всего в таких отраслях обрабатывающей промышленности, как мукомольное производство, металлообработка и винокурение. В таких же отраслях обрабатывающей промышленности, как кожевенная, дрожжевая, овчинно-шубная, маслодельная, предприятия

в рассматриваемый период оставались мелкими, полукустарного типа.

Наиболее высокая концентрация капитала была достигнута в мукомольной промышленности. Доля отрасли в стоимости валовой продукции сибирской промышленности оценивалась в 1913 г. в 45 %. Развитию мукомольной промышленности способствовал заградительный тариф (Челябинский перелом), установленный на вывоз сибирского зерна в Европейскую Россию, поэтому было выгодно вывозить из Сибири уже переработанный продукт – муку.

Интересно отметить, что сибирскую муку в определенных пропорциях добавляли к европейской для повышения качества выпекаемого хлеба. В главных центрах по переработке зерна – Кургане, Омске, Семипалатинске, Барнауле, Новониколаевске – работали крупные хорошо оснащенные паровые мельницы. В этой отрасли возникает довольно сильная конкуренция, которая заставляла предпринимателей действовать более гибко. Так, конкуренция алтайских мукомолов заставляла томичей улучшать качество продукции, что достигалось путем закупки более качественного зерна за наличные, а не в кредит, как практиковалось на Алтае; а также лучшей организацией производства.

В главных центрах мукомольной промышленности Сибири в 1908 г. образовались первые синдикаты в обрабатывающей промышленности – региональные союзы мукомолов. Эти синдикаты являлись типичными монополистическими союзами капиталистов, выросшими из концентрации капитала и знаменовавшими собой новую, более высокую ступень концентрации и централизации капитала. Региональный характер монополистических союзов был характерной особенностью синдикатного движения в сибирской обрабатывающей промышленности (мукомольной). Синдикаты мукомолов преследовали цель, с одной стороны, устранить жесткую конкуренцию между крупными торговыми домами, владельцами паровых мельниц, а с другой – захватить рынок продажи зерна и продуктов по переработке для регулирования цен в интересах монополистического союза.

Быстро развивалось винокурение. Сибирские винокуренные заводы представляли собой достаточно крупные и технически оснащенные предприятия. Значительная часть выкуренного спирта производилась в Иркутской и Енисейской губерниях, что объяснялось повышенным потребительским спросом из-за наличия золо-

тых приисков. Для получения 100 тыс. ведер спирта по нормам того времени требовалось до 40 тыс. пуд. зерна, что составляло около половины всех затрат на производство. Четвертая часть производственных расходов приходилась на топливо и еще одна четверть на зарплату рабочих и служащих. Производственная мощность сибирских винокуренных заводов была различной – от 200 до 1500 ведер в сутки. Кроме спирта производился широкий ассортимент водок, наливок, ликеров. К 1914г. в Сибири насчитывалось более 50 винокуренных заводов и более 100 пивоваренных. Интересно отметить, что с освоением Маньчжурии русские принесли в Китай и винокуренную промышленность. Сибирские предприниматели строят винокуренные заводы в Старом и Новом Харбине и Фуляэрти.

Рост регулярных транспортно-экономических связей Сибири со всей страной после проведения железной дороги благоприятно отразился на развитии сельского хозяйства. Посевная площадь за 20 лет (1897–1917) увеличилась более чем на 6 млн десятин. Этому способствовал возрастающий прилив в Сибирь переселенцев.

Освоение новых земель сопровождалось ростом сельскохозяйственного производства, его специализацией. Сибирский хлеб начинает конкурировать с хлебом помещиков Европейской России. Ограждая экономические интересы последних, царское правительство принимало меры, затруднявшие поставку сибирского хлеба на рынки центральной России (Челябинский тарифный перелом). Высокая провозная плата за хлебные грузы наносила ущерб сбыту товарного хлеба и побуждала сибирских производителей осуществлять промышленную переработку хлебных товаров на месте путем устройства винокуренных, пивоваренных и других предприятий.

Наряду с ростом зернового хозяйства расширялись посевы картофеля, сахарной свеклы и технических культур (лен, конопля). Наличие богатой кормовой базы, возраставший спрос на масло, сало, мясо, кожи благоприятствовали росту животноводства. Развивалось маслоделие, которое превращалось в особую отрасль пищевой промышленности. Маслоделие связывало Сибирь с общероссийским и мировым рынками.

Сибирская ж.д. открыла Сибирь также для иностранного капитала, проникновение которого активно происходило в начале XX в.

В надежде на быструю и легкую наживу в Сибирь хлынула масса мелких иностранных предпринимателей и просто авантюристов, но ведущие, позиции занимали крупные иностранные финансово-монополистические группы.

Пионерами иностранного капитала в Сибири являлись торговые фирмы, которые основали свои отделения в Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Иностранные компании с самого начала своей деятельности старались перехватить наиболее важные экономические артерии – ввоз иностранных товаров и экспорт сибирского сырья, с одной стороны, опираясь на свою собственную сеть контор и отделений, с другой стороны, используя местных торговцев, их связи, опыт, знание местного рынка. Большое количество сибирских купцов вело посредническую торговлю, выступая в качестве агентов иностранных фирм.

На Чукотке, Камчатке, Охотском побережье почти безраздельно господствовали американские бизнесмены. Весь Чукотский полуостров был отдан в концессию Северо-восточному сибирскому обществу, в котором главную роль играл американский миллионер Джон Розен.

В Западную Сибирь проникновение иностранного капитала началось с 1896 г., когда датская фирма «Полизен» открыла свою контору по экспорту сибирского сливочного масла в Кургане. Через несколько лет в Западной Сибири началась настоящая «масляная горячка». К экспорту сливочного масла потянулись десятки иностранных фирм. В 1901 г. только в Омске насчитывалось 14 иностранных фирм, занимавшихся исключительно экспортом масла. Среди них выделялись «Сибирская компания», имевшая 38 отделений в Сибири, «Лунд и Петерсен» (Дания) и «Юнион» (Англия).

Кроме торговли, в первое десятилетие XX столетия иностранный капитал активно внедрялся в горное дело Сибири и, прежде всего, в разработку и добычу цветных металлов. Начинают свою деятельность английские компании: «Енисейская медь», «Нерчинская золотопромышленная компания», «Карское золотопромышленное общество», значительное число акций компании «Лензото» принадлежало английской монополии «Лена-Гольдфильдс», в акционерном обществе «Копикуз» было значительным участие французских банков. В 1909 г. на Лондонской бирже котировались ак-

ции уже 25 компаний с капиталом в 88 млн руб., созданных для добычи золота в Сибири и на Урале.

Германский капитал в сибирской горной промышленности контролировал горнопромышленные общества «Тетюхе» и «Шилка» и горное общество «Джалинда». Крупнейшим из них было общество «Тетюхе», к которому перешли серебро-свинцовые и цинковые рудники промышленника Ю.И. Бриннера. Фактическим владельцем общества была немецкая фирма Арона Гирша. При основном капитале в 1 млн руб. общество накануне войны добывало свыше 2 млн пуд. руды, которая вывозилась в Германию. В 1903–1905 гг. рудные районы на Алтае были переданы в аренду австрийскому князю А. Турн-и-Таксис.

Иностранное предпринимательство, прежде всего английское и американское, расширялось в годы Первой мировой войны. Так, на Алтае активно действовало Риддерское акционерное горнопромышленное общество с капиталом в 20 млн руб., почти весь пакет акций которого находился в руках иностранцев. За 1914–1916 гг. ввоз товаров из США в Сибирь увеличился более чем в 100 раз, стоимость ввезенных товаров в 1916 г. превысила 124 млн долларов.

В целом иностранный капитал способствовал быстрому развитию некоторых отраслей промышленности, благотворно влиял на торговую конъюнктуру. Установление прямых связей с мировым рынком стимулировало сибирскую экономику. Однако влияние иностранного капитала на экономику региона было односторонним. Иностранцы стремились обеспечить выкачивание высоких прибылей из России, не способствовали развитию обрабатывающей промышленности.

Вовлечение Сибири в орбиту общероссийского и мирового капиталистического развития способствовало формированию и развитию здесь системы кредитных учреждений. Современная капиталистическая банковская система в регионе начала складываться только с постройкой Сибирской ж.д. С 1894 г. начинается открытие в Сибири отделений крупных российских коммерческих банков. В 1894 г. Сибирский торговый банк открыл свои отделения в Барнауле и Омске, в следующем году в Троицке, а в 1896 г. еще в 4 городах – Иркутске, Красноярске, Благовещенске и Сретенске. Основанный в 1895 г. Русско-Китайский банк уже в следующем

году открывает 6 отделений во Владивостоке, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Бодайбо.

К 1900 г. Сибирь была опутана довольно густой сетью финансовых учреждений, основу которых составляли отделения коммерческих банков. Сибирский торговый банк располагал 19 отделениями, Русско-Азиатский – 15, Русский для внешней торговли банк – 9, Русский торгово-промышленный – 3, Волжско-Камский – 4. Кроме того, имелось 19 отделений Государственного банка, городские общественные банки и общества взаимного кредитования, возникшие почти во всех крупных городах. К 1912 г. в Сибири действовало уже 106 банковских отделений и филиалов.

Отделения коммерческих банков сосредоточивали основные операции по кредитованию торгово-промышленной деятельности в Сибири. Главным в деятельности коммерческих банков было финансирование не промышленности, а торговли в широком значении этого слова – ссуды под товары и товарные ценности, комиссионные поручения, операции по сбыту сельхозмашин и различных товаров или через клиентуру банка, или непосредственно через склады банка, учет векселей и других обязательств, экспортные операции и т. д.

Подводя итог, можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. предпринимательство в России и Сибири получило наибольшие возможности для развития. В этот период были сняты сословные ограничения на занятия торгово-промышленной деятельностью, введена четкая система налогообложения предпринимателей. Проведение Транссибирской ж.д. дало широкие возможности для развития частной инициативы. Развитие инфраструктуры, усовершенствование форм и методов предпринимательства, формирование финансово-кредитной системы, благоприятная конъюнктура – все это в немалой степени способствовало деловой активности.

Сооружение Транссиба продолжалось 14 лет (1891–1905 гг.), но с учетом времени (1907–1918 гг.), затраченного на строительство Амурской железной дороги (Сретенск – Хабаровск), оно длилось четверть столетия. К 1918 г. в основном было завершено сооружение Амурской железной дороги. К этому времени были произведены работы по постройке второй колеи Транссиба. Стоимость Сибирской магистрали до Иркутска определяется в 385 млн руб., а всей линии от Урала до Великого океана – в 685 млн руб.

Первоначальные решения по строительству железной дороги основывались на геополитических и стратегических оценках и приоритетах. С учетом данных приоритетов разрабатывались и принимались инженерно-технические решения – такие как пропускная способность дороги, характеристики мостов и инженерных сооружений. Бурное экономическое развитие уже с самого начала эксплуатации железной дороги заставило пересмотреть многие из первоначальных инженерных решений, чтобы увеличить грузопоток.

Экономическое значение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали не только в том, что она открыла сибирским товарам наиболее эффективный и удобный путь на другие региональные рынки (также как и путь товарам с данных рынков в Сибирь), но и в том, что железная дорога послужила материальной основой для последующего формирования институциональной структуры, присущей рыночной экономике. В характере торговли Сибирская железная дорога произвела радикальное изменение в том смысле, что значительно сократила потребность в крупных оптовых посредниках, которые раньше держали всю Сибирь в своих руках, диктуя свои монопольные цены. Прежде, при отсутствии усовершенствованных путей сообщений, было необходимо делать годовой запас товаров в крупных центрах (Томск, Иркутск), перераспределявших свои запасы между более мелкими рынками.оборот был медленный, кредит долгосрочный. Теперь для каждого среднего и даже мелкого торговца явилась возможность непосредственных сношений в течение всего года с продавцами из первых рук в европейской России и даже за границей. Товар доставляется непрерывно в течение всего года по железной дороге мелкими партиями, вместе с тем, торговля стала более мелкой, стала требовать меньше оборотного капитала и менее продолжительных сроков кредита.

Товарообмен железной дороги вызвал в Сибири развитие ряда городов, представляющих узловые центры транспорта. В особенности быстро стали расти города, лежащие на пересечении железной дороги реками, как Омск, Ново-Николаевск.

Формирование транспортной сети в Сибири способствовало не только демонополизации торговой сферы, но и созданию материальных и экономических условий и предпосылок индустриализации экономики обширного региона.

6.3. Вклад политических ссыльных в общественную жизнь и культурное развитие Сибири в начале XX в.

Разгром первой русской революции привел к новой массовой политической ссылке. Ссылка по суду и после окончания каторжных работ приобрела значительные размеры. Основной контингент ссыльнопоселенцев составили члены различных революционных партий, руководители военно-боевых организаций и рабочих дружин, участники массовых вооруженных восстаний в армии и на флоте. Основным районом поселения стала Восточная Сибирь и северные уезды Тобольской губернии.

Политические ссыльнопоселенцы по суду были сосредоточены в Енисейском и Канском уездах Енисейской губернии, в Туруханском крае, в Киренском, Верхоленском, Балаганском и Нижнеудинском уездах Иркутской губернии. В Забайкальской области для водворения политических ссыльнопоселенцев использовали отдаленные волости Селенгинского и Баргузинского уездов, а в Якутской области – Олекминский, Вилюйский, Якутский и Колымский округа.

Установить полную численность политических ссыльнопоселенцев не представляется возможным. По данным Э.Ш. Хазиахметова, к ссылке на поселение за государственные преступления всеми военно-окружными и гражданскими судами, по неполным данным, в 1905–1914 гг. было осуждено 4964 человека, на каторгу в 1905–1912 гг. – 7497 человек. Вместе с административно-ссыльными за Урал было отправлено царскими властями в 1906–1917 гг. не менее 26304 человек.

Почти каждый третий ссыльный являлся сторонником программы партии социалистов-революционеров, что отвечало мелкобуржуазной сущности большинства населения России. Эсеров-ссыльнопоселенцев всегда было больше, чем представителей других политических партий, будь то большевики, меньшевики или кто-либо другой.

Суммарно социал-демократы превосходили по численности эсеров, но даже в ссылке они сохраняли фракционное размежевание и определенную обособленность. В первую очередь это затрагивало представителей большевистского и меньшевистского направлений РСДРП, СДКПиЛ, СДЛК, Бунда и др. Количество меньшевиков на протяжении всего межреволюционного периода было ниже числа большевиков. В ряде районов ссылки заметным

было число членов латышской и польской социал-демократии, а также бундовцев и членов обеих фракций ППС.

Влияние политических ссыльных на формирование оппозиционного движения в сибирских губерниях было определяющим. Ссыльные революционеры стояли у истоков нелегальных кружков и групп, были организаторами партийных комитетов эсдеков и эсеров, играли активную роль в рабочих волнениях. Политическая ссылка конца XIX – начала XX вв. усилила левое радикальное крыло оппозиционного движения в крае.

Ссыльные И.М. Ромм, И.И. Шилингер и В.Е. Мандельберг в доме М.А. Цукасовой регулярно устраивали вечера с привлечением молодежи, где читались рефераты, проводилось обсуждение различных вопросов марксистской теории и революционного движения в России. Совместными усилиями ссыльных и местных марксистов были подготовлены условия и в конце 1901 г. был сформирован первый Иркутский комитет РСДРП. В дальнейшем состав комитета менялся, однако всегда ведущие позиции в нем принадлежали политссыльным. В. Мандельберг как представитель Иркутска участвовал в переговорах о создании Сибирского социал-демократического союза.

В 1902 г. в Иркутске дважды побывал Л.Д. Бронштейн (Троцкий). Он в квартире М.А. Цукасовой прочитал свой теоретический реферат о современном рабочем и революционном движении. Доклад Бронштейна имел большой резонанс, был встречен «прохладно» народнической ссылкой и «восторженно» социал-демократами. В августе 1902 г. Л.Д. Бронштейн бежал из ссылки.

В 1903 г. В.Е. Мандельберг вместе с Л.Д.Троцким представляли Сибирский социал-демократический союз на II съезде РСДРП в Брюсселе и Лондоне. Весной 1907 г. В.Мандельберг стал первым депутатом от города Иркутска в Государственной думе России.

В период реакции в сибирскую ссылку попали выдающиеся организаторы, пропагандисты и агитаторы-большевики. Энергичную работу проделал за короткий срок Я.М. Свердлов. Ему удалось положить начало подпольной большевистской организации Нарымского края. Работу по консолидации сил большевиков, по установлению более тесных связей между ссыльными Нарымского края вел В.В. Куйбышев, сосланный сюда за активную революционную деятельность в Сибири.

Многие прошли через Туруханскую ссылку на севере Енисейской губернии. В Туруханской ссылке в годы реакции было около 500 политических ссыльных. Здесь в Курейке отбывал свою третью ссылку И.В.Сталин.

В тяжелые годы реакции сибирские организации РСДРП находили пути связи с центром, хотя эта связь не была регулярной. В сибирских организациях РСДРП процесс идейно-организационного размежевания не был таким острым как в центре России и эмиграции. Местные комитеты и организации РСДРП оставались объединенными на протяжении всего периода, вплоть до лета-осени 1917 года. В них «уживались» в годы реакции и нового революционного подъема большевики, ликвидаторы и меньшевикопартийцы, в годы империалистической войны – «пораженцы», обронцы и интернационалисты.

События весны 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества стали знаковыми для всей России. После временного затишья, вызванного репрессиями царизма, пролетариат и другие оппозиционные силы вернулись на путь борьбы за демократические перемены в общественно-политической жизни страны.

Забастовка на Ленских приисках была вызвана тяжелым положением рабочих и членов их семей. Требования, сформулированные участниками забастовки, носили преимущественно экономический характер. К 1912 г. на приисках и в Бодайбо находилось до 60 ссыльных, которые официально имели разрешение на работу, но фактически в структурах Лензото работали около 150 осужденных в ссылку. Сами ссыльные указывали, что «ни одна из политических группировок не преобладала».

Забастовка ленских горняков вспыхнула внезапно. Но политические ссыльные приняли в ней участие с самого начала. В переговорах с администрацией в качестве выборных от рабочих участвовали политические ссыльные М.И. Лебедев, Г.В. Черепяхин, М.С. Украинцев, Р.И. Зелионко, Э.Ю. Думпе, И.С. Розенберг и др. Они оказали положительное влияние на рабочих Лензото в период забастовки, координировали борьбу горняков, придали ей организованный характер. Ссыльные приложили максимум усилий для привлечения широкого общественного внимания к положению рабочих на приисках Ленского товарищества через периодическую печать и депутатов Государственной думы, содействовали прове-

дению обстоятельного расследования трагедии правительственной комиссией.

Во время Первой мировой войны в Иркутске насчитывалось не менее 562 ссыльных различной партийной принадлежности, затем следовали: Красноярск – 196, Бодайбо – 145, Томск – 136, Якутск – 117, Черемхово – 114, Чита – 108, Новониколаевск -78, Минусинск – 68, Канск – 62, Верхнеудинск – 39, Омск – 34, Ачинск – 31, Тобольск- 23, Барнаул – 18, Баргузин – 17.

Заметно усилилось влияние политических ссыльных в социал-демократических организациях Сибири. В городах региона работали большевики И.С. Бабайлов, С.М. Бальбатов, Васильченко, В.И. Вельман, А.М. Ветошкин, М.И. Жаков, М.М. Загуменных, А.А. Звездов, С.И. Канатчиков, Н.Л. Мещеряков, Е.А. Преображенский и др.

В 1915–1916 гг. большевики провели партийные конференции и совещания в Нарыме, монастырском, Енисейске, Минусинске. Координировали партийную работу в местах ссылки В.А. Ватин, Г.И. Ломов-Оппоков, К.И. Николаева, Г.К. Орджоникидзе, Я.М. Свердлов, Е.Д. Стасова, Е.М. Ярославский. Большим влиянием среди социал-демократов обладали и депутаты 4-й Государственной думы большевики – А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский, Ф.Н. Самойлов и Н.Р. Шагов, сосланные на поселение в Сибирь в 1915 г.

В годы Первой мировой войны сильные группы меньшевиков сложились в Иркутске, Минусинске, Ачинске, Красноярске, на приисках Лензото, Новониколаевске, Томске. Через сибирскую ссылку прошли многие видные меньшевики: С.Л. Вайнштейн, В.А. Ванновский, И.М. Майский, Д.Ф. Сверчков (Тобольская губ.), И.М. Витол, К.Е. Канделаки, В.Е. Мясоедов, И.С. Повес, А.А. Предтеченский, М.Г. Рафес, Д.И. Розенберг, Н.И. Чистов, В.В. Худокормов, В.К. Цауне (Нарымский край), А.В. Байкалов, Е.Л. Бройдо, Б.И. Гольдман (Горев), Л.Е. Дейч, К.М. Ермолаев, В.И. Николаев, Б.И. Николаевский (Енисейская губ.), П.А. Аникин, В.А. Анисимов, Г.Е. Белоусов, Ю.С. Вайнберг, Л.И. Гольдман, А.П. Кубиков, И.И. Кириенко, Н.А. Рожков, И.И. Рункевич, А.К. Скрынников, А.П. Станчинский, П.Н. Стечкин, С.Н. Салтыков, И.Г. Церетели (Иркутская губ.), В.А. Плесков (Забайкалье), В.Д. Виленский-Сибиряков, Н.С. Ершов, Н.Е. Олейников, Г.О. Охнянский, А.Г. Метельшин-Красносельский, П.Ю. Перкон (Якутия).

Активную нелегальную работу вела часть эсеровских групп в Сибири. Собрания эсеров в с. Яланское и с. Рыбное приняли антивоенные резолюции. Ссылные эсеры-интернационалисты А.П. Лисиенко, Б.Д. Марков, М.Я. Линдберг инициировали объединение интернационалистки настроенных эсеров. В декабре 1915 г. на конференции в Мариинске они основали «Сибирскую группу социалистов-революционеров». На второй конференции в марте 1916 г. группа назвала себя «Сибирским союзом социалистов-революционеров». Ее антивоенные листовки распространялись в Енисейской и Томской губерниях.

Центром деятельности бундовцев в годы Первой мировой войны стала Иркутская губерния и южные уезды Енисейской губернии. Здесь же сосредоточилось большое число евреев-беженцев из прифронтовой полосы. Сибирскую ссылку отбывали активные деятели Бунда Х. Айзенштадт, А. Бляхман, А. Виннокамень, Н. Еодовский, Я. Железняков, И. Зусман, Б. Мендельсон, О. Меер и др. Прибыв в ссылку, бундовцы создавали кассы взаимопомощи, столовые, библиотеки.

После получения известий о свержении монархии в административных центрах Сибири 2-5 марта 1917 г. начали создаваться общественные комитеты. В разных городах они именовались – Комитет общественной безопасности (КОБ), Комитет общественных организаций (КООРГ) и т. п. Комитеты обратились к населению с призывом сохранять спокойствие и исполнять распоряжения Временного правительства. Всего весной 1917 г. в Сибири было образовано не менее 35 городских и 424 сельских комитетов.

Бывшими ссылными были четверо из восьми первых руководителей КОБов крупнейших городов Сибири: 4 губернских (Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск) и 3 областных (Омск, Чита, Якутск) центров, а также Новониколаевска. В Красноярске КОБ возглавил В.М. Крутовский, в состав из видных ссылных входили большевик А.Г. Шлихтер и эсер В.Я. Гуревич. Председателем исполкома Иркутского комитета общественных организаций избран ссылный меньшевик И.Г. Церетели, его помощником ссылный эсер А.Р. Гоц. Среди членов губернского комитета также выделялись социал-демократ В.С. Войтинский и бывший депутат 2-й Государственной думы эсер В.Г. Архангельский. Якутский КОБ создан 4 марта 1917 г. Для решения текущих дел было избрано Исполнительное бюро КОБа во главе с Г.И. Петровским, членом централь-

ного комитета РСДРП и бывшим издателем газеты «Правда». В исполнительное бюро вошли также бывшие ссыльные большевики Е.М. Ярославский, П.А. Слепцов (Ойунский), меньшевики Г.О. Охнянский, Н.Е. Олейников, М.В. Акуловский, эсеры П.Ю. Пивоваров, В.Н. Соловьев и И.М. Бланков.

Всего же в городах Сибири в 1917 г. не менее 74 ссыльных входили в состав 33 временных комитетов. 33 ссыльных активно работали в органах городского и земского самоуправления. Некоторые возглавляли в разное время городские думы: в Красноярске – меньшевик-интернационалист Я.Ф. Дубровинский, меньшевик А.П. Музыкин, большевик М.И. Зелтынь; в Барнауле – меньшевик В.И. Николаев; в Иркутске – эсер Н.А. Чичинадзе.

Таким образом, повсеместно в Сибири политические ссыльные выступали лидерами в формировании новых политических структур: КООРГов и КОБов, сельских временных комитетов, Советов, городского и земского самоуправления и т. д. Эти новые общественные органы в свою очередь активно включились в процесс строительства новой исполнительной власти. В разное время 11 ссыльных, в том числе шесть эсеров, два большевика и два народных социалиста занимали должности комиссаров Временного правительства.

Определяющую роль ссыльные сыграли при создании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Томске особую активность проявили большевики В.М. Косарев, М.Ф. Левитин, А.И. Беленец, эсеры В.М. Крутиков, С.А. Кудрявцев; в Красноярске – большевики Г.С. Вейнбаум, А.И. Окулов, Г.И. Окулова-Теодорович, Б.З. Шумяцкий. Первыми председателями Советов стали бывшие ссыльные: меньшевик-интернационалист К.А. Попов в Омске, меньшевик-интернационалист Я.Ф. Дубровинский в Красноярске, меньшевик В.И. Шмелев в Барнауле, Тимофеев в Бодайбо и т. д.

Деятельность политических ссыльных в Сибири была многообразна. Свои знания в отдельных областях они направляли на улучшение быта местного населения, повышение его культурного уровня, изучение края.

Деятельность ссыльных революционеров была неразрывно связана с историей легальной периодической печати. Она – пример не только их существенного влияния на культурный процесс, но и лучшее свидетельство многостороннего участия в обществен-

ной жизни Сибири. Политические ссыльные сыграли неоценимую роль в местной журналистике. Являясь корреспондентами и членами редакций многочисленных периодических изданий, они оказали многостороннее воздействие на общее направление сибирских газет и журналов, усиливали в них общественную мысль.

Сибирская пресса имела в лице ссыльных революционеров высокообразованных партийных публицистов, усвоивших огромный опыт литературной работы в Европейской России и за границей – в вынужденной эмиграции. Многие руководители революционного движения в России являлись до ссылки организаторами, ведущими сотрудниками и членами редакций, а на поселении в Сибири – корреспондентами легальных рабочих газет и журналов «Звезда», «Луч», «Правда», теоретических органов РСДРП «Просвещение» и «Мысль» (А.Е. Бадаев, А.С. Бубнов, А.М. Буйко, А.А. Буянов и др.). Многие участвовали в сибирской подцензурной печати либо в рукописных и гектографированных газетах и журналах, выпускавшихся самими политическими ссыльными в отдаленных районах края.

Участие ссыльных революционеров в периодической печати Сибири осуществлялось в разнообразных формах, самыми распространенными среди которых были: корреспондирование, вхождение в состав редакций с целью подчинения их своему влиянию и техническая работа, обеспечивающая выпуск и реализацию продукции.

Ссыльные способствовали возникновению газет, были их журналистами. Зачастую это случалось там, где прессы практически не было. Так на волне революции 1905 г. возникла частная печать в Якутской области. По инициативе ссыльных народовольцев и эсеров, при участии местной русской и национальной интеллигенции возникла газета «Якутский край», первый номер которой вышел 1 июля 1907 г. В годы реакции газета подвергалась гонениям и судебным преследованиям. Закрывалась властями и вновь возрождалась под названиями «Якутская жизнь» и «Якутская мысль». Особенностью первых двух газет явилось то, что они издавались на двух языках, что не имело в то время аналогов во всей Сибири.

Активное привлечение политических ссыльных к литературно-публицистической деятельности стало возможным в условиях роста рабочего движения в 1910-1914 гг., смягчения режима ссыл-

ки. Сотрудничество политических ссыльных способствовало закреплению оппозиционности либеральных изданий и росту их авторитета в демократических кругах общественности. Своими материалами и статьями корреспонденты из числа ссыльных содействовали распространению революционно-демократических идей.

Значительный след в истории периодической печати Сибири в межреволюционный период оставил Н.А.Рожков. С момента прибытия в ссылку в 1910 г. он стал сотрудничать в иркутских газетах «Голос Сибири», «Сибирская речь». Он приложил максимум усилий для того, чтобы в Иркутске появилась газета социал-демократического направления. 31 октября 1911 г. вышел первый номер «еженедельной, прогрессивной, внепартийной» газеты «Иркутское слово». В состав редакции вошли меньшевики Н.А.Рожков и Н.С.Ершов, большевик Н.Ф.Насимович (Чужак). Практически в каждом номере была его статья, посвящённая злободневным проблемам. Его редакционные статьи носили ярко выраженный полемичный характер, автор открыто выражал свои взгляды на острые проблемы развития России и Сибири. К сотрудничеству в «Иркутском слове» были привлечены большевики В.Н.Соколов, В.А.Ватин, М.С.Ольминский, А.Р.Васильев, А.М.Буйко, А.П.Голубков, Н.Л.Мещеряков. В июне 1912 г. газета была закрыта. Н.А.Рожков был выслан в Балаганский уезд, Н.С.Ершов арестован и выслан в Якутскую область.

Благодаря настойчивости Н.А.Рожкова и при поддержке бывшего ссыльного И.И.Рункевича с 19 сентября 1912 г. стала выходить ежедневная газета «Молодая Сибирь». Редакцию вместе с Н.А.Рожковым составили В.С.Войтинский и Н.Ф.Насимович (Чужак). Основное внимание газета уделяла выборам в Государственную думу, активно продвигая кандидатов от «последовательной демократии». Свою задачу газета выполнила: депутатом от Иркутской губернии был избран социал-демократ, меньшевик И.Н.Маньков.

В Чите изданием, в котором активное участие приняли политические ссыльные, был еженедельник «Восточная Сибирь». Газета была организована местными врачами Е.Л.Бородиным, А.В.Воскресенским и М.И.Шерговым, с которым имел давние партийные связи Н.А.Рожков. Первым редактором газеты был эсер М.Г.Станиславский. С декабря 1914 г. по январь 1915 г. её редактором был ссыльный меньшевик Г.Г.Кошечко, работавший в Чите

под именем Н.В.Бешляги. Фактическим преемником «Восточной Сибири» стала газета «Забайкальское обозрение», выходившая с 5 октября 1915 г. по 21 марта 1916 г. Газета была подготовлена А.А. Войлошниковым и Н.А. Рожковым. Но Рожков уехал в Томск перед выходом первого номера. Редактором был утверждён ссыльный большевик И.А.Дубов. Среди сотрудников и корреспондентов газеты были ссыльные большевики В.Н. Соколов, М.В. Фрунзе, Н.Ф.Насимович (Чужак), Н.К.Сенотрусов, ссыльные меньшевики Ю.С. Вайнберг, В.С. Войтинский, Н.А. Рожков, Л.М. Карахан, Б.О. Хеладзе и другие.

Приезд в Минусинск ссыльных разных политических направлений оказал влияние на издательскую деятельность в этом городе. Меньшевики и эсеры не только составляли большинство среди политссыльных города, но и были лучше организованы, имели связь с центром, откуда получали литературу. Среди них были такие видные деятели как Ф.И. Дан и Е.К. Брешко-Брешковская. Меньшевики приступили к изданию легальной газеты, выпуск которой под названиями «Минусинский край», «Минусинский листок», «Южная Сибирь» продолжался до февраля 1917 г. Редактором газеты «Минусинский край» стал К.М. Ермолаев. К сотрудничеству были привлечены ссыльные меньшевики Н.Г. Рамишвили, Ф.И. Дан, Е.Л. Бройдо, О. Канцель, В.К. Иков, эсеры Н.Я. Быховский, В.С. Горбачевский, большевики А.П. Голубков, В.А. Ватин, А.П. Спунде.

Получив подкрепление новыми литературными работниками и корреспондентами из числа политссыльных, с июля 1914 г., перешла на ежедневный выпуск верхнеудинская газета «Вестник». Ее издавала с декабря 1912 г. по сентябрь 1916 г. группа либерально настроенной интеллигенции.

Научно-исследовательская работа политических ссыльных отвечала общим потребностям всестороннего освоения огромных пространств Азиатской России. Ей не мог быть присущ только местный, краеведческий характер, наоборот, она осуществлялась в тесно контакте с центральными и сибирскими научными учреждениями и обществами. Учёные из числа ссыльных поддерживали широкие связи с Российской Академией наук, Ботаническим садом, Зоологическим, Антропологическим и этнографическими музеями в Петербурге, Главной физической обсерваторией, Обществом испытателей природы, Геологическим комитетом, Русским комите-

том для изучения Средней и Восточной Азии. Академия наук учитывала в своих планах их данные о минеральных источниках, месторождениях угля, металлов и каменной соли, памятниках палеолита и неолита. Политические ссыльные, в свою очередь, пользовались её материально-технической поддержкой, получая различные наставления по анкетному обследованию населения Сибири, разработанные методики по проведению экспедиций, астрономические приборы, специальную литературу и т. д. Само существование научных обществ и музеев в Сибири, испытывавших постоянный недостаток средств и квалифицированных кадров, было немыслимо без их всесторонней помощи. В лице представителей ссыльной интеллигенции Русское географическое общество и его отделы, и подотделы – Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский, Красноярский, Якутский, Забайкальский, а также Тобольский, Иркутский, Минусинский, Енисейский, Иркутская, Томская и Якутская архивные учёные комиссии получили незаменимых сотрудников, распространителей просвещения и научны знаний. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта при Музее антропологии и этнографии Академии наук и в особенности его Братский, Якутский и Тулунский отделы своим открытием и дальнейшим развитием были целиком обязаны ссыльным революционерам.

Научная работа политических ссыльных осуществлялась в различных формах. Одна из них – экспедиционное обследование больших регионов, главным образом севера и северо-востока Азии в геологическом, этнографическом, археологическом, антропологическом, ботаническом, хозяйственном и статистико-экономическом отношениях – была, пожалуй, самой распространенной. Собранный при этом уникальный даже по сравнению с XIX в. материал имел практическую значимость, способствовал развитию различных отраслей научных знаний о природе и обществе. По самым скромным подсчётам, политические ссыльные участвовали в качестве сотрудников, консультантов, а зачастую и простых рабочих более чем в ста экспедициях, организованных Академией наук, Главной физической обсерваторией, Геологическим комитетом, Русским географическим обществом и Обществом изучения Сибири.

Политические ссыльные принимали в них участие в изучение Якутии. Так, М.И.Аронов за 4 года ссылки принял участие в 3-х экспедициях под эгидой Академии наук, в том числе в рас-

копках обнаруженного скелета мамонта. В 1909 г. он работал в составе экспедиции, которая занималась обследованием береговой линии, флоры и фауны устья Лены. Вместе со ссылкойным большевиком А.А. Ильиным М.И. Аронов составил «Обзор Якутской области за 1905 г.».

Среди ссылкойных большую роль в работе экспедиционных отрядов в различных районах Сибири сыграли В.Н. Яковлева (астрономическая экспедиция Московского университета под руководством П.К. Штенберга, 1911 г.), А.Г. Шлихтер и Х.Д. Грандсберг (экспедиция Управления земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии по обследованию рыбопромысловых хозяйств крестьян Туруханского края, 1912 г.), Н.А. Жиделев, С.Ф. Васильченко и А.П. Стачинский (археологическая экспедиция Академии наук под руководством Б. Э. Петри для раскопок неолитического памятника Улан-Хада на острове Ольхон, 1913–1914 гг.) и др.

Ссылкиными был внесён значительный вклад в развитие отечественной этнографии. Изучением языка, устного народного творчества, общественной жизни, семьи, материальной и духовной культуры у русского и коренных народов Сибири непосредственно занимались Е.М. Ярославский, А.М. Буйко, И.А. Евсенин.

В течение двух лет И.А. Евсенин совершил ряд экспедиций в Восточные Саяны, в ходе которых были собраны богатые материалы о быте, верованиях и языке тофаларов, сделаны фотографии их стойбищ и мест захоронения. В этот же период И.А.Евсенин изучал малоизвестную группу нижнеудинских бурят. Результаты своих этнографических исследований он опубликовал в местных газетах и специальных журналах «Сибирский архив» и «Сибирская летопись». Богатейшие коллекции этнографических материалов, собранных Евсениным, дополнили фонды местных музеев.

Своими работами ссылкиные революционеры значительно расширили проблематику по истории Сибири. Предпочтение они отдали социально-экономической тематике, деятельности народных масс и классово-борьбе в XIX – начале XX вв. Эти три магистральных направления и определили их научную деятельность в области историографии. В центре внимания они поставили такие вопросы, как колонизация отдельных районов Сибири, развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства, зарождение

капиталистических отношений и социальная дифференциация, распространение просвещения.

Заметный след в изучении Сибири оставил Н.А. Рожков. Крупный отечественный историк не мог не заинтересоваться историей Сибири. Он опубликовал в иркутский период своей ссылки ряд газетных и журнальных статей по сибирской исторической тематике: «Мысли об истории церковной архитектуры в Иркутской губернии», «Исторический эскиз», «Землеустройство и население в Иркутской губернии», «Общее значение кооперации, в особенности для Сибири». Самой крупной научной работой Н.А.Рожкова в период ссылки стало исследование «К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века», которая была напечатана в «Известиях ВСОРГО» в 1915 г.

Ссылные придавали большое значение музеям, как центрам не только культурно-просветительской работы, духовно обогащавшей население Сибири, но и научно-исследовательской деятельности. Развивая традиции своих предшественников, они стремились превратить музеи в хранилища, где осуществлялось бы комплектование, хранение, изучение и популяризация памятников естественной истории, материальной и духовной культуры.

Среди сотрудников знаменитого Минусинского музея, видных общественных деятелей, просветителей и учёных Н.М. Мартьянова, П.А. Кропоткина, Д.А. Клеменца следует отметить ссылного большевика В. А. Ватина (Быстрянского). Будучи официальным руководителем научного отдела библиотеки, он в то же время заботился о пополнении музея естественноисторическими и этнографическими экспонатами, его постоянном финансировании и расширении. Им были разобраны и приведены в порядок хранившиеся в музее архивы Саянского острога и села Минусинского, на основе которых стал возможным выход в свет крупных трудов по истории местного края. Благодаря настойчивости В.А. Ватина (Быстрянского) Минусинский музей перешёл под покровительство Академии наук, а Государственная дума утвердила законопроект об увеличении ассигнований на его деятельность в два раза.

Ссылные революционеры содействовали созданию и развитию музеев как центров культурно-просветительской работы и научно-исследовательской деятельности. Они проявляли заботу

о пополнении музейных фондов, занимались систематизацией, составляли описание коллекций.

В 1912 г. Братская колония политических ссыльных по инициативе большевика В.В. Рябикова и меньшевика Ф.Г. Виноградова-Ягодина стала ходатайствовать об открытии отдела Общества изучения Сибири и улучшения её быта. Отдел должен был заняться исследованием края в экономическом, культурном и правовом отношениях. Просьба была удовлетворена. Опираясь на поддержку местного населения, политические ссыльные создали музей. Они привели в надлежащий вид две сторожевые башни острога; на одной из них, где в своё время содержался протопоп Аввакум, была укреплена мемориальная доска. В районе Долгого Луга при участии местной молодёжи были проведены раскопки останков мамонта, собран гербарий. Члены общества составили и направили в адрес социал-демократической фракции Государственной думы и министра путей сообщения докладную записку с оценкой различных вариантов проектировавшейся Ленской железной дороги. Было завершено обследование скотоводческого хозяйства Братской волости. Библиотека музея насчитывала к 1914 г. уже более 2 тысяч книг.

Сибирь не входила в число территорий, имевших земские органы управления, а потому с образованием и медициной дело здесь обстояло хуже, нежели в центральных губерниях. К 1 января 1908 г. в Енисейской губернии числилось 787 778 человек, которых обслуживали 54 врача и 124 фельдшера, т. е. на 4425 жителей приходился 1 медицинский работник. Больницы имелись только в городах. Особые проблемы с медицинской помощью испытывало население Туруханского края, здесь 15588 человек обслуживались тремя фельдшерами, и имелась одна участковая больница в с. Монастырском.

Устав о ссыльных запрещал ссыльнопоселенцам заниматься медицинской практикой. Однако недостаток медицинских кадров, опасность массовых эпидемий и распространения болезней вынуждали власти идти на частичные уступки. С особого разрешения генерал-губернатора получили возможность заниматься врачебной практикой вначале административно-ссыльные, а в годы мировой войны и политические ссыльнопоселенцы. Но власти устанавливали за врачами-революционерами негласный надзор и всевозможными средствами ограничивали их деятельность.

Самой распространённой формой медицинской деятельности ссыльных была частная практика, которая позволяла избежать мелочной опеки и регламентации со стороны бюрократических структур. Доверие и признательность пациентов из различных слоёв населения к медикам из числа политссыльных нередко заставляли губернскую администрацию расширять их полномочия, поручать сложные участки обслуживания.

Среди значительной армии ссыльных медиков заметный вклад внесли меньшевики А.А. Иоффе, Ф.И. Дан, А.К. Виноградов, Р.Л. Рабинович, Н.Н. Соколов и другие. А.А.Иоффе, получив образование в Берлинском и Венском университетах, своим медицинским знаниям нашёл применение в с. Абан Канского уезда. Начав с частной практики, он был замечен и назначен властями заведующим лечебницей на слюдяных коях в Троице-Заозерской волости Енисейской губернии. За короткий срок ему удалось превратить лечебницу в центр качественного медицинского обслуживания для рабочих приисков и местного населения.

Самоотверженный труд, стремление улучшить медицинское обслуживание снискали ссыльным врачам и фельдшерам большой авторитет среди местного населения.

Значительный вклад внесли политссыльные в развитие просвещения и народного образования. В Сибири ощущалась острая потребность в школах и кадрах учителей. По уровню грамотности Сибирь значительно уступала Европейской России – 30 % против 62 % в Петербургской и 49 % в Московской губерниях. Процент грамотных сильно колебался по отдельным районам Сибири, особенно низок он был среди коренных жителей – бурят, эвенков, якутов. Некомплект штатов преподавателей достигал в 1911 г. 20 %. В 1911 г. в Сибири имелось 6544 начальных школы, в которых обучалось 334 227 учеников, что составляло 1,92 % от всего населения. Половина учителей начальных школ имела низшее образование, 53,5 % учителей преподавало закон божий. Согласно данным Однодневной переписи, территориальная разбросанность учебных заведений в Восточной Сибири была необычайно высокой: одна школа приходилась на 3535,1 кв. верст.

Широко распространённой формой обучения являлись так называемые «вольные школы», которые создавались по инициативе крестьян или самих ссыльных. Как правило, «штат» каждой такой школы включал одного учителя, который вел все предметы.

По подсчетам Е.Никитиной, на 1 января 1910 г. только в административной ссылке находилось 790 учителей, обладавших широкими знаниями по многим дисциплинам. Сельские жители выделяли помещение, а учитель брал на себя заботу об учебных и писчебумажных принадлежностях. Жалование учителя включало небольшое денежное вознаграждение и подворное поочередное питание. Обучение в вольных школах основывалось на развитии интереса, любознательности, учёте индивидуальности каждого ученика. Учителя творчески подходили к преподаванию, используя достижения выдающихся педагогов и психологов

Первая русская революция 1905–1907 гг. дала мощный импульс для развития общественно-политической жизни России в самых разных ее проявлениях. Одной из таких форм самоорганизации общества стало кооперативное движение, в организации которого в Восточной Сибири определенную роль сыграли политические ссыльные. Они выступали организаторами потребительских обществ и фактическими их руководителями, хотя формально занимали скромные должности конторщиков, бухгалтеров, статистиков. Ссыльные меньшевики и эсеры преобладали в руководстве кооперативов.

Интенсивное вхождение ссыльных в кооперативное дело началось с 1911 г. В связи с развитием кооперации в стране царское правительство опубликовало новый устав, который регламентировал открытие кооперативов. Политические ссыльные получили право принимать участие в их организации в местах причисления. Но возможности вести агитационно-массовую работу были стеснены полицейским надзором.

Самыми крупными кооперативами в Восточной Сибири до революции стали «Самодетельность» в Красноярске, «Экономия» в Верхнеудинске, «Трудовой союз» в Чите. В их организации и становлении решающую роль сыграли меньшевики, в том числе ссыльные. Кооператив «Самодетельность» возник в 1913 г. Инициатором его создания выступил ссыльный меньшевик Н.П. Патлых. Председателем ревизионной комиссии «Самодетельности» был избран меньшевик А.В. Байкалов. В различных структурах кооператива были заняты И.Е. Пластунов, В.В. Руднев.

В потребительской кооперации Иркутской губернии были заняты меньшевики Л.И. Гольдман, М.А. Жедык, А.С. Емельянов, П.Г. Измайлов, Ф.Г. Виноградов-Ягодин, Н.Г. Ольховский и другие.

В Забайкальском товариществе кооперативов на ответственных должностях находились ссыльные меньшевики. Б.О.Хеладзе служил бухгалтером, его помощником был К.М.Шульман. Инструкторами в товариществе были И.Н.Воронцов и С.Ф.Завадский, которые имели право разъезжать по всей области, что использовали в партийных целях.

Городское всесословное общество «Экономия» возникло в Верхнеудинске в 1913 г. Его сразу возглавили местные меньшевики И.М. Пятидесятников и З.С. Кошиков. В состав правления был избран ссыльный меньшевик А.К.Скрынников. Счетоводом в потребительском обществе работал бывший втородумец И.К.Юдин.

Вопросы для самоконтроля

1. Как повлияла Транссибирская магистраль на развитие России и Сибири?
2. Какую роль играла Сибирь в развитии экспорта хлеба и масла?
3. Назовите технологические и технические новшества, применяемые в сибирской добывающей промышленности в XIX в.
4. Назовите причины событий на Ленских приисках в начале XX в.

7. РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

7.1. Феномен «областничества»

С ростом капиталистических отношений в Европейской России и распространением их вширь на территории окраин усиливается переселенческое движение в Сибирь, что приводит к росту числа мануфактур, сельскохозяйственного производства, золотодобывающей промышленности, торговли, развитию речного транспорта. Тем не менее развитие сибирской промышленности сдерживалось, поскольку большая часть сибирских доходов уходила за пределы региона. Это давало все основания в экономическом отношении считать Сибирь колониальной территорией.

Колониальная политика царизма в Сибири вызывала протест разных слоев населения России. Следует отметить, что революционеры-демократы, такие как А.И. Герцен и Н.П. Огарев, требовали для Сибири областной автономии с собственной Думой и своим Законодательным собранием.

Идейные предпосылки областничества были связаны с пробуждением патриотических чувств в среде сибирских интеллигентов, с осознанием ими нужд Сибири и выступлениями против колониальной политики самодержавия.

Общественный подъем в Сибири 50-х – начала 60-х гг. явился начальной вехой в формировании единого общесибирского лагеря прогрессивных общественных сил. Важной составляющей в общественно-политическом движении Сибири явилось возникновение в нем своеобразного направления «областничества», которое отразило как черты общероссийского революционно-демократического движения, так и требования, рождаемые своеобразием социально-экономического развития Сибири.

В обстановке подъема массового народного и общественного движения сибирская молодежь устремляется в учебные заведения Европейской России. Толчком к образованию кружков студентов (землячеств) послужили революционные события конца 1850-х – начала 1860-х гг., отмена крепостного права и деятельность революционеров-демократов. Сибиряков не оставило равнодушным заявление А.И. Герцена о передаче земли крестьянству и предоставлении провинциям автономии вплоть до «полного слияния» или «полного расторжения». Свою лепту в формирование взглядов будущих областников внесли выступления М.А. Бакунина и М.В. Бу-

ташевича-Петрашевского об освобождении Сибири от опеки царизма и развития в ней самоуправления. Таким образом, идея автономии и даже отделение Сибири от России не были порождением идеологов областничества. М.А. Бакунин, находясь в сибирской ссылке (1857–1861), настойчиво пропагандировал идею автономии или отделения Сибири. Большое значение он отдавал Восточной Сибири, где тогда велось исследование Амура. Бакунин считал, что со временем Амур оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность. Ему удалось убедить генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (троюродного брата) в необходимости децентрализации империи и отделения Сибири как возможной перспективы – «такая независимость невозможная теперь, необходимая, может, в довольно близком будущем, разве беда?»

Отрицание Бакуниным государственной централизации, идея объединения областей и общин на основе принципа федерализма нашли отклик в умах сибиряков. Сибирские областники являлись сторонниками федерального принципа государственного устройства, территориального самоуправления и хозяйственной самостоятельности различных регионов России. Идею децентрализации и федеративного устройства России высказывал и А.И. Герцен. Он считал, что «децентрализация – первое условие нашего переворота, идущего от нивы, от поля, от деревни». Сибирь после получения самостоятельности пойдет вперед с американской быстротой. В целом истоки областнических взглядов таились не только в сибирской, но и в общероссийской действительности. В Сибири эти взгляды лишь проявлялись острее и ярче.

В начале 1860-х гг. петербургское землячество студентов-сибиряков пополнилось за счет прибывших сюда студентов Казанского университета: И. Худякова, Ф. Усова, Ч.Валиханова, И. Пирожкова, Н. Павлинова. Помимо названных студентов, в кружок входили Г. Потанин, Н. Ядринцев, С. Шашков, Н.Наумов, И. Федоров-Омулевский, В. Березовский, И. Куклин и другие – всего до 20 человек.

Обсуждение острых социальных вопросов на сходках сибирского землячества стимулировали внимание к нуждам Сибири. По инициативе казаха Ч. Валиханова и буряты И. Пирожкова на обсуждение был вынесен «инородческий вопрос». Студенты сибирского землячества противопоставляли интересы Сибири как

«колонии» интересам России как «метрополии». Студенты-сибиряки сблизилась с революционно-демократическими кругами столицы, печатались в прогрессивных изданиях. Одна из статей Г.Н. Потанина была опубликована в «Колоколе» А.И. Герцена и Н.П. Огарева.

Постепенно оформлялась программа кружка. Она включала требования буржуазно-демократических преобразований в Сибири, ожидаемых вслед за отменой крепостного права в России. Развернувшееся осенью 1861 г. революционное движение студенчества Петербурга, вызванное закрытием университета, захватило и членов сибирского землячества. Активно участвовавшие в студенческих сходках и митингах молодые сибиряки Н. Наумов, В. Березовский, Г. Потанин, Н. Лосев, Д. Кузнецов оказались в числе трехсот арестованных и отправленных в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, а затем высланных в Сибирь. Но связи с нараставшим демократическим движением в центре остались. Это нашло отражение в программе, которую излагала демократическая молодежь областного движения в прокламации к «Патриотам Сибири», написанной после реформы 1861 г. Эта прокламация написана в духе революционных прокламаций 1860-х гг. В ней вскрывалась гнилость самодержавного строя, и содержался призыв добиваться независимости Сибири путем вооруженного восстания и создания самостоятельной демократической республики. Демократическая сибирская молодежь полагала, что Сибирь больше, чем Европейская Россия, подготовлена к демократическим преобразованиям. Здесь имеются достаточные силы, прежде всего в лице массовой ссылки, чтобы поднять окраину на революцию и создать самостоятельное сибирское государство. В прокламации «Патриотам Сибири» об этом говорилось так: «Интересы Сибири никогда не соединялись с интересами России, она должна отделиться от России во имя блага своего народа, создавшего свое государство на началах народного самоуправления». Здесь же содержалось требование отмены уголовной ссылки, открытия университета в Сибири, улучшения жизни коренных жителей. Авторы прокламации требовали от сибиряков «служить своему краю» и бороться против общего врага – самодержавия. В этой борьбе сибиряки «братски подают руки российским патриотам». Так революционная идея освобождения всей России от самодержавия

вия постепенно выливается в идею освобождения Сибири путем отделения ее от России.

Достигнуть своей самостоятельности можно, считали сибиряки, «только восстанием и войной за независимость» коренного нерусского населения. Предполагалось, что сибиряки создадут свое выборное правительство «из сибирского русского народа» со своей администрацией, финансами и войсками. Считалось, что революция в Сибири вызовет немедленную революцию в России. В таком случае не потребуется война за независимость Сибири. «Если отделение Сибири последует одновременно с Российской революцией, то дело обойдется вовсе без войны. Но если Россия замедлит свое освобождение, если она помирится на уступках того же подлого правительства, то мы не будем друзьями презренных рабов! Мы смело пойдем добывать одни свободу и силой вырвем нашу независимость от разбойничьего правительства и рабского народа».

В прокламации говорилось, что царизм эксплуатирует богатства Сибири, превратил эту страну в колонию, управляет ею с помощью назначаемых сюда чиновников. Кроме того, Сибирь превращена в место ссылки и представляет собой огромный российский острог. Ограблению подвергается аборигенное население. Правительство не проявляет заботы о развитии в крае образования, запрещает здесь открывать университет, не промышляет о введении самоуправления. К этому прибавилась и расправа правительства с сибирской молодежью в столице, когда были исключены из университета Г. Потанин и другие сибиряки.

В 1862–1863 гг. из Петербурга в Сибирь возвратились Г. Потанин, Н. Ядринцев, Н. Наумов, Ф. Усов и другие участники сибирского землячества. Они вернулись на родину «зажигать сердца» местной интеллигенции, готовить Сибирь к переменам.

В Омске агитационную работу проводили также молодые казачьи офицеры Федор и Григорий Усовы, А. Нестеров, А. Дайтанов. Единомышленником Потанина и Ядринцева стал иркутский учитель Н. Щукин. В Красноярске эти идеи разделял С. Шашков. Хотя были и другие единомышленники, но их оказалось слишком мало. Н. Ядринцев в письме к Ф. Усову писал о своих сторонниках: «На днях я с Г.Н. Потаниным пересчитывал и ужаснулся их малочисленности. Как их у нас мало, как мало. Где смелые фанатики, преданные родным интересам, готовые на отчаянную борьбу за них. Или они явятся? Но когда?» На стороне идеологов «сибирско-

го патриотизма» была в основном молодежь – главный объект «лихорадочной» пропагандистской кампании недавних студентов.

Позже Г. Потанин и Н. Ядринцев переезжают в Томск. Оба они начали публиковаться в «Томских губернских ведомостях» и организовывать лекции для томской публики. В числе ближайших сподвижников Потанина и Ядринцева оказался Е.Я. Колосов, выпускник Омского кадетского корпуса. «Когда я выходил из кадетского корпуса, – вспоминал Потанин, – он был еще в младших классах. Он вышел из корпуса в артиллерию, но офицером я его не видел до встречи в Петербурге. Он выехал из Сибири в 1862 г., чтобы поступить в Академию генерального штаба, с целой компанией других товарищей; увлекся студенческим движением, ходил на студенческие сходки. Вместо карьеры, расцвеченной орденскими лентами, шпорами и темляками, рисовалась другая, античная, с лавровыми венками». Под влиянием новых идей Колосов оставил военную службу. Но таких было очень мало. По этой причине, вероятно, неудалась попытка областников создать революционные кружки в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, где были их единомышленники. Не удалось осуществить и задуманную идею создания тайного Всесибирского общества «Независимость Сибири». Просветительская деятельность «сибирских патриотов» была прервана в мае 1865 г., когда все они оказались под арестом. Поводом для ареста послужила прокламация «Патриотам Сибири», обнаруженная у воспитанников Сибирского кадетского корпуса.

Федора Усова арестовали в Омске. Во время обыска у него на квартире изъяли бумаги и переписку, что дало возможность выявить его связи. В мае 1865 г. начались аресты в Томске, Тобольске, Иркутске и других городах, где были сторонники областничества. Потанина, Ядринцева, Колосова арестовали в Томске, который считался центром областничества.

В течение двух-трех месяцев в Омске, Томске, Иркутске, Красноярске аресту подверглись 59 человек наиболее «опасных» подследственных, десятки были арестованы на местах. Их привезли в столицу Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а материалы их допросов – в Омскую особую следственную комиссию, которая предъявила арестованным политические обвинения в стремлении свергнуть существующий строй. Так возникло громкое «дело об отделении Сибири от России» и образовании Сибирской республики. Началось следствие, которое привлекло внима-

ние сибирской общественности. За время работы следственной комиссии, как пишет Потанин, «стала известной до мелочей вся наша деятельность как в Сибири, так и в Петербурге. Она узнала наперечет всех наших друзей, с которыми мы переписывались, из наших писем стало известно, что мы в Петербурге периодически собирались на сибирские студенческие вечеринки, на которых пили пиво за здоровье Сибири; что мы подговаривали своих товарищей возвращаться в Сибирь, отстаивать ее интересы, изучать сибирские нужды; что иногда разговаривали на тему об отделении Сибири от России в отдаленном будущем». Сам Потанин на следствии держался откровенно, признал себя «главным агитатором» и «сепаратистом».

О деле «сибирских сепаратистов» стало известно и за пределами Сибири. М.А. Бакунин в письме к А.И. Герцену и Н.П. Огареву 8 октября 1865 г. спрашивал: «Что известно вам о Потанине и об открытом сибирском заговоре? Потанина я не только знал, но был, можно сказать, его создателем, или, вернее, открывателем. Я освободил его из-под казачьего ярма и отправил его в Петербург. С пошлой наружностью, это необыкновенно умный, честный и энергичный молодой человек – деятель без усталости, без тщеславия, без фраз. Жаль его, если он погибнет». А.И. Герцен о допросах в Омске сообщил в «Колоколе».

Следствие тянулось долго. Два года обвиняемые провели в Омской крепости в ожидании приговора. В это время в стране обострилась политическая ситуация. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял в императора Александра II. Покушение оказалось неудачным. Однако оно насторожило правительственные круги. Начались перестановки министров. Шеф жандармов В. Долгоруков был заменен придворным генералом Н. Шуваловым. Министр народного просвещения А. Головин смещен, и этот пост занял обер-прокурор Синода Д. Толстой. Смещен генерал-губернатор Петербурга С. Суворов. На смену ему пришел генерал Трепов.

Вслед за перестановками министров последовал царский рескрипт на имя председателя Комитета министров. Император указывал: «Провидению было угодно раскрыть перед глазами России, каких последствий надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенного посягательства на все для нас исконно священное. Мое внимание обращено на воспитание юношества. Мною даны указания на тот конец, чтобы оно было направляемо в духе ис-

тин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка, и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допущено ни явное, ни тайное проповедование тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа...» Особое внимание предписывалось обратить на революционную пропаганду. «Надлежит прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и, в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка, естественно, усматривают своих прямых противников».

В такой сложной политической обстановке в стране шло следствие по делу «сибирских патриотов». Однако царские призывы не могли остановить и не остановили ни враждебного отношения к дворянству, ни к «общественному порядку». Общественное движение за глубокие демократические преобразования усиливалось. Революционные народнические организации «подталкивали» это движение на путь насильственных действий. Сибирь не являлась исключением. Первым проявлением решительных действий явилось вооруженное восстание на Кругобайкальской железной дороге в июне 1866 г. В этой связке проявилось движение «сибирских сепаратистов» с идеей автономии или даже отделения Сибири от России. Правда, сами областники, по заявлению Потанина, рассматривали «сепаратизм не как цель, а как средство, чтобы воспитывать местный патриотизм».

На следствии по делу «сибирских сепаратистов» предстало 44 человека. В мае 1868 г. московское отделение Сената вынесло судебный приговор. Потанин, взявший на себя ответственность за все дело о сепаратистах, был приговорен к 15 годам каторги (позднее наказание сокращено до 5 лет). Еще 18 человек приговорили к ссылке с лишением всех прав.

Над Потаниным провели обряд гражданской казни, через который ранее прошел Н.Г. Чернышевский. Соратники Потанина были осуждены на различные сроки ссылки в северные губернии Европейской России – Архангельскую и Вологодскую.

После гражданской казни Потанина отправили к месту отбывания каторги в Свеаборгскую крепость. Это был редкий случай, когда из традиционного места каторги и ссылки, каким являлась Сибирь, преступника отправляли в Европейскую Россию. Прави-

тельство опасалось оставлять осужденного в Сибири. Это «кажется, единственный случай, когда Сибирь была признана чьим-то Отечеством и из него нужно было выдворять», – заметил Ядринцев.

Свое каторжное положение в Свеаборге Потанин описал в письме к Ядринцеву: «Первые полтора года работал на площадях. Бил молотком щебень, возил таратайки с камнем, колол дрова, пел «Дубинушку». Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачьим Атиллою и ужас насаждал в собачьем сердце. Потом меня повысили в дроворазделователи, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины. И не получал ни от кого писем».

Так содержался «главный областник» до ноября 1871 г. Отбыв три года каторги, Потанин был отправлен в ссылку сначала в Никольск, затем в Тотьму Вологодской губернии. Только в 1874 г. ему было разрешено проживание в любом из городов России. С этого времени начинается научная деятельность Потанина – исследователя Монголии, Тибета, Центральной Азии. В дальнейшем Потанин получил широкое признание сибирской общественности как ученый и патриот Сибири. Он «пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России», – отзывался о нем писатель-сибиряк Вячеслав Шишков, М.А. Бакунин назвал его «сибирским Ломоносовым».

После ареста и ссылки деятелей областничества само движение не прекратилось. Появляются его новые сторонники. Но это было уже не революционное, а либерально-реформистское движение. Областники теперь пишут исключительно об автономии, о территориальном самоуправлении Сибири в составе России.

Областничество явилось частью общего российского общественно-политического движения. Оно выражало оппозицию режиму, выдвигало проблему демократизации местного самоуправления. Своей деятельностью областники внесли большой вклад в становление духовной культуры, в развитие науки и просвещения.

7.2. Евразийская цивилизация и культура. Идея «срединности»

Своё окончательное выражение учение сибирских областников получило в крупных исследованиях Ядринцева «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891), поздних программных статьях Потанина «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и «Нужды Сибири» (1908) и других публикациях.

Прежде всего сибирских областников в 1860-е гг. занимал вопрос о колониальном статусе Сибири. Из ответа на этот вопрос выводились и сепаратистские следствия. «Теперь перед нами возник вопрос, – писал Потанин, – что такое, в самом деле, Сибирь, колония или провинция? Называются ли колониями только те новые приращения государства, которые сделаны за пределами океана, или край, присоединённый к государству только в позднейшее время, будет всё-таки колонией, хотя бы он плотно примыкал к старой территории государства? ...Тогда же мы пришли к заключению, что разницу между колонией и провинцией создаёт не оторванность края, а применение или неприменение к вновь занятой стране политики, называемой колониальной»

Вопрос о колониальном положении Сибири служил лишь завязкой для обсуждения других «сибирских вопросов». Полвека спустя в «Воспоминаниях» Потанин указывал на три главных вопроса, волновавших молодых сибиряков: отмена ссылки в Сибирь, экономическое развитие края и абсентизм молодёжи. «Правда, в течение этих трёх лет, когда мы прислушивались к русской публицистике и старались подготовить себя к будущей деятельности на родине, наша ответственная оригинальная работа не проявлялась; мы только наметили, что должно нас интересовать, какие вопросы. И к отъезду нашему из Петербурга главные местные сибирские вопросы были уже намечены, т. е.: 1) Ссылка в Сибирь, 2) Экономическое иго Москвы над Сибирью и 3) Отлив учащейся молодёжи из Сибири к столице. Мы сознавали, что над Сибирью тяготеет три зла: деморализация её населения как в верхних, так и в нижних слоях, вносимая в край ссылаемыми социальными отбросами Европейской России; подчинённость сибирских экономических интересов интересам московского мануфактурного района и отсутствие местной интеллигенции, могущей встать на защиту интересов обездоленной родины».

Разрешение указанных вопросов, по мысли областников, должно было оживить провинцию: развить экономические силы, пробудить местное самосознание народа, фактически создать умственную и общественную жизнь. Культурно-интеллектуальное развитие провинции было главной целью деятельности областников, а их программа была обращена к зарождающейся провинциальной интеллигенции. Изменения в экономике и социальном строе должны были служить лишь средством для духовного возрождения регионов. Это требование и послужило основой «культурного сепаратизма». В 1862–1863 гг. большинство членов областного кружка вернулись в Сибирь.

С возвращения на родину участников областного кружка в Петербурге начался новый этап в истории сибирского областничества. Открывалось больше возможностей для практической реализации идей. «Мы все явились в Сибирь, – писал Ядринцев, – в каком-то восторженном состоянии, экзальтированные прозелиты новой идеи, одушевлявшей нас. Мы могли говорить о Сибири, об её обновлении, о будущих задачах целые часы, горячо, пламенно говорить. Спорам, разработке деталей, мечтам конца не было. Воображение живо переносило нас в даль будущего. Нам представлялось всё в розовом свете. Мы неустанно пропагандировали везде обновление Сибири и, недовольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и заражать сердца»

В 1864–1865 гг. по этому поводу было проведено жандармское расследование и состоялся судебный процесс, в результате которого пятнадцать человек были арестованы. Само судебное разбирательство, исходя из следственных материалов, фактически приписало группе сибиряков «желание составить из Сибири независимую республику». Таким образом, «сибирский сепаратизм» в глазах Омской следственной комиссии, становился столь же опасным для устоев единой российской империи, как и польское восстание 1863 г.

Смысловым ядром областного мироощущения являлось восприятие европейской России и Сибири как в определенной степени различных территорий, имеющих разный экономический статус («метрополия» и «колония») и, возможно, разные исторические перспективы. В этой связи в отношении Сибири областниками предполагался тот или иной вид «отделенности» от империи. По этой причине эволюция движения с 60-х гг. XIX в. вплоть

до 20-х гг. XX в. постоянно сопровождалась призраком сепаратизма. Рефлексия областников относительно понятия «сепаратизм», обильно представленная, например, в сочинениях Потанина, в какой-то мере становилась попыткой определить суть собственного направления мысли. Этим обусловлена важность данных толкований, к некоторым из которых мы хотели бы обратиться.

В попытках областников разъяснить принципиальные аспекты собственного мировоззрения есть элементы противоречивые, но присутствуют также и абсолютно статичные, не раз повторявшиеся мотивы. Противоречивость свойственна прежде всего трактовкам «сепаратизма». Причем она присутствует как в областнических текстах 60-х гг., когда идея отделения культивировалась с максимальной активностью, так и в начале XX в., в эпоху по традиционным оценкам значительно менее радикальную. Это обстоятельство проблематизирует идею областнического сепаратизма, уводя исследователя от привычной схемы, предполагающей оценку «патриотов» 50–60-х гг. как безусловных сепаратистов, вставших впоследствии на «примирительные» позиции.

По-видимому, впервые областники попытались сформулировать свое отношение к сепаратизму в показаниях на следствии по делу 1865 г. Здесь Потанин наделяет «сепаратизм» служебной ролью в отношении «местного патриотизма». «Местный патриотизм не следует смешивать с сепаратизмом; сепаратизм есть только направление местного патриотизма при известных условиях; другие условия могут привести его к идее совершенно противоположной об единстве. Я употреблял сепаратизм не как цель, а как средство, чтоб воспитывать местный патриотизм». «...Чтоб придать достоинство местному патриотизму, необходимо было присоединить к нему стремление к великому будущему Сибири. Без этих великих образов будущего местный патриотизм оставался такой же смешной идейкой в глазах студентов и сибирского юношества, как местный патриотизм какого-нибудь Пошехонья». Как видим, в понятийной иерархии молодого областника «сепаратизм» оказывается подчиненным более значительной идее «местного патриотизма». Сепаратизм есть, но вместе с тем его словно бы и нет: он важен как призыв, но собственные его перспективы туманны (ссылка на «известные условия»), однако и без него «местному патриотизму» не осуществиться. Такая «дуалистическая» интерпретация понятия весьма несвойственна Потанину, стиль сочинений которого всегда

тяготел к лаконизму, рациональности и изобразительности. Данные колебания можно объяснить недостаточной разработанностью собственного мировоззрения, равно как и понятным желанием молодого арестанта не раскрывать всех карт следователю. Но дело в том, что и спустя десятилетия потанинские попытки соотнести «патриотизм» и мысль об отделении сохраняли внутреннюю рассогласованность. Обратимся к его «Воспоминаниям», написанным уже на склоне лет.

Комментируя смысл понятий «культурный сепаратизм» и «областничество», патриарх сибирской интеллигенции вновь касается старой темы сепаратизма. «В самом деле, культурный сепаратизм не покрывает собою всего понятия об областничестве, очертания последнего шире этого термина. Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства), который на обычном общепринятом языке называется политическим сепаратизмом; последний недопустим с государственной точки зрения; но областнический сепаратизм не угрожает целостности государства, хотя может заходить очень и очень далеко». Итак, государственный сепаратизм Потаниным отвергается, тем не менее какая-то специфическая его областная разновидность объявляется вполне правомерной. Она – совсем не то, что вульгарный отрыв региона от единого государственного тела, хотя и она может быть достаточно смелой: «заходить очень и очень далеко». Насколько далеко, областник, однако, не поясняет. Дуализм оценок налицо и здесь.

Несколько выше Потанин возвращает читателя к процессу 1865 г. и объясняет бóльшую суровость своего наказания в сравнении с остальными осужденными следующим образом. «Я заявил, что я распространял сепаратистические идеи, что я убедил своих товарищей разделять мои мысли, что все причастные к этой идее были увлечены мной. <...> Своим признанием я набросил сепаратистический плащ на всю компанию моих друзей и дал окраску всему делу. <...> Я сказал, что я теперь не считаю крамолой сепаратистические идеи, но не считаю себя вправе сказать, что мое осуждение было несправедливостью. В то далекое время, высказывая свои идеи, я думал, что совершаю противозаконное дело. Я был виноват в том, что, убежденный в противозаконности деяний, я все-таки их совершал. Я совершенно примиряюсь с тем, что по-

платился за это шестью годами тюрьмы и двумя ссылки». Издатели «Воспоминаний» комментируют приведенное «темное место» с вполне закономерным в данном случае недоумением: «В такой «примирительной позиции» содержится противоречие: то не виноват, то виноват...». Видимо, необходимая мера отделенности Сибири от России не была ясной Потанину до конца. На этом основаны его осторожные и порой противоречивые определения сепаратизма, с которым областничество часто ассоциировалось как современниками Потанина, так и позднейшими исследователями. Эти же сомнения влияют на колебания по поводу собственной вины: странным образом областник был уверен в «противозаконности деяний», основанных на идеях, которые ныне он не считает «крамолой». Как видим, осмысление сепаратизма лидером областного движения Сибири обнаруживает явную подвижность, обусловленную, впрочем, не столько эволюцией взглядов, занявшей несколько десятилетий, сколько невозможностью «вместить» феномен областничества в прокрустово ложе сухих политических терминов (а «сепаратизм» ведь – из их числа).

В противоположность семантической неопределенности концепта «сепаратизм» некоторые другие понятия, статус которых близок к дефинициям, отличались куда большей стабильностью. Речь идет, например, о понятии «инстинкт», нередко использовавшемся для объяснения ключевых областнических идеологием типа «местного патриотизма». Много примеров дает здесь эпистолярное наследие того же Потанина. В письме к Ядринцеву, датированном 16 февраля 1873 г., читаем: «Местный патриотизм – это могущественный инстинкт, не призванный к жизни, бесполезно таящийся, робко прозябающий в сердцах людей...». Здесь же Потанин ссылается на источник этих воззрений – учение Дарвина. «По Дарвину оказыв[ается], что все социальные инстинкты вынесены нами еще из мира дочеловеческого, животного: героизм, самопожертвование, любовь к отечеству (курсив наш.) – все это существовало давно, только в грубой форме, которая исчезла со временем».

Наличие «местных инстинктов» может характеризовать как будущего областника, так и человека, близкого областническим воззрениям. В «Воспоминаниях» Потанин пишет: «В Омске (еще до отъезда в Петербург.) я встречал немало единомышленников, но это были только люди с сибирскими инстинктами. Ни в одном из них не предвиделся будущий сибирский публицист». «Здесьняя

гимназия по постановке учебного дела далеко уступала омскому кадетскому корпусу: учителя в ней – это были какие-то карикатуры. Самый лучший из них был Андреев, преподаватель латинского языка; он был сибиряк и в среде учителей единственный уроженец Сибири; но он был только человек с сибирскими инстинктами». Показательно, что тождественное словоупотребление, говорящее о принципиальном родстве исходных посылок, обнаруживают ряд сочинений Ядринцева. В предсмертном очерке «30-летие сибирского землячества» (1893) областник объяснял взаимную тягу друг к другу студентов-сибиряков в столице тем, что они «чувствовали инстинктивно близость».

В определенном смысле основа областнического мироощущения – именно инстинкт. Потанин совершенно определенно выводит свои более поздние научные и социологические построения, касающиеся Сибири, из этого иррационального переживания, подчеркивая вторичность науки и первичность психологии. В письме к К.В. Лаврскому, датированном январем 1877 г., он говорит: «Много у меня все-таки было неясного, сознаваемого только инстинктом. Хотелось проверить и подкрепить свои желания наукой. Ехал я уже (речь идет о поездке из Сибири в Санкт-Петербург в университет) с твердым намерением приобрести в святилище науки и принести их назад своим землякам». Характерная черта инстинкта – его бессознательность. Как писал Владимир Соловьев в соответствующей статье для словаря Брокгауза и Эфрона, «инстинкт означает способность и стремление (у животных и людей) к таким действиям, которые соединяют целесообразность с безотчетностью «Безотчетность» инстинкта обуславливает и будущую «областную тенденцию» в Сибири.

Зарождение «местного патриотизма» видится Потанину отнюдь не в собраниях петербургского землячества студентов-сибиряков на рубеже 50–60-х гг. Он пытается придать феномену значительно большую укорененность в сибирской общественной жизни и истории. Ключевую роль в этом отношении играют первые сибирские «патриоты», такие как П.А. Словцов и П.П.Ершов, но главным образом – само сибирское крестьянство, т.е. абсолютное большинство сибирского населения. Разумеется, Потанин не собирается придавать характер осмысленной программы смутным переживаниям крестьян. Их ощущения, подчеркивает областник, близки тому, что много раз им именовалось инстинктом. «Сепаратизм не чужд сибирскому крестьянству; но его сепаратизм не идейный, как сепаратизм сибирской интел-

лигенции, а стихийный «Областная тенденция» в народной среде кажется Потанину явлением психологическим: «Тенденция вышла из чувства обособленности, которую бессознательно чувствовало сибирское крестьянство и которая покоилась на территориальной базе». Это объясняет приведенную выше потанинскую фразу о «территориальности» как основе «сибирской идеи». Эта последняя оказывалась производной не от «этнографических особенностей», «исторических традиций» или, добавим от себя, политических факторов, но от чувства обособленности сибиряка, которое не может не развиваться ввиду очевидной и действительной отдаленности Сибири от России. Подробнее эту тему Потанин раскрывает в своей знаменитой статье «Нужды Сибири» (1908).

Естественнонаучным обоснованием «местного патриотизма» в этой работе является климат. «Климат самый упорный, самый закоснелый сепаратист...» – говорит Потанин, подкрепляя свою мысль многочисленными примерами природных различий России и Сибири. «Буквально, а не иносказательно “в воздухе висит” сибирский сепаратизм». Поэтому и «в уме русского жителя Сибири живет неизгладимое сознание, что он живет не на родине того ядра русского народа, которое создало русское государство, русскую литературу, русскую политическую жизнь...». Разъясняя все это читателю, Потанин особенно часто прибегает к понятиям из области психологии. Только что прозвучало слово сознание. Также появляются «чувство обособленности», наконец, естественно, «чувство местного патриотизма». По мнению Потанина, наряду со всеми прочими причинами, корни «местного патриотизма» сибиряка располагались и в сфере ощущения, переживания – инаковости климата, отдаленности от «ядра русского народа», непохожести на «рассейских», с которыми сибиряк может даже конфликтовать. И если у крестьянина подобные чувства вполне могут сохранять безотчетный характер, то у интеллигента они рано или поздно должны породить «местное самосознание», а затем и осмысленный «патриотизм». Характерно, что, вспоминая первые годы областного движения, Потанин неоднократно подчеркивает, что серьезных политико-экономических целей оно не преследовало, обвинения против его участников были слишком умозрительны и слишком суровы. «Можно сказать, что Ядринцев и его друзья потерпели кару исключительно за одну свою любовь, выразившуюся в одних только помыслах».

Как видим, наиболее частыми понятиями, раскрывающими специфику регионального мировоззрения, в сочинениях областников являются инстинкт, чувство, сознание, любовь и т.д. Психологический компонент в каком-то смысле предшествует развивающимся лишь на его основе экономическим и политическим программам. Полагаем, что только с учетом психологического фактора исследователь будет в состоянии описать сущностные черты областной литературной традиции, которая, как и любая литературная традиция, вырабатывает в первую очередь типологию героя и структуру конфликта – категории, немислимые вне духовной проблематики. По этой причине в целом ряде современных работ звучит справедливая мысль о становлении подлинно «сибирской» литературы «лишь с появлением областничества, то есть ближе к концу XIX в.».

Действительно, если появление литературной традиции в Сибири смело можно датировать началом XVII в., то возникновение внутри нее местного писательского самосознания стоит, по видимому, относить лишь ко времени деятельности областников. В этот период региональная словесность постепенно отказывается от своего двусмысленного маргинально-провинциального статуса, что яснее всего выразилось в моделировании «сибирецентричного» типа писательской биографии, в становлении на этой основе типа героя-«патриота», в нарочитом противопоставлении литератора «местного» и «столичного». В течение XVII–XVIII вв. литературе Сибири удалось сформировать комплекс художественных образов с яркой местной спецификой, т. е. то, что можно назвать «местным колоритом». Однако характерной чертой последнего была определенная поливалентность. Экзотические образы использовались региональной культурой в той же мере, что и литературой «центра». Таким образом, на первых порах не рождалось ключевого для региональной поэтики разделения текста «своего» и текста «о себе». Это разделение, очевидно, стало возможным только после возникшего в какой-то момент (точной датировки, разумеется, здесь быть не может) психологического самоотождествления русским человеком себя с огромной сибирской «украиной». В этот момент он перестал быть «русским в Сибири», превратившись в «сибиряка», для которого «рассейские» – что-то вроде соседнего народа. Очевидно, с этим связано утверждение сначала Афанасием Щаповым, а затем его последователями – областниками особого «народно-областного

типа», который сформировался на основе этнического синтеза русских колонистов и «инородцев».

Данная концепция имела принципиальное значение для областного самосознания: появившаяся «региональная» психология нуждалась в подкреплении «эмоций» и «инстинктов» реальным этнографическим содержанием, что выразилось в словах Ядринцева об особом «народно-областном типе» сибирского населения, представляющего собой симбиоз русской и «инородческой» рас. Повторим, что здесь областник цитирует без ссылки на источник слова А.П.Щапова, написанные еще в 1872 г.: «сибирское русское население путем скрещивания с туземными азиатскими племенами стремится образовать своеобразный народно-областной тип». Так субъективные переживания находят себе опору в этнографическом материале. Эти же ощущения диктуют и свойственную областникам настойчивость на литературных сюжетах, хронотип которых связан с ситуацией перехода в иное пространство, с пересечением границы, с вживанием в новую территорию или возвращением в исходную, по выражению М.М. Бахтина, «локальность».

Вопросы для самоконтроля

1. Каким вам представляется будущее Сибири? Перспективен ли для нее сепаратистский курс?
2. Расскажите об известных вам сибирских ассоциациях. Что они собой представляют, каковы их статус, основные функции?
3. Опишите вклад декабристов в формирование самосознания сибиряков.

8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

8.1. Сибирь в поисках самоопределения.

Распространение командно-административной системы

«Военный коммунизм» с его методами принудительного вмешательства в развитие крестьянских хозяйств и «военно-коммунистической» идеологией – далеко не светлая страница нашей отечественной истории. Однако исторически неверно сводить «военный коммунизм» только к этим «ненормальным» чрезвычайным мерам. Ведь если взглянуть на факты не предвзято, то можно увидеть, что наряду с методами принуждения и насилия в это же время применялись, хотя и в ограниченных масштабах, другие методы – убеждение, поощрение, некоторые льготы и, наконец, оказание крестьянам материальной помощи.

Сельское хозяйство Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции пострадало, хотя и менее значительно, чем, например, промышленность и транспорт, особенно зерновое хозяйство, которое в 1920 г. оказалось на взлете, но взлет этот был лихорадочным, возникшим на нездоровой почве. Исподволь наносимый еще до Октябрьской революции ущерб сельскому хозяйству сказался в 1920 г. и привел его после неурожая и бескормицы к кризисному положению. В этих условиях органы власти предпринимают возможные в то военное время меры по поддержанию крестьянских хозяйств, по оказанию им материальной помощи. Важное место среди этих мер заняло регулирование крестьянского землепользования, новое землеустройство хозяйств крестьян. Следует подчеркнуть, что в Сибири это приобретало особое значение по причине крайней неустроенности земель крестьянского пользования и запутанности земельных отношений, обострившихся в связи с ростом переселенческого движения в Сибирь и несправедливых переделов. И хотя землеустройство из-за отсутствия необходимых средств было проведено в незначительных размерах и не везде справедливо, оно, несомненно, имело значение в укреплении хозяйств крестьян. Более сложным делом было обеспечение трудящегося крестьянства орудиями и средствами производства и, прежде всего, сельскохозяйственным инвентарем, который был сосредоточен в значительной степени в зажиточных хозяйствах. Многочисленные данные позволяют утверждать, что в сибирской

деревне уравнильного распределения инвентаря, сельхозмашин, рабочего скота, изъятия их излишков у зажиточных крестьян почти не проводилось, по крайней мере, такого, как в Европейской России. Однако посильная помощь крестьянам в обеспечении их инвентарем все же была оказана.

В системе мероприятий по оказанию помощи крестьянским хозяйствам важное место занимало налаживание агрономической и ветеринарной службы в сибирской деревне. Для Сибири это имело особое значение, если иметь в виду огромные пахотные площади и количество скота, распространение среди него страшных болезней – и все это при незначительных кадрах специалистов и слабой сети агрономических и ветеринарных участков. Однако агрономическая и ветеринарная помощь, которая оказывалась крестьянам в ударном порядке, сыграла положительную роль в улучшении системы земледелия и животноводства и положения крестьянских хозяйств.

Осуществляя в условиях «военного коммунизма» экономическую политику в деревне, советская власть не ограничилась мерами, направленными на восстановление и развитие только производительных сил в крестьянских хозяйствах. Для того чтобы упрочить в сибирской деревне новый советский строй, восстановить и улучшить сельскохозяйственное производство, укрепить экономику крестьянских хозяйств, предпринимались все усилия и для развития в деревне новых производственных отношений, социалистических по своему характеру, для организации коллективных форм крестьянского землепользования, для создания различных кооперативов от простейших до сложных. Конечно, роль коммун в Сибири явно переоценивалась, и нередко они насаждались форсированно. Однако делалось это не для того, чтобы заставить всех крестьян насильно «жить коммуной», а с целью сделать кооперативы и совхозы опорными пунктами всесторонней помощи крестьянскому земледелию.

Среди многих задач, которые решала в сибирской деревне советская власть, значительное место в период «военного коммунизма» занимала продовольственная разверстка, которая сегодня получает главным образом негативную оценку как «проклятая», «в слепом фанатизме изобретенная» большевиками мера, направленная против народа. Действительно, разверстка была чрезвычайной внеэкономической мерой принуждения по отношению к кре-

стьянам. Она оказывала самое непосредственное «военно-коммунистическое» влияние на хозяйство крестьян, нарушив обычные и привычные для крестьянина экономические связи его с городом через рынок и приводя к резкому свертыванию торговли и натурализации крестьянских хозяйств. Однако при всех отрицательных последствиях продразверстки, ослабившей у крестьян материальные стимулы в расширении сельскохозяйственного производства, она все же сыграла определенную положительную роль. И, несомненно, именно это стало главной причиной того, что основная масса сибирского трудового крестьянства поддержала проведение продразверстки, понимая ее необходимость, чему немало способствовала активная разъяснительная работа среди крестьян.

«Военно-коммунистическим» методом хозяйственного строительства в сибирской деревне было выполнение крестьянами натуральной трудовой и гужевой повинностей для выполнения особо срочных ударных работ. Как удалось установить, даже при сравнительно меньших масштабах этих повинностей в Сибири, при соблюдении в целом классового принципа их раскладки на крестьян они, конечно, были для них тяжелыми и обременительными. Но, выполняя эти повинности, крестьяне тем самым оказывали серьезную помощь государству и рабочему классу в выполнении срочных работ по снабжению промышленности и транспорта топливом и продовольствием, помогали всему народному хозяйству, работали на общую пользу, что придавало этой работе не только практически-хозяйственное, но и общественное, воспитательное значение, что крестьяне в определенной мере осознавали.

Результатом всех социально-экономических мер и преобразований, проведенных в сибирской деревне, было то, что изменило само положение крестьянства. Распадавшееся как класс в условиях капитализма, крестьянство в новых советских условиях начало консолидироваться. Результатом принципиального изменения характера социальной дифференциации крестьянства было его осереднячивание: сибирское крестьянство, как бы это ни оценивалось сегодня, стало действительно средняцким. Однако следует признать – осереднячивание сибирской деревни в рассматриваемый период в силу ряда условий и причин оказалось не столь ощутимым, как в Европейской России или в целом по стране: удельный вес середняков был в Сибири ниже, а кулак меньше «подрезан» и экспроприрован.

Изменения в положении крестьянства поставили перед органами власти новые задачи по восстановлению и развитию крестьянских хозяйств. Решить их можно было лишь при условии организации и сплочения трудящегося крестьянства и всемерного укрепления союза рабочих и крестьян. Первостепенное внимание было уделено усилению роли партийных организаций в деревне, улучшению их качественного состава, вовлечению самих трудящихся крестьян в партию, хотя партийное строительство в деревне накануне нэпа проходило при остром недостатке опытных партийных работников.

Огромное политическое значение имели выборы в местные Советы. Пришедшие на смену ревкомам, они стали решать широкий круг вопросов общегосударственного характера, давая возможность значительной части трудящегося крестьянства включиться в решение этих задач. Одной из эффективных форм выдвижения крестьян на государственную, советскую и другую работу были беспартийные крестьянские конференции, имевшие также большое агитационно-пропагандистское значение. Они сыграли важную роль в завоевании на сторону советской власти крестьянства, в ликвидации последствий колчаковщины, в восстановлении крестьянских хозяйств, в укреплении союза рабочих и крестьян, в развитии советской демократии, вовлекающей в государственное управление широкие крестьянские массы через обсуждение наиболее важных законов, декретов и постановлений.

Самое серьезное внимание в период «военного коммунизма» было обращено на вовлечение крестьян в массовые организации. Сразу же после разгрома колчаковщины и восстановления советской власти в сибирской деревне стали возникать комсомольские организации. Деревенские комсомольские организации с помощью партячеек активно включились в общественно-политическую и хозяйственную жизнь и участвовали практически во всех мероприятиях, проводимых в деревне, были инициаторами ряда ценных начинаний. Проводилась в деревне и работа по вовлечению в общественно-политическую жизнь женщин-крестьянок через созданные с этой целью женотделы, хотя работа среди крестьянок была налажена слабее, чем среди работниц в городе, что было тогда характерно для всей страны. Партийные и советские органы проявили особую заботу и о том, чтобы организовать и укрепить свою пролетарскую базу в деревне – батрачество, создав для этого спе-

циальные организации – отделения и ячейки профессионального союза работников земли и леса (Рабземлес).

Проводимая в период «военного коммунизма» в сибирской деревне работа по классовой организации и сплочению трудящегося крестьянства становилась особенно важной в канун перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу, когда в сибирской деревне сложилась очень сложная политическая обстановка и настроения значительной массы крестьянства стали изменяться. Крестьянство стало выражать недовольство продразверсткой, трудовой и гужевой повинностью и прочими боевыми заданиями, причем часто не ими как таковыми, а тем, как они проводились. И уже летом-осенью 1920 г., а затем в самом начале 1921 г. кулацко-эсеровский «крестьянский союз», колчаковское офицерство, переоценив степень недовольства сибирского крестьянства, предприняли попытки покончить с советской властью путем организации открытых вооруженных выступлений, окончившихся их поражением.

Картина жизни сибирского крестьянства в условиях «военного коммунизма» будет неполной, если не сказать о том, что в это время было обращено особое внимание на политико-просветительную работу среди крестьянства, ибо без внедрения в массы политической сознательности и убежденности идейное завоевание сибирского крестьянства, которое было достигнуто советской властью благодаря разгрому колчаковщины, не было бы прочным. В области образовательной и культурной работы много внимания уделялось ликвидации массовой безграмотности крестьянства, что приобщало крестьян к активному и сознательному участию в строительстве новой жизни, открытию и работе школ и различных культурно-просветительных учреждений – изб-читален, народных домов, библиотек, красных уголков, кружков. Происходят изменения и в быту крестьян. Все эти многочисленные культурные начинания обеспечили уже в рассматриваемый период беспрецедентные в жизни крестьянства сдвиги в его культуре и в быту.

Переход к новой экономической политике означал коренные изменения основных принципов экономической политики, отношений собственности и в конечном итоге организационных форм общественно-экономических укладов и их социальной основы. В первую очередь большие изменения произошли в составе госсектора.

В промышленности для уменьшения расходной части бюджета была проведена частичная денационализация. Разгосударствление при переходе от военного коммунизма к нэпу шло в разных формах, в том числе путем денационализации, т.е. возвращения государственного имущества владельцам, которым оно ранее принадлежало, – частным лицам и кооперации, посредством передачи в аренду частным лицам, трудовым коллективам, кооперации и иностранным компаниям. Были отпущены мобилизованные кустары, а также другие мобилизованные рабочие, что привело к уменьшению общей численности занятых на госпредприятиях на 30 %. Кустарям было возвращено 696 заведений, из подчинения Сибпромбюро ВСНХ в распоряжение местным органам было передано 180 заведений, 50 заведений было передано частным владельцам, которые владели ими прежде, ликвидировалось 60 заведений. В управлении Сибпромбюро осталось 666 заведений с 36 852 работниками.

На железнодорожном транспорте число работников к 1922 г. сократилось до 59,3 тыс. чел., эта цифра до 1925 г. почти не менялась. На водном транспорте число занятых сократилось до 4,6 тыс. чел.

С переходом к нэпу большие изменения произошли в аграрном секторе государственного уклада. Рост числа колхозов всех типов (но в основном преобладали коммуны) продолжался до мая 1921 г., когда было зарегистрировано 1887 объединений со 140 тыс. едоков. С лета 1921 г. начинается значительное сокращение числа колхозов, их размеров по числу едоков и, соответственно, общего числа занятых в этом секторе. К концу 1922 г. число колхозов сократилось в 2,3 раза, до 817, а число их членов в 3,5 раза – до 40,1 тыс. чел. Весьма показателен пример Алтая, где и рост, и падение колхозного строительства более ярко выражены, чем в целом по Сибири. Более половины всех общесибирских колхозов весны 1921 г. были зарегистрированы на Алтае.

Элементы всех общественно-экономических укладов, которые имелись в экономике Сибири, были представлены в кооперации. После перехода к нэпу началось частичное разгосударствление кооперации, ей была предоставлена определенная хозяйственная самостоятельность, но влияние государственного сектора было очень значительным.

Вплоть до середины 20-х гг., пока государством не использовались активно административные методы в экономической политике, доля сектора государственного социализма сохранялась на уровне 1922–1923 гг. Но по таким характеристикам, как производительность труда, уровень заработной платы, госсектор проигрывал частному капиталу. Это явилось одной из причин усиления разногласий в партийном руководстве по вопросу о стратегии и тактике социалистического строительства.

В 1920-е гг. принципиальных качественных трансформаций сущностных черт крестьянства по сравнению с досоветским периодом фактически не произошло. Абсолютное большинство сельских жителей по-прежнему вело индивидуальное хозяйство. Число полностью экспроприированных крестьянских хозяйств в ходе «антикулацких» репрессий, проводимых во время подавления антисоветского вооруженного движения в начале 20-х гг., продразверстки, продналога 1921/22 г., хлебозаготовок 1927/28 г., 1928/29 г. и конца 1929 г. в относительных величинах было невелико. Более заметное влияние на деревню оказал приходившийся на вторую половину 1929 г. процесс самоликвидации значительной части крестьянских хозяйств, в ходе которого, тысячи зажиточных семей, опасаясь репрессий, распродала или уничтожала свое имущество и бежала из села. Специфическим явлением доколхозного периода стало более интенсивное, чем до революции дробление крестьянских дворохозяйств, которое помимо того, что являлось ответом на «классовую направленность» аграрной политики режима (большие семьи были и более зажиточными), знаменовало собой начало процесса нуклеаризации крестьянской семьи.

В 30-е годы ситуация в сибирской деревне резко изменилась. В ходе грандиозного аграрного переворота, осуществленного большевистским режимом, большинство сельских жителей под угрозой насилия или, поддавшись пропаганде, вошли в колхозы. Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью сдавалось в коммуны или артели, либо ими самими уничтожалось. Недовольные политикой властей и даже потенциально опасные для них, крестьяне репрессировались или вместе с семьями ссылались на спецпоселение, а их хозяйства экспроприировались. В 1940 г. уровень коллективизации деревни в различных районах Сибири составлял от 96,3 до 98,7 %.

Таким образом, к началу 40-х годов индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в каком оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически уничтожено. Его своеобразным рудиментом оставалось ЛПХ. В коммунах начального этапа коллективизации, в которых «обобществлялась» даже домашняя птица, оно часто сводилось лишь к огороду. В сельхозартелях же, на устав которых в конечном итоге перешли все колхозы, крестьянам дозволялось иметь и строго определенное количество крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Но в связи с тем, что большая часть домашнего скота была либо уничтожена, либо сдана в колхозы, многие колхозные семьи не имели не только коров, но и вообще никакого скота. После голода 1932/33 г., с тем чтобы не допустить его повторения, власти приняли решение укрепить ЛПХ путем передачи и продажи скота с колхозных ферм в личную собственность колхозников. Несколько увеличились и размеры приусадебных участков.

Однако рост ЛПХ наталкивался на пределы, установленные в Уставе сельхозартеля. Превышение официально нормированного размера личного подворья, по мнению властей, отвлекало крестьян от работы в колхозах. В связи с этим с конца 30-х годов в соответствии с указаниями свыше в деревне периодически проводились кампании по принудительному изъятию «лишнего» скота и земли. «Излишнее» внимание колхозников к их личному хозяйству каралось исключением из колхоза с лишением приусадебного участка и даже ссылкой.

В 50-е годы широкое распространение получила практика «добровольной» экспроприации ЛПХ. С целью выполнения невыполнимых планов мясопоставок государству или увеличения поголовья «общественного» стада властные структуры заставляли крестьян продавать по ценам существенно ниже рыночных скот с их подворий колхозам. Последний широкомасштабный натиск на ЛПХ был осуществлен в конце 50-х – начале 60-х годов в связи с принятием партийным руководством страны курса на строительство коммунизма. А личное хозяйство с коммунистическими отношениями, по мнению их теоретиков, никак не соотносилось.

С середины 60-х годов кампаний по сокращению размеров ЛПХ не проводилось, власти на самом высоком уровне (постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г.) заявили о необходимости

устранения «необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих».

Несмотря на то что ЛПХ по своим размерам несравнимо и с бедняцким хозяйством доколхозной деревни, оно на протяжении периода 30-х, 40-х и начала 50-х годов являлось основным источником существования абсолютного большинства колхозников, поскольку за исключением нескольких урожайных довоенных лет произведенная в колхозах продукция практически полностью изымалась государством, а выдачи на трудодни в связи с этим были мизерными. На покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом (сельхозналог, займы и т.п.) расходовалась и значительная часть ресурсов ЛПХ. Следствием государственного грабежа колхозов и личных подворий их членов, который в 40-е – начале 50-х годов приобрел наиболее масштабный характер, стали периодические голодовки сельского населения. Причем голодали не только колхозники, но и рабочие совхозов, размеры ЛПХ которых были значительно меньше.

После 1953 г. отношение властей к крестьянству стало более либеральным. В 1954 г. налоги на ЛПХ были минимизированы. Снижился уровень ограбления сельскохозяйственных предприятий со стороны государства. Постоянно растущая оплата труда в колхозах и совхозах становится основным источником существования жителей деревни. Тем не менее даже в 80-е годы за счет ЛПХ формировалось около 30 % совокупных доходов сельского населения. В 1988 г. в личном секторе производилось более четверти валовой (в том числе картофеля – 59 %, овощей – 31, мяса – 28 и яиц – 26 %) и одна десятая товарной продукции сельского хозяйства. Однако столь высокие количественные показатели ЛПХ обеспечивались за счет их тесной интеграции с колхозно-совхозным производством. Значительная часть ресурсов для ведения личных хозяйств черпалась их владельцами в сельскохозяйственных предприятиях (обработка приусадебных участков, покупка и хищение кормов и т. п.).

Процесс ликвидации крестьянской общины как важнейшей сущностной институции крестьянства имел в советский период несколько иную динамику. Дореволюционная административная сельская община, хотя и контролировалась властями, оставалась при этом органом самоуправления. Ее избранные на сходе должностные лица в своей деятельности в основном опирались на обычное право. С установлением в Сибири советской власти в сфе-

ре управления деревней произошло существенные сдвиги. В начале 1920 г. на селе были образованы ревкомы как органы чрезвычайного государственного управления. С апреля того же года они стали заменяться сельсоветами. Но в данном случае речь шла не о передаче власти в деревне в руки ее жителей, а о смене вывески. Выборы в Советы были формальными и сводились к голосованию за выдвинутых местной партиячкой кандидатов. Основной функцией сельсоветов являлось взимание с селян многочисленных податей и повинностей. Ситуация изменилась лишь в 1925 г., когда правящая верхушка большевистской партии, пытаясь преодолеть крестьянский абсентеизм, санкционировала проведение относительно демократических выборов в сельсоветы. Последние в связи с этим стали постепенно превращаться в органы реального местного самоуправления, приняв на себя большую часть функций крестьянской общины. Из их ведения формально было исключено решение земельных вопросов, отнесенных к компетенции земельных обществ, которые согласно действующему законодательству являлись независимыми объединениями граждан села, призванными регулировать их совместное землепользование. Однако на практике какого-либо жесткого разграничения между решением как земельных, так и иных вопросов местного самоуправления не существовало. Исполнение постановлений схода граждан по проблемам землепользования возлагалось на сельские Советы, в составе которых функционировали земельные секции, или непосредственно на их председателей. Последние в ряде случаев решали земельные вопросы самостоятельно.

В конце 20-х годов режим начал новый тур борьбы с крестьянским самоуправлением. Выборы полностью утратили демократизм, а сельсоветы вновь превратились в инструмент осуществления всевозможных чрезвычайных (прежде всего хлебозаготовительных) кампаний. Тогда же земельные общества в ходе «борьбы за их овладение и превращение в опорные пункты социалистического преобразования деревни» потеряли возможность регулировать земельные отношения. Были значительно затруднены возможности крестьянского мира, опираясь на обычное право, воздействовать на семейные и нравственные отношения односельчан. Им противостояли сельские партийные и комсомольские организации, активисты, стремившиеся внедрить в практику крестьянского общегития советские моральные нормы.

Ликвидация общины как института самоорганизации крестьянства завершилась в ходе коллективизации. Земельные общества упразднились. Сельсоветы окончательно теряли функции самоуправления. Крестьяне, в отличие от периодов начала и конца 20-х годов, когда у бедняцко-батрацкой части деревни сохранялась иллюзия их непосредственного участия в принятии властных решений, полностью отчуждались от власти. Применение норм обычного права в межкрестьянских отношениях стало жестко преследоваться. Тем не менее, и после формальной ликвидации общины в среде теперь уже колхозного крестьянства еще долго сохранялись общинные традиции, продолжавшие существовать в рамках колхозов. Эти традиции подкреплялись общим трудом на колхозных полях и фермах и различными формами взаимопомощи, помогавшими сельским жителям выжить в самые трудные из предвоенных, военных и послевоенных лет.

Многовековые общинные традиции в сибирской деревне стали более интенсивно размываться в 50-е годы. Основными факторами данного процесса послужили укрупнение колхозов и превращение большинства из них в совхозы. Осознание своей принадлежности к малой сельской общности и зависимости от нее большинство жителей деревни окончательно потеряли в ходе ликвидации т.н. «неперспективных» сел и переселения их жителей на центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий.

Наступление на малые села особенно масштабный характер приобрело в Западной Сибири. С 1959 по 1979 г. численность сельских населенных пунктов в регионе сократилась на 52 %, тогда как в целом по РСФСР – на 40 %. Крестьянские общинные традиции после этого продолжали сохраняться на уровне трудноуловимой ментальности лишь во все еще уцелевших малых сельских поселениях.

Параллельно с ликвидацией крестьянской общины и общинных традиций в советский период происходил процесс размывания крестьянской культуры и ее вытеснения городской (урбанистической) и официальной советской субкультурами. В 20-е годы образ жизни на селе оставался в целом неизменным. В деревне господствовала традиционная крестьянская культура. Подвижки в сторону повышения грамотности сельского населения были незначительными, а влияние городской культуры минимальным. В конце 20-х годов началось усиленное насаждение в деревне советской

субкультуры. Наиболее восприимчивой к ней была молодежь и сельские функционеры, которые в своем большинстве также являлись молодыми людьми. Впрочем, они нередко воспринимали лишь внешние формы указанного типа субкультуры (лексику, одежду и т.п.).

В 30-е годы наступление на крестьянскую культуру и ее замещение в деревне советскими культурными новациями становится тотальным. Особенно сильным гонениям подвергались религиозные крестьянские верования и традиции. Тем не менее, в 30-е и 40-е годы традиционная крестьянская культура не была вытеснена из сознания и поведения значительной части сельских жителей, а продолжала существовать «в подполье». Тем более, что образовательный уровень селян, несмотря на кампании по ликвидации безграмотности и осуществление всеобщего начального, а затем и семилетнего обучения детей школьного возраста, оставался достаточно низким, а инфраструктура официальной советской субкультуры на селе (клубы, избы-читальни и т.п.) влачила в целом жалкое существование.

Качественные сдвиги в соотношении типов культур в деревне начались в 50-е годы и усилились в 60-е. Факторы, способствовавшие данному процессу, были многообразны. В это время в активный возраст вступило первое поколение, воспитанное на советских культурных традициях. Постоянно рос уровень образованности сельского населения. Советская школа, призванная воспитывать новый социалистический тип личности, занималась идеологической обработкой учащихся. В указанный период расширилась сеть «очагов» социалистической культуры – сельских домов культуры, клубов, библиотек, улучшилось их материально-финансовое состояние. Была проведена массовая кинофикация и радиофикация сельских населенных пунктов. В 70-е годы вытеснение традиционной крестьянской культуры приобрело необратимый характер. На селе был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию. Начался постепенный процесс урбанизации быта сельских жителей. Проводником советской субкультуры стало быстро распространившееся в деревне телевидение.

Само по себе угасание крестьянской традиционной культуры достойно сожаления. Но данный процесс в условиях современной цивилизации имеет естественный характер. Гораздо более тяжелые последствия имело изменение социально-культурного типа сель-

ского жителя. Индустриализация аграрного производства, переход на оплату труда, не связанную с его конечными результатами, связанное с этим отчуждение от земли, сельскохозяйственных животных и других средств производства окончательно превратило бывших крестьян, вне зависимости от того, где они работали – в колхозе или совхозе, в наемных государственных сельскохозяйственных рабочих. Причем, потеряв крестьянские трудовые традиции, селяне не приобрели лучшие традиции рабочего класса. Напротив, происходила люмпенизация работников сельскохозяйственных предприятий, нарастание негативных явлений в их поведении на работе и в быту.

В годы первых пятилеток советское правительство, строя свои экономические планы при слабой заселенности восточных районов страны, рассматривало вопросы обеспечения их рабочими кадрами в мобилизационном режиме. Государство в своей мобилизационной стратегии активно использовало не только добровольные методы в формировании рабочих кадров, но и откровенно насильственные. В годы первых пятилеток во многих отраслях в Сибири в значительных масштабах использовался труд заключенных и спецпереселенцев, состоявших в основном из раскулаченных крестьян и других категорий граждан. Стройки народного хозяйства должны были заменить им места каторги и ссылки. Насильственные методы в формировании рабочих кадров промышленных и транспортных предприятий Сибири и Дальнего Востока, индустриальных новостроек 1930-х гг. были обычным явлением.

Спецпереселенцы использовались на работах не только в сельском хозяйстве, но и промышленности. В Сибири это были предприятия по добыче угля, соли, золота, заготовке леса. В 1936 г. доля спецпереселенцев среди постоянно работающих в тресте «Кузбассуголь» составляла около 40 %, в тресте «Кузнецкстрой» – 48,3 %, в тресте «Запсибзолото» – 29,2 %. На 1 ноября 1938 г. в различных отраслях экономики Кузбасса было задействовано 16 102 семьи спецпереселенцев общей численностью 73 854 человека. Их них трудоспособное население составляло 35 020 человек (17 266 мужчин и 17 540 женщин).

В Восточно-Сибирском крае спецпереселенцев в принудительном порядке распределяли на предприятия, организовывали в сельскохозяйственные артели, на которые возлагалась задача обеспечения их продовольствием. Наибольшее количество спецпе-

реселенцев было привлечено к работе на лесозаготовках, на обустройстве Северного морского пути, к добыче благородных металлов. Так, в тресте «Востсиблес» работало 6368 семей, в тресте «Цветметзолото» – 5194 семьи, в системе комитета «Севморпуть» – 3369 семей, в «Слюдатресте» – 1121 семья, что в целом составляло 75 % семей спецпереселенцев края.

В Сибири спецпереселенцы столкнулись с огромными трудностями: отсутствие жилья, бытовая неустроенность, недостаток продуктов питания, враждебное отношение со стороны местных властей и некоторых сотрудников ОГПУ. Например, в Канском районе зимой 1931–1932 гг. 813 переселенцев размещались в непригодных для зимовки бараках, а 862 спецпереселенца (в т.ч. женщины и дети) вообще жили в шалашах без печного отопления, что приводило к массовым заболеваниям и потере трудоспособности. Порой случались незаконные экспроприации имущества и продовольствия у спецпереселенцев.

Тяжелые условия и произвол властей приводили к побегам среди спецпереселенцев. В августе 1932 г. бежали 330 человек, в сентябре – 415. Цифры постоянно росли. Власти вынуждены были принимать меры по нормализации положения спецпереселенцев, что позволило в 1933 г. изменить ситуацию к лучшему. Были созданы специальные трудовые поселения, что привело к новому понятию – трудопоселенец. С 1935 г. трудопоселенцев стали восстанавливать в правах и выдавать паспорта, но покидать территорию поселения им было запрещено.

В годы Великой Отечественной войны спецконтингент фактически восполнил образовавшуюся в результате мобилизации нишу трудовых ресурсов. Спецпоселенцы были мобилизованы в трудовую армию. В Красноярском крае мобилизации были подвергнуты 51 085 человек. В годы войны только на лесозаготовках в крае трудились около 20 тыс. переселенных немцев.

8.2. Сибирь в годы Великой Отечественной Войны

К началу Великой Отечественной войны территория СибВО включала Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Управление округа находилось в Новосибирске. В своем составе округ имел стрелковые, танковые и авиационные соединения, два пехотных и одно артиллерийское училища.

С начала войны велась большая работа по формированию новых воинских соединений и частей, по подготовке маршевого пополнения для действующей армии. Управлением и войсками округа была проделана большая работа по обеспечению всестороннего материально-технического снабжения действующей армии и воинских перевозок.

В битвах и сражениях Великой Отечественной войны особое место занимают сибиряки. Сибирские дивизии и полки сражались на всех участках громадного советско-германского фронта, участвовали в Московской, Сталинградской, Курской и других важнейших операциях, а также в боях против японских милитаристов.

Уже в первые дни войны сибиряки вместе с другими воинами Красной Армии приняли на себя удар врага и насмерть стояли на рубежах родной страны. Пограничный отряд под командованием бийчанина Петра Нечаева сутки отражал натиск фашистов через реку Сан в Перемышле. Численно превосходящим силам врага удалось прорваться в город. Но уже утром 23 июня пограничный сводный отряд новосибирца старшего лейтенанта Григория Поливоды внезапным ударом разбил их, а остатки отбросил за реку. Пограничники, среди которых было много сибиряков, вместе с подошедшей 99-й стрелковой дивизией, тоже наполовину укомплектованной сибиряками, до 29 июня отражали натиск противника и только по приказу командования оставили город.

В рядах героических защитников Брестской крепости сражались сибиряки лейтенант Савин, техник-интендант II ранга Черняев, младший сержант Семенюк, красноармеец Видонов и многие другие.

27 июня 1941 г. вступили в бой за город Острог и Новоград-Волынский сибирские 109-я мотострелковая и 225-я стрелковая дивизии полковников Краснорецкого и Хохлова. Они до 10 июля удерживали свои позиции и не уступили ни одного метра родной земли.

Первыми Героями Советского Союза среди сибиряков стали летчик старшина Н.Я. Тотмин, 4 июля тараном сбивший немецкий самолет, и танкист младший сержант А.М. Грязнов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны, им было присвоено это высокое звание.

26 июня из Сибирского военного округа ушла на фронт 24-я армия. В боях за древний русский город Ельня на Смоленщине

с 7 августа по 6 сентября она разгромила 4-ю немецкую полевую армию. Враг потерял убитыми и ранеными около 80 тыс. солдат и офицеров, был выброшен из Ельни и отброшен на запад. Здесь родилась советская гвардия. Ее колыбелью была сибирская 24-я армия; 100-я, 127-я, 107-я, 120-я стрелковые дивизии были соответственно преобразованы в 1-ю, 2-ю, 5-ю, 6-ю гвардейские. Командиры полков 107-й дивизии полковник И.М. Некрасов и подполковник М.С. Батраков удостоились звания Героя Советского Союза.

Двадцать сибирских дивизий и бригад участвовали в Московской битве. Они сражались насмерть на Бородинском поле и под Истрой, под Волоколамском, Серпуховом и Тулой.

За массовый героизм, проявленный воинами в боях, 78-я, 258-я, 119-я, 133-я, 32-я стрелковые дивизии были преобразованы в 9-ю, 12-ю, 17-ю, 18-ю, 29-ю гвардейские, 71-я отдельная морская бригада во 2-ю гвардейскую бригаду. 5-я, 9-я, 12-я, 18-я гвардейские дивизии и 2-я гвардейская бригада награждены орденами Красного Знамени. В это же время сибирская 366-я стрелковая дивизия, сражавшаяся под Ленинградом, была преобразована в 19-ю гвардейскую.

В годы войны не было такого подвига, которого не совершили воины-сибиряки. Летчики Тотмин и Авилов таранили немецкие самолеты, Сорокин и Кузьмин совершили такой же подвиг, как Алексей Маресьев, экипажи сибиряков Черных, Винокурова и Коляды повторили подвиг Николая Гастелло. Танкист Григорьев таранил немецкий танк, а Бухтуев – бронепоезд. 25 наших земляков закрыли своей грудью амбразуры вражеских дзотов.

В числе героев-панфиловцев были сибиряки Васильев, Емцов, Шадрин. Шемякин, Трофимов. Политрук 1075-го полка В.Г. Ключков, воодушевляя своих земляков и других бойцов отряда, 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково произнес ставшие знаменитыми слова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»

Подвиг под Харьковом совершили гвардейцы из Новосибирской 25-й Синельниковско-Чапаевской дивизии во главе с командиром взвода лейтенантом Широным. Всем 25 воинам присвоено звание Героя Советского Союза.

Громили врага в воздухе и на земле летчики-сибиряки трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин, дважды Герои Советского Союза подполковник П.А. Плотников, майор С.И. Кретов.

Артиллеристы под командованием дважды Героя Советского Союза полковника А.П. Шилина своим огнем прокладывали путь советским войскам к Победе.

Берлинская битва была самой крупной не только в истории Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. С обеих сторон в ней участвовали 3,5 млн. солдат и офицеров, 52 тыс. орудий и минометов, 7700 танков и самоходных артиллерийских установок, 11600 боевых самолетов.

Вместе с другими частями и соединениями Советской Армии в боях за Берлин участвовали 20 сибирских дивизий. Первой в столицу фашистской Германии ворвалась сибирская 52-я гвардейская Рижская четырежды орденоносная стрелковая дивизия под командованием новосибирца генерал-майора Н.Д. Козина. Она сражалась под Сталинградом и Курском, в Прибалтике и Польше. В Берлине она разгромила эсэсовскую дивизию «Адольф Гитлер» и захватила полицейско-президиум, получила второе почетное наименование – Берлинская, а ее командир, наш земляк Нестор Дмитриевич Козин удостоился звания Героя Советского Союза.

Первым комендантом рейхстага был назначен томич полковник Ф.М. Зинченко. Под его командованием советские воины водрузили знамя Победы над поверженным Берлином. В штурме рейхстага участвовал батальон красноярца капитана В.И. Давыдова. За взятие рейхстага Зинченко и Давыдов стали кавалерами Золотой Звезды.

В небе Берлина сражалась прославленная 278-я Сибирская дважды орденоносная истребительно-авиационная дивизия полковника К.Д. Орлова. Только в Берлинской операции летчики-сибиряки сбили 380 самолетов противника. В ее рядах 28 Героев Советского Союза.

В числе первых соединений вышла на Эльбу сибирская 12-я гвардейская Пинская дважды орденоносная стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора Д.К. Малькова. Она в 1941 г. насмерть стояла под Тулой, освобождала Калугу, сражалась под Орлом, участвовала в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Польши. В ее рядах – 73 Героя Советского Союза, а на боевых знаменах дивизии и частей – 14 орденов.

К концу войны 20 сибирских дивизий были преобразованы в гвардейские, и они составляли одну четверть советской гвардии. Около 50 сибирских соединений получили наименования крупных

городов Советского Союза и зарубежных стран, некоторые удостоились почетных наименований дважды. Знамена многих сибирских соединений украшены высокими наградами Родины – орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова.

Сотни тысяч сибиряков за боевые подвиги на фронтах были награждены орденами и медалями. Сибирь дала Родине около 1500 Героев Советского Союза, 114 сибиряков получили это звание дважды, трижды Героем Советского Союза стал новосибирец А.И. Покрышкин. Среди воинов-сибиряков более двухсот кавалеров орденов Славы всех 3-х степеней.

Вместе с великим русским народом против фашизма сражались все сибирские народы: якуты, буряты, хакасы, алтайцы, тувинцы и др.

При формировании ВПК сталинское руководство исходило из необходимости обеспечить самодостаточность комплекса, его независимое от внешних факторов функционирование, опираясь на собственные источники ресурсов и средств, что вытекало из доктринальных основ сталинизма о неизбежности военного противоборства систем капитализма и социализма. Отсюда же следовала задача рассредоточить предприятия ВПК по территории страны, создать на случай войны в ее азиатской части заводы-дублеры. В русле последней установки в годы первых довоенных пятилеток на территории Сибири было начато строительство первых крупных военных производств.

В начале 1930-х гг. в Новосибирске развернулось строительство двух крупнейших предприятий ВПК, сыгравших огромную роль в выпуске военной продукции непосредственно в годы войны: авиазавод № 153, ставший одним из основных военных самолетостроительных предприятий, но первоначально запроектированный как завод горного оборудования, и «Сибкомбайн», также перепрофилированный для нужд ВПК в конце 1930-х гг. Первый из названных заводов получил свой оборонный профиль в 1936 г. В 1937 г. на нем было изготовлено несколько десятков боевых истребителей «И-16». В 1938 г. ему было присвоено имя В.П. Чкалова. До лета 1941 г. завод успел выпустить около 1 тыс. боевых истребителей, в том числе машин конструктора С.А. Лавочкина «ЛАГГ-3». С началом войны на площадях завода № 153 было размещено пять эвакуированных авиационных предприятий; еще два находились в г. Бердске. В конце 1941 г. коллектив завода освоил

производство новых истребителей конструкции КБ А.С. Яковлева «Яков». За годы войны завод отправил на фронт всего 16,5 тыс. самолетов 11 типов. На площадки «Сибкомбайна» (позже «Сибметаллстрой»), именованного комбинатом № 179, в период эвакуации прибыли оборудование и кадры 15 заводов из-за Урала. Позже из комбината № 179 выделились и стали самостоятельными четыре крупных предприятия оборонного профиля – металлургический завод, заводы № 556 («Сибтекстильмаш»), № 677 («Луч») и № 188 (завод низковольтного оборудования). Остальные были влиты в состав комбината № 179, впоследствии названного «Сибсельмаш» и ставшего одним из опорных предприятий по производству боеприпасов. На нем выпускали снаряды, мины, взрыватели и т. д. За годы войны предприятия этого комплекса выпустили 125 млн штук снарядов, в том числе авиавыстрелы, что по количеству вдвое превысило выпуск снарядов всей российской промышленностью в 1914–1917 гг.

До войны в Сибири не было предприятий радио-, электротехнической и электронной промышленности. С началом эвакуации в Новосибирске были размещены и восстановили свое производство прибывшие из Москвы, Ленинграда, Воронежа электровакуумный завод (приборы и радиолампы), завод № 208 им. Коминтерна (средства радиосвязи и радиолокации), «Электросигнал» (за годы войны на нем была изготовлена 161 тыс. аппаратов радиосвязи), прожекторный завод (зенитные прожекторы, электромоторы и т. д.).

Эвакуированные в годы войны в Сибирь предприятия размещались и в других крупных городах Сибири – Омске, Томске, Кемерове, Красноярске. В Омске получили развитие предприятия машиностроительного комплекса, в Кемерове – химического назначения.

Следует отметить, что обстановка военного времени рождала не только героизм, но и жесткие методы достижения требуемых результатов. Это касалось не только наказаний и репрессий за невыполнение тех или иных директив, но и широкого использования принудительного труда при строительстве, пуске в строй и обеспечении дальнейшего функционирования предприятий ВПК. В годы войны в зонах строительства и производства предприятий ВПК находились многие лагерные пункты и отделения СибЛага, а труд заключенных использовался как контрагентский, когда наркоматы

использовали его как бы напрокат, на время и под определенные нужды. Только на крупнейших оборонных предприятиях Новосибирска (завод № 153, комбинат № 179 и др.) имелись почти 20 тыс. заключенных. Широко использовался подневольный труд и других категорий “спецконтингента” – спецпереселенцев, трудармейцев и т. д. Нередко исправительно-трудовые колонии НКВД перепрофилировались в военные производства. Известно, что на предприятиях, находившихся в годы войны в ведении НКВД, было произведено около половины выпущенных в стране мин. Одно из крупнейших производств такого типа работало в Томске; осенью 1941 г. на территории ИТК № 5 разместился эвакуированный завод боеприпасов.

Большие и сложные задачи война поставила перед тружениками сельского хозяйства. Они должны были дать армии и стране необходимое продовольствие и сырье.

Жители села Дробышево Омской области обязались: «Дадим больше хлеба, масла, мяса и других продуктов, больше шерсти, будем способствовать укреплению огромной мощи страны, чтобы больше было танков, пушек, самолетов, кораблей. Пусть зарубят себе на носу германские фашисты: били их деды и отцы наши, будем и мы их бить, бить жестоко, беспощадно, чтобы неповадно было и впредь трогать землю советскую».

Решать сельскохозяйственные проблемы предстояло в сложных условиях. В первые месяцы войны фронту было передано 92 % автомашин, на четверть сократилась численность конского поголовья. В армию была призвана значительная часть мужского сельского населения. Если в 1940 г. мужчины, занятые в сельскохозяйственном производстве, составляли 37,6 %, то в 1941 г. – 19,2 %. На 90 % уменьшилось количество механизаторских кадров. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ пала на долю женщин и подростков. Между тем, обеспечение продовольствием фронта и городского населения являлось важнейшей задачей, от решения которой зависела судьба Отечества.

В первую очередь нужно было решить проблему механизаторских кадров. В связи с этим партийные органы ориентировали местные партийные и комсомольские организации на подготовку трактористов, комбайнеров и других специалистов сельскохозяйственного профиля.

С патриотическим почином в пополнении механизаторскими кадрами колхозы и совхозы выступила депутат Верховного Совета СССР, бригадир Тюкалинской машинно-тракторной станции Омской области А.Ф. Кирюшина. 29 июня 1941 г. она обратилась к женщинам с призывом заменить ушедших на фронт мужчин и овладеть механизаторскими специальностями. В обращении говорилось: «Наши мужья и братья призываются в армию, но работа в колхозах, совхозах, МТС не должна останавливаться ни на минуту. Нашей Родине нужны хлеб, молоко и другие продукты сельского хозяйства. Колхозы и совхозы должны дать продовольствия столько, сколько потребуется для окончательной победы над врагом». Обращение заканчивалось призывом: «Женщины – на трактор!».

Призыв знатного бригадира был поддержан труженицами Западной Сибири. Здесь их удельный вес среди механизаторов возрос с 7 % в 1940 г. до 37 % в 1942 г. На весеннем севе в колхозах и совхозах работало 400 женских тракторных бригад.

С творческим подъемом трудились мужчины-механизаторы, еще не призванные в армию. Из-за недостатка техники и специалистов они в целях эффективного использования тракторов и экономии горючего стали работать с прицепами, составленными из 2–3 комбайнов. К ним прицепляли лушильники, грабли для подборки колосьев и другие орудия. Таким путем совмещались различные виды полевых работ. На всю страну стали известны достижения знатного комбайнера, депутата Верховного Совета СССР И.А. Многолетнего из Юдинской МТС Новосибирской области. Сцепом трех комбайнов при среднесуточной уборке 80–100 га им был сжат (в 1941 г.) урожай на площади 2250 га и сэкономлены сотни килограммов горючего.

Высокой производительности труда добился комбайнер Семяновской МТС Павлоградского района Омской области, Герой Социалистического Труда Манник. Он с самого начала и до конца войны работал на сцепе трех комбайнов, убирая за сезон по 1500 и более гектаров зерновых культур.

Тем не менее большая доля в колхозах и совхозах приходилась на ручной труд женщин. Многие из них выходили на поле с серпами и молотилками. В массовом масштабе их труд применялся на вязке снопов. При норме 400 снопов некоторые женщины навязывали по 2–3 тыс. снопов в день. Среди них М. Горбатова

из Беловского района Кузбасса, В. Рыженкова из Ояша Новосибирской области, Е.З. Пушкина из Сорокинского района Алтайского края.

В период массовых сельскохозяйственных работ партийные организации и советские органы привлекали городское население: рабочих, служащих, домохозяек, студентов вузов, учащихся техникумов и общеобразовательных школ. В период первой военной уборки в сельхозработы Западной Сибири участвовали 400 тыс. жителей городов и рабочих поселков.

Благодаря совместным усилиям трудящихся города, городского и сельского населения в 1941 г. уборка урожая была проведена, в основном, организовано и успешно. В Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях – основных зерновых районах Сибири – был собран весь урожай. Они дали стране зерна на 5 млн пудов больше, чем в 1940 г.

Тяжелым для сибирских хлеборобов был 1942 г. Враг полностью захватил Украину, Дон, Кубань, Северный Кавказ. Восточные районы страны стали главной сельскохозяйственной базой.

Большое значение в развитии трудовой активности тружеников сельского хозяйства в 1942 г. сыграло, как и в промышленности, Всесоюзное социалистическое соревнование. И здесь его инициаторами стали сибиряки: рабочие совхоза «Лесной» Омской области и колхоза «Красный путь» Чистозерного района Новосибирской области. Патриотический почин тружеников сельского хозяйства был одобрен Государственным комитетом обороны. В июле 1942 г. он учредил для победителей переходящее Красное знамя, премии и знак «Отличник сельского хозяйства».

Весенний сев 1942 г. был характерен ростом трудовой активности хлеборобов Омской области. Несмотря на крайне неудовлетворительную работу тракторов, многие механизаторы добились хороших результатов. Верной своему слову была А.Ф. Кирюшина. На весеннеполевых работах ее бригада выполнила план сельскохозяйственных работ на 150 % и сэкономила 1300 кг горючего. Бригаде было вручено переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и облисполкома.

Активное участие в сельскохозяйственном производстве принимали комсомольцы и молодежь. По примеру рабочей молодежи на промышленных предприятиях на селе были созданы тракторные, полеводческие и транспортные комсомольско-молодежные

бригады. В Алтайском крае в 1942 г. работало 800 таких бригад, из них 210 тракторных и 580 комсомольских бригад завоевали право называться фронтовыми. Первое место среди трактористов заняла бригада Тимофея Бойко из Петуховского района, выполнявшая план сева на 240 % и экономившая 1450 кг горючего.

Высокий трудовой подвиг участников соревнования обеспечил успех весеннего сева. В Западной Сибири были перевыполнены планы весенних полевых работ. По сравнению с 1941 гг. их прирост составил в 1942 г. 441 тыс. га. Посевы картофеля увеличились со 176,9 тыс. га до 238 тыс. га.

Большая организаторская работа была проведена в период подготовки и проведения уборочной страды. По инициативе партийных организаций в Западной Сибири было организовано шефство промышленных предприятий над МТС, колхозами и совхозами. Основное внимание обращалось на укрепление материальной базы сельского хозяйства и обеспечение его механизаторами. В 1942 г. омские предприятия направили на село 13 400 запасных деталей, 73 комплексных ремонтных бригад в составе 421 человека. Колхозы и совхозы Новосибирской области получили 100 тыс. деталей, 65 станков. Из городов Кузбасса на село было направлено около 700 слесарей и 848 трактористов.

Напряженно готовились труженики сельского хозяйства к уборке урожая. В сентябре 1942 г. колхозники и механизаторы Алтая выступили с призывом удвоить и утроить усилия на полевых работах. «Чем скорее мы это выполним, – писали они, – тем лучше пойдут дела на фронте и тем легче будет разбить ненавистных захватчиков». В ходе соревнования рождались настоящие герои трудового фронта. Широкую известность в стране получил алтайский комбайнер С.Е. Пятница, убравший в 1942 г. зерновые культуры на площади 3368 га. Комбайнер Чистоозерного района Новосибирской области Н.А. Левин убрал урожай с 1920 га, сэкономив 1778 кг горючего. Замечательных успехов достиг коллектив племзавода «Омский». За достигнутые успехи в соревновании ему было вручено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны. В 1942 г. совхоз собрал с каждого гектара по 13,1 ц зерна (при плане 12 ц), сдал государству около 3000 ц хлеба (325 %); более чем на 20 % выросла продукция животноводства, на 1700 ц был перевыполнен план сдачи молока.

Благодаря самоотверженному труду тружеников сельского хозяйства в 1942 г. в фонд Красной Армии было направлено 145 млн пудов хлеба. Это была большая победа, равная крупному сражению на фронте. Существенный вклад в эту победу внесли сибирские земледельцы.

В ходе соревнования и военных успехов нашей армии на фронте появились новые формы трудовой активности тружеников сельского хозяйства. В начале августа 1943 г. впервые за годы войны Москва салютовала в честь освобождения Орла и Белгорода. По этому случаю в хозяйствах Западной Сибири были проведены «недели салюта хлебом». В сентябре состоялись декадни в честь освобождения Харькова и Донбасса. Во время уборочной кампании отличились многие женщины из комсомольско-молодежной бригады.

Но несмотря на трудовой энтузиазм на сельскохозяйственном фронте, все же не удалось ликвидировать разрушительные последствия войны. Не были выполнены планы поставок зерна государству. Тем не менее в хлебный фонд армии поступило его больше, чем было определено Государственным комитетом обороны. К тому же увеличилась заготовка продукции животноводства по сравнению с 1942 г. В 1943 г. заготовка мяса увеличилась в Алтайском крае на 23,7 %, в Омской области – на 43,6 %. Удвоила заготовку мяса Новосибирская область.

Большие надежды государство на колхозы и совхозы возлагало в 1944 г. Как и прежде, решающая роль отводилась зерновым районам Западной Сибири. В феврале правительство приняло постановление о мерах по подъему сельского хозяйства в Новосибирской области и оказанию помощи сельскому хозяйству Омской области.

В то же время вопрос о состоянии сельского хозяйства в Алтайском крае был обсужден в Центральном комитете партии. В постановлениях были вскрыты ошибки и недостатки в руководстве сельским хозяйством, определены основные направления организационно-хозяйственной деятельности колхозов, совхозов и МТС. Главное внимание обращалось на укрепление их материально-технической базы за счет сельскохозяйственной техники, производимой в Сибири. К этому времени вошел в строй и выпустил сотни тракторов Алтайский тракторный завод в Рубцовске. В регионы Западной Сибири стали поступать первые комбайны с Краснояр-

ского комбайнового завода. На производство сельскохозяйственных машин и запасных частей переключились промышленные предприятия. Калачинский мотороремонтный завод организовал производство конных молотилок, Бийский завод «Механлит» – конных приводов.

Новыми трудовыми победами ознаменовали хлеборобы Западной Сибири весну 1945 г. Вся их производственная деятельность была направлена на то, чтобы успешно завершить Отечественную войну на весеннем трудовом фронте. С разгромом фашистской Германии на село возвращались воины-победители и включались в трудовую жизнь. Возросший уровень механизации позволил лучше и организованнее провести весенний сев.

В итоге напряженной трудовой деятельности в сложных условиях военного времени труженики Западной Сибири внесли большой вклад в производство сельскохозяйственной продукции и обеспечение ею нужд фронта. В 1941–1945 гг. колхозы и совхозы Алтайского края сдали в фонд Красной Армии 158 млн пудов хлеба, 9,5 млн пудов мяса, 22 млн пудов сливочного масла, 20 млн гекталитров молока, 10 млн пудов картофеля. 2 млн т хлеба, 114 т мяса, 522 тыс. т молока, более 200 тыс. т картофеля дали омские хлеборобы и животноводы. Десятки миллионов разнообразной продукции произвели и внесли в фонд обороны труженики колхозов и совхозов других сибирских регионов.

В годы Отечественной войны существенный вклад в обеспечение продовольствием внесли труженики Севера Западной Сибири. Главной их продукцией была рыба. Ее добывали и отправляли на фронт Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа.

Ценный вклад в изучение возможностей расширения промысловых угодий внесли ученые-ихтиологи под руководством профессора Томского университета Б.Г.Иоганзена. В результате исследования удалось взять на хозяйственный учет 20 млн га с возможной годовой продуктивностью в 2 млн ц рыбы.

Была решена и кадровая проблема. В Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа прибыли из других рыболовческих регионов страны 1750 специалистов и мастеров рыбного хозяйства. Сюда же были направлены 9 тыс. эвакуированных из Прибалтики, Украины и Молдавии. В Нарымский округ прибыли 15 280 человек из сельскохозяйственных районов Новосибир-

ской области. Значительная доля в рыбном хозяйстве принадлежала женщинам, их численность на производстве возросла вдвое.

Активно участвовала в рыболовстве и молодежь. По инициативе комсомольских организаций в каждом промысловом хозяйстве были организованы комсомольско-молодежные бригады, боровшиеся за звание фронтовых. В рыбацкое дело были вовлечены школьники. Особенно хорошо работала ученическая бригада Салехардской средней школы во главе с Юрием Прибыльским. Его бригада трудилась на промысле Каменка по 12...14 ч, перевыполняя нормы вылова рыбы в 1,5...2,0 раза.

8.3. Сибирь в рамках правительственных стратегий «освоения»

15 декабря 1926 года в Новосибирске открылась первая в истории Сибири научно-исследовательская конференция – Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Основной вопрос – выбор стратегии развития производительных сил Сибирского края. При обсуждении данного вопроса столкнулись две крайние точки зрения:

- исключительно сырьевая направленность развития производства Сибири для удовлетворения потребностей традиционных промышленных центров страны;

- автономизация – т. е. превращение Сибири в независимый индустриальный регион, использующий в собственных интересах локальные выгоды своего положения, вытекающие из наличия сырьевых и энергетических ресурсов.

Авторы концепции «автономизации» допускали возможность привлечения иностранных капиталов для быстрого освоения ресурсов Сибири с тем, чтобы добиться высоких темпов роста ее экономики.

Вместе с тем результаты данной дискуссии были предопределены решениями состоявшегося годом ранее XIV съезда ВКП (б) (декабрь 1925 года), который при рассмотрении проблем создания Урало-Кузнецкого комбината (УКК) отметил, что УКК – это вторая угольно-металлургическая база Союза. Иначе говоря, речь идет не о разрешении местных хозяйственных задач нашего Востока, а о разрешении общесоюзных задач, в частности по углю и металлу.

Тем самым во второй половине 1920-х гг. был фактически определен новый стратегический подход к развитию экономики восточных районов страны – создание на базе уникальных природных ресурсов комплексов взаимосвязанных производств, обеспечивающих решение общесоюзных задач. Основными принципами, отраженными в конкретных проектировках развития отраслей хозяйства Сибири, являлись следующие:

во-первых, принципы социалистического комбинирования;

во-вторых, принцип форсированной социалистической индустриализации отсталых национальных окраин и районов;

в-третьих, создание условий для устранения противоположности между городом и деревней;

в-четвертых, размещение производительных сил согласно интересам обороноспособности и освобождения от иностранной зависимости.

Если в конце XIX в. внешнеполитическое решение лежало в основе решения вопроса о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали – ведущего мегапроекта на территории Сибири и на Востоке страны. То во второй половине 20-х гг. XX в. политические решения уже пронизывали процесс подготовки и принятия всех экономических решений, связанных с развитием производительных сил. Соответственно системе предпочтений при подготовке и выборе решений меняются и способы координации хозяйственных единиц и, в конечном счете, формы организации промышленности. Формируется институциональная система, ориентированная на достижение преимущественно неэкономических целей и задач. Эту систему во все большей степени начинают отличать не только специфические планово-распределительные механизмы координации, но и весьма специфическая материально-технологическая структура активов (зданий, сооружений, систем коммуникаций, систем управления технологическими процессами и проч.).

Поэтому сопоставление результатов развития, например, сибирской экономики до 1917 г. с результатами, имевшими место после начала индустриальных преобразований с конца 20-х гг., нам представляется не совсем корректным. С другой стороны, понимание и оценка роли и значения принципиально иных по характеристикам функционирования активов экономики Сибири, созданных в условиях планово-распределительной экономики, позволяет

глубже понять проблемы и задачи трансформационных процессов конца XX столетия.

Ускоренное индустриальное экономическое развитие Западной Сибири – и всей Сибири в целом – было начато с реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината. Данный проект охватывал не только территорию современной Кемеровской области, но и Новосибирской области, и частично Алтайского края.

Предложения по данному проекту основывались на работах и разработках, выполненных в дореволюционные годы. С этой точки зрения судьба УКК очень напоминает судьбу программ электрификации России. Как было показано Ю. Карякиным, «первые крупные электроэнергетические объекты, названные огромным достижением Советской власти были как раз те, которые начали осуществляться задолго до Октябрьского переворота».

На протяжении более чем тридцати лет – примерно до середины 50-х годов – юго-восточная часть Западной Сибири становится основным районом индустриальных преобразований в регионе.

В практике проектирования УКК и его последующей реализации были впервые в полной мере использованы методы комплексного регионального планирования. При этом все варианты УКК были тесно связаны с экономической и политической конъюнктурой соответствующего этапа социалистического строительства. Проект создания УКК рассматривался как комплексный межрегиональный проект, связанный не только с развитием производства угля и металла, но также с развитием взаимосвязанных отраслей и производств – таких как, производство цветных металлов, машиностроение, коксохимия, электроэнергетика и проч. Причем развитие данных производств рассматривалось в тесной связи друг с другом. Тем самым решалась проблема формирования достаточно емкого «рынка» сбыта продукции данных производств на территории, прежде всего, Западной Сибири.

Просматривались также возможные перспективы развития и отдаленных территорий, таких как Север Западной Сибири – Тобольский и Енисейский.

Ускоренные темпы реализации проекта сооружения УКК кардинально изменили экономическую карту Западной Сибири. С индустриализацией края изменилось размещение его производительных сил. Быстро вырос Ново-Кузнецкий индустриальный центр, с металлургическим заводом, коксохимическим комбинатом и рай-

онной электростанцией. Кемерово превратился в мощный район химической промышленности, Новосибирск – в центр машиностроительной промышленности.

Проект УКК стал системообразующим для экономики всей Западной Сибири – за ним последовал приток населения, развитие транспортной и социальной инфраструктуры (рост городов), развитие других секторов экономики.

Реализация проекта создания УКК положила начало этапу бурной индустриализации экономики Западной Сибири, а также значительно расширила число факторов и условий, определяющих сравнительные преимущества данного региона в межрегиональном разделении труда. К факторам и условиям, определяющим сравнительные преимущества экономики Западной Сибири, стали во все большей степени относиться производственно-технический потенциал предприятий, а также навыки и квалификация занятых на данных предприятиях работников.

Территориальные рамки индустриального развития Западной Сибири очень быстро охватили районы Кемерово, Новокузнецка, Новосибирска и Барнаула – прежде всего обширной южной зоны. Также в предвоенные годы начинается индустриальное развитие Омского промышленного узла. В основном интенсивное экономическое развитие было связано с созданием машиностроительных предприятий, при этом значительная их часть на начальном этапе была ориентирована на выпуск сельскохозяйственной техники и транспортных средств.

В 20-е годы г. Омск становится центром сельскохозяйственно-го машиностроения Сибири. Завод «Красный пахарь» производил плуги и бороны, Сибзавод – веялки, молотилки и проч. В 1933 г. состоялось открытие новой, самой мощной в СССР, Омской биофабрики, которая призвана была обслуживать все свиноводческие совхозы и колхозы Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока. Крупнейшей новостройкой в г. Омске в 30-е годы была реконструкция, а по сути – сооружение нового паровозовагоноремонтного завода.

В 1930 г. было начато строительство завода сельскохозяйственного машиностроения «Сибкомбайн» в Новосибирске. Также в Новосибирске в предвоенные годы было начато строительство таких крупнейших предприятий, как металлургического завода, оловозавода, заводов «Тяжстанкогидропресс», строитель-

ных машин, стрелочного, паровозоремонтного, пластмасс (химический) и ряда других предприятий тяжелой промышленности (сооружение которых было закончено уже в военные годы).

В результате к началу Великой Отечественной войны города Западной Сибири – прежде всего Новосибирск, Омск, Барнаул, Бийск – сформировались как крупные центры машиностроения не только регионального, но общесоюзного значения.

Развитие данных центров индустриального развития обеспечивалось не только за счет интенсивного притока инвестиций, но и за счет интенсивной миграции трудоспособного населения из других регионов страны. С 1926 по 1939 г. на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток из других районов СССР переехало свыше 3 млн человек.

Переброска важнейших промышленных предприятий из западных районов страны на Восток в военные годы способствовала дальнейшему усилению промышленной специализации городов южной зоны Западной Сибири. Так, например, только Омская область приняла свыше 100 предприятий из западных регионов страны.

О масштабах и темпах индустриального развития в военные годы свидетельствует пример Алтайского края – если всего за 1929–1965 гг. было построено и введено в действие 276 крупных промышленных предприятий, то только в период Великой Отечественной войны было построено 51 крупное предприятие. Вступили в строй такие крупные предприятия, как: в 1941 г. – вагоностроительный завод, завод мехпрессов; в 1942 г. – Алтайский тракторный, «Алтайсельмаш», «Электропечь», Бийский котельный, Славгородский завод мехпрессов; в 1943 г. – Алтайский завод тракторного электрооборудования; Барнаульский котельный завод; в 1945 г. – завод «Молмашстрой» и др.

К концу войны ведущие индустриальные центры Западной Сибири сложились не только как крупные центры машиностроения, но и как крупные военно-промышленные центры. Целый ряд крупных промышленных предприятий – таких как упомянутый выше «Сибкомбайн» («Сибсельмаш», г. Новосибирск), паровозоремонтный завод (Завод транспортного машиностроения, г. Омск) и многие другие стали крупнейшими не только в стране, но и в мире производителями продукции военного назначения. В дальнейшем военно-промышленная специализация крупных индустриаль-

ных центров Западной Сибири стала доминирующей – не случайно поэтому, например, в 1991 году на 370 оборонных предприятиях Новосибирской области была занята почти треть трудоспособного населения.

На территорию Восточной Сибири с сентября 1941 г. по февраль 1942 г. прибыло 32 оборонных завода. Именно они стали основой восточно-сибирской оборонной промышленности. На конец 1942 г. из 18 оборонных предприятий Красноярского края и Иркутской области 14 – впервые возникли и развернулись на базе эвакуированных. Увеличилась не только численность оборонных предприятий, но и изменился характер размещения промышленности. Возникли совершенно новые отрасли производства: паровозостроение, сельскохозяйственное машиностроение, гидролизная промышленность и промышленность по производству жидкого топлива, артиллерийского и минометного вооружения, боеприпасов, киноплочное производство, на новый, более высокий уровень поднялась авиационно-строительная промышленность и другие.

Ключевым направлением в работе оборонных предприятий Восточной Сибири стало производство боеприпасов, им занимались практически все заводы и мастерские, кроме специализированных предприятий (№863, им. Карла Маркса, Канский завод молочных консервов, Лисихинский кирпичный завод, Березовская МТМ, ремесленные училища, мастерские спецторга НКВД и др.). Особенностью этого этапа в развитии оборонной промышленности стало широкое привлечение к выпуску оборонной продукции гражданских предприятий (к началу 1942 г. только в Красноярском крае их насчитывалось 41).

Доля оборонных предприятий Восточной Сибири в общесоюзном производстве патронов составила 0,3 %, снарядов, мин и гранат – 3 %, различных бомб – 4,1 %. Помимо выпуска боеприпасов оборонная промышленность производила и специализированную военную продукцию: арт. системы и пушки (1,3 %), боевые катера (1,8 %), боевые самолеты (2,6 %), минометы (5 %).

За годы войны объем промышленного производства в Западной Сибири увеличился почти в три, а в Восточной – в полтора раза. Как показано выше, рост происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии.

Важнейшей особенностью создания многих предприятий, выпускающих военно-техническую продукцию, стало то, что многие

из них являлись дублерами аналогичных предприятий, расположенных в европейской части страны.

Вместе с тем в Западной Сибири за годы войны сильно отстало развитие традиционной экономики – промышленности строительных материалов, легкой и, особенно, пищевой промышленности.

В 1930-х гг. началось сооружение БАМа. По замыслу инициаторов проекта, магистраль должна была стать второй железнодорожной трассой, позволявшей связать порты Атлантического и Тихого океанов.

В 1937 г. определено общее направление трассы БАМа: Тайшет – Братск – северная оконечность Байкала – Тындинский – Усть-Ниман – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань. В 1938 г. началось строительство западного участка от Тайшета до Братска, а в 1939 г. – подготовительные работы на восточном участке от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани.

С окончанием Великой Отечественной войны сооружение БАМа возобновилось, но в 1947 г. последовали коррективы, направлявшие железнодорожное строительство в районы Крайнего Севера. В 1953 г. строительство Полярной магистрали было консервировано и затем оставлено без дальнейшего хозяйственного использования.

Новый этап интенсификации транспортного строительства в Сибири был связан с освоением целинных и залежных земель. Под целинную программу предполагалось построить не менее 20 тыс. км автомобильных дорог, столько же железнодорожных узкоколеек, соорудить Южно-Сибирскую железнодорожную магистраль. Выполнение этих планов оказалось нереальным. Замыслы, касающиеся строительства сети железнодорожных узкоколеек, подверглись серьезной и вполне обоснованной, объективной критике и не получили одобрения. Южно-Сибирская железнодорожная магистраль вошла в строй, пожалуй, лишь потому, что основной участок Транссиба оказался крайне перегруженным.

В апреле 1974 г. БАМ был объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой, сюда отправляли массы молодых людей на стажировку. В 1977 г. была сдана в постоянную эксплуатацию линия Бам – Тында, а в 1979 г. линия Тында – Беркамит. Основная часть дороги строилась более 12 лет – с 5 апреля 1972 г. по 27 октября 1984 г., а 1 ноября 1989 г. весь новый трёхтысячекилометро-

вый участок магистрали был сдан в постоянную эксплуатацию в объеме пускового комплекса. Самый длинный в России Северо-Муйский тоннель (15 343 м), строительство которого началось в мае 1977 г., был пробит до конца только в марте 2001 г. и сдан в постоянную эксплуатацию в декабре 2003 г.

Новая широтная транссибирская магистраль (БАМ и Севсиб – ее продолжение к западу) была призвана обеспечить транзитные связи между Дальним Востоком и западными частями страны, а также должна была стать опорной для меридиональных линий, которые прокладывались в районах Крайнего Севера. При этом новой примагистральной зоне отводилась роль системы баз освоения более северных территорий. В качестве таких баз могли выступать как отдельные объекты, так и их взаимосвязанные территориальные сочетания, расположенные в примагистральной зоне. БАМ справедливо называют трассой дружбы и братства. Ее строили представители 70 национальностей СССР. Была разработана Генеральная схема районной планировки зоны влияния БАМа, учитывающая региональные особенности трассы, специфические факторы хозяйственного освоения прилегающих к ней территорий, а также многонациональные особенности архитектурно-планировочных решений, строительного искусства всех республик, участвующих в обустройстве магистрали. Однако, по мнению экономистов, проект обошелся примерно вчетверо дороже, чем предполагалось, и в полном объеме так и не был никогда завершен.

Современная транспортная система Сибири и Дальнего Востока характеризуется локализацией ее наиболее развитых составляющих (железнодорожная и автомобильная сеть) в зоне экономического воздействия построенного на рубеже XIX–XX вв. Транссиба. Северные пространства Сибири и Дальнего Востока находятся в прежнем состоянии «транспортной пустыни».

Согласно «Стратегии-2030» объем инвестиций в БАМ составит около 400 млрд руб. Будет построено 13 новых железнодорожных линий общей протяженностью около 7 тыс. км. Это в первую очередь такие грузообразующие линии, как Лена – Непа – Ленск, Хани – Олёкминск, Новая Чара – Апсатская, Новая Чара – Чина, Шимановская – Гарь – Февральск, Улак – Эльгинское месторождение. Все эти планы и стратегии не позволяют называть БАМ дорогой без будущего.

В марте 1946 г. Верховным Советом СССР был принят Закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946–1950 гг. В нем предусматривалось первоочередное восстановление тяжелой промышленности и транспорта, без которых невозможно было возрождение и развитие всего народного хозяйства. Основной упор в капитальных вложениях делался на развитие хозяйства западных областей, пострадавших от военных действий.

Из-за этого в 1946–1950 гг. удельный вес Сибири в капитальных вложениях государства по сравнению с военным периодом заметно уменьшился. Более того, часть оборудования и обслуживающего персонала была реэвакуирована из Сибири в Европейскую Россию, что ослабило экономический потенциал макрорегиона. Остро нуждалась в расширении энергетическая база. Необходимо было увеличить мощности машиностроения и металлообработки, особое внимание намечалось уделить развитию химии, в том числе производству жидкого топлива, удобрений, медикаментов, развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток наряду с северными районами европейской части РСФСР должны были стать основными поставщиками древесины не только на внутренние рынки страны, но и на экспорт.

С окончанием войны потребность в трудовых ресурсах в Сибири сохранялась на высоком уровне, тем более советским правительством был взят курс на ускоренное индустриальное развитие региона. Принудительный труд спецконтингента применялся на строительстве и обслуживании многих промышленных объектов Восточной Сибири. В Иркутской области при активном участии спецпереселенцев, заключенных, военнопленных строился город Ангарск, нефтехимический комбинат, в Усолье-Сибирском – завод горного оборудования. Труд заключенных широко использовался при строительстве железной дороги Тайшет – Лена, вокзалов и всей социальной инфраструктуры придорожных поселков – Вихоревка, Чуна, Анзеби и др.

В 1950-х гг. принудительный труд продолжали использовать в заготовке и переработке древесины в Чунском районе. Значительное количество спецпереселенцев из Литвы было задействовано на предприятиях трестов «Востсиблес» и «Иркутхимлес»,

Игарском лесокомбинате. В леспромхозах Восточной Сибири в конце 1940-х гг. спецпереселенцы составляли около 30 % трудовых коллективов. Многие из них отличались трудолюбием и высокой производительностью.

При участии спецконтингента развивался Тайшетский промышленный узел. Здесь были построены шпалопропиточный и авторемонтный заводы, гидролизный завод в Бирюсинске. Осетровский речной порт в Усть-Куте, ставший опорным пунктом для заезда грузов на Север по Лене и ее притокам, возвели с участием спецконтингента.

В послевоенный период происходило постепенное упразднение крестьянской («кулацкой») ссылки, завершившееся принятием в 1953–1954 гг. ряда законодательно-нормативных актов, окончательно выведших репрессированных крестьян из состава ссыльных «спецконтингентов». Поэтапная ликвидация этнической ссылки проходила в 1954–1960 гг. Отказ от системы массовых спецпоселений означал не упразднение института высылки и ссылки, а избавление его от экстраординарных форм. В конце 1950-х гг. насчитывалось около 9 тыс. ссыльных, среди которых более половины составляли осужденные за уголовные преступления (5,5 тыс.), по Указу от 23 июня 1951 г. (бродяги и попрошайки – 2,7 тыс.), осужденные за «контрреволюционные преступления» – 87 человек.

После смерти Сталина в 1953 г. условия содержания спецконтингента стали постепенно смягчаться, часть из них была освобождена и амнистирована в течение второй половины 1950-х гг., последовала отмена спецпоселений. Руководство страны признало подневольный труд неэффективным и малопродуктивным. Многие невольные переселенцы в Сибирь после освобождения вернулись на родину. Но значительная часть осталась и влилась в ряды свободных строителей громадных строек Сибири второй половины XX в. Однако понадобилось еще время для того, чтобы общество ощутило необходимость полной реабилитации невинных жертв сталинизма, для некоторой части которых Сибирь стала второй родиной.

Во время второй послевоенной пятилетки (1951–1955 гг.) Сибирь также не входила в число приоритетных макрорегионов. Увеличение выпуска промышленной продукции происходило здесь медленнее, чем по СССР в целом. Как следствие доля Сибири в общесоюзном производстве снизилась.

Во второй половине 1953 г. начались кардинальные изменения в экономике СССР. В соответствии с новыми решениями были сделаны практические шаги в использовании природных богатств Сибири: расширились поиски и освоение новых месторождений нефти, газа, железных руд, цветных и редких металлов, титана марганца и строительных материалов.

Перспективы экономического развития Сибири определялись тем, что здесь было сосредоточено почти три четверти всех минеральных топливно-энергетических ресурсов страны, более половины потенциальных гидроэнергетических ресурсов, промышленной древесины и пресной воды. Индустриальное развитие края в значительной мере носило характер пионерного освоения: в процессе строительства объектов здесь создавались транспортная сеть, производственная и социально-бытовая инфраструктура, возводились города.

Экономический потенциал Сибири в решающей степени определялся состоянием ее гидроэнергетики. Сибирская энергетика в 1950-х гг. переживала небывалый подъем. Строительство первой крупной ГЭС Западной Сибири – Новосибирской – началось в 1950 г. В 1957 г. она дала первый ток, а в 1959 г. был пущен в строй последний агрегат. Получаемая энергия использовалась районами Кузбасса, Западно-Сибирской железной дорогой и т. д.

В 1950-е гг. началась реализация Ангаро-Енисейского проекта, основу которого составило сооружение крупных ГЭС и КЭС в Восточной Сибири. Были введены в строй Иркутская (1956 г.) и Братская (1961 г.) ГЭС на Ангаре, а затем крупнейшая в то время Красноярская ГЭС (1967 г.) на Енисее. Третьей ступенью Ангарского каскада стала Усть-Илимская ГЭС (1974 г.). На ее базе был создан Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. Во второй половине 1970-х гг. началось возведение Богучанской ГЭС – четвертой станции Ангарского каскада. В конце 1970-х гг. на юге Восточной Сибири дала первый ток крупнейшая в СССР и одна из трех сильнейших ГЭС планеты – Саяно-Шушенская.

Одновременно с гидростанциями в Сибири строились и тепловые. Так, на базе Канско-Ачинского бурогоугольного бассейна велось строительство крупной электростанции – Назаровской. Сооружением мощных магистральных ЛЭП Назарово – Кузбасс и Братск – Тайшет было положено начало созданию объединенной электроэнергетической системы Сибири. С середины 1960-х гг.

Сибирь занимает первое место среди экономических районов России по производству электроэнергии.

Небывалыми в истории были темпы развития нефтяной и газовой промышленности Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). В сентябре 1953 г. около села Березово ударил первый фонтан сибирского газа. В июне 1960 г. около села Шаим Тюменской области было открыто первое в Сибири нефтяное месторождение промышленного значения, а в 1964 г. здесь началась промышленная добыча нефти. В 1965 г. в Тюменской области был добыт первый миллион тонн нефти. Уже в 1971 г. сибирские нефтяники достигли рубежа 100 млн т, а в 1974 г. Западная Сибирь по добыче нефти вышла на первое место в СССР, обогнав Кавказ и Татарию. Благодаря Сибири в том же году СССР опередил по добыче нефти США.

Несколько медленнее происходило наращивание добычи газа, однако к середине 1980-х гг. темпы роста добычи газа в Западно-Сибирском регионе превзошли нефтедобычу. Более того, к 1990 г. по объемам газодобычи СССР превзошел США в 2 раза. До 80 % приходной части топливного баланса страны составляли нефть и газ, добытые в Западной Сибири. Таким образом, в небывало короткие сроки в Сибири был создан центр нефтегазодобычи мирового значения.

За период советского развития в Сибири сформировался один из мощнейших в мире ТЭК, включавший все основные подотрасли. Его основу составили ЗСНГК и Кузнецкий угольный бассейн в Западной Сибири, Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс и каскад мощных гидроэлектростанций на Ангаре и Енисее в Восточной Сибири. Дешевые источники энергоресурсов позволили развиваться электроэнергетике – в рамках региональных электроэнергетических систем, вошедших в объединенную электроэнергетическую систему Сибири. Развитие ТЭК Сибири во многом определило формирование всей экономики региона. Рост добычи нефти и газа потребовал огромных капиталовложений, правда, впоследствии выгоды от развития ТЭК Сибири многократно превысили соответствующие затраты.

Таким образом, развитие отраслей ТЭК позволило быстро осваивать обширные сибирские территории, как южной зоны, так и Севера. Благодаря этому Сибирь заняла ведущие места по производству алюминия, никеля, кобальта, меди, платины и платинои-

дов, стратегических видов топлива, по некоторым видам нефтепереработки, органической и основной химии и целлюлозному производству.

На протяжении всего советского периода ТЭК Сибири играл важную, часто определяющую интеграционную роль в процессе формирования производственной и пространственной структуры региона.

В 1950-е гг. в Сибири был введен в действие лишь один металлургический завод – Сибэлектросталь в Красноярске. Важной вехой в развитии черной металлургии в последующие годы стало сооружение в 1957 г. второго в Сибири завода с полным металлургическим циклом – Западно-Сибирского металлургического комбината, который в 1964 г. дал первый чугун. Оно рассматривалось как первый шаг по созданию в Сибири «третьей угольно-металлургической базы СССР». Сооружение Запсиба значительно усилило черную металлургию Сибири.

Развитие цветной металлургии Сибири в советский период шло по трем основным направлениям. Первое направление – эксплуатация собственных месторождений цветных и благородных металлов со строительством горно-металлургических или горно-обогатительных комбинатов. Таким путем разрабатывались месторождения медно-никелевых руд в Норильском промышленном районе, молибденовых в Хакасии, вольфрамомолибденовых, плавикошпатовых, оловянных и редкоземельных – в Забайкалье, свинцово-цинковых – в Алтайском и Красноярском краях, Кемеровской и Читинской областях. Второе направление – создание предприятий по переработке сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Это комплекс предприятий Новосибирска и Новосибирской области – оловокомбинат, завод редких металлов, алюминиевый завод, электродный завод, а также Красноярский завод цветных металлов и Беловский цинковый завод (Кемеровская область). Третье направление – ориентация на эксплуатацию дешевых гидроэнергетических ресурсов при размещении предприятий алюминиевой промышленности. В России все крупные алюминиевые заводы с производственной мощностью свыше 200 тыс. т металла в год были построены в Сибири. Вблизи гидроэлектростанций находятся Братский, Иркутский, Красноярский и Саянский заводы, а Новокузнецкий завод – в регионе с крупными энергетическими установками на относительно дешевом топливе. При этом работают они

главным образом на привозном глиноземе. Роль сибирских предприятий в цветной металлургии страны и ее подотраслях сложно переоценить. Так, к середине 1980-х гг. на сибирских предприятиях производилось около 30 % всей товарной продукции цветной металлургии России, причем большая часть этого объема приходилась на Восточную Сибирь.

Высокими темпами начала развиваться химическая промышленность Сибири, сырьем которой служили древесина, уголь, нефть. В 1950-е гг. в Сибири начинают развиваться лесохимия, углехимия и нефтехимия. В эти годы вступили в строй Бирюсинский гидролизный завод, Красноярский завод синтетического каучука, Красноярский шинный завод, Омский и Ангарский нефтеперерабатывающие заводы. Во второй половине 1970-х гг. в Сибири были построены еще три нефтехимических предприятия – в Томске, Тобольске и Ачинске. К 1980-м гг. они давали 30 % всего капролактама, 50 % фенольно-формальдегидных смол.

В Сибири большое значение имели лесная и деревообрабатывающая промышленность. Здесь были созданы крупнейшие Братский, Красноярский и Усть-Илимский лесоперерабатывающие комплексы, в также Байкальский и Селенгинский целлюлозно-бумажные комбинаты. Таким образом, Сибирь давала почти 1/3 всей древесины, заготавливаемой лесопромышленностью СССР. Одна из проблем, с которой столкнулась большая химия, – загрязнение окружающей среды и как следствие – обострение экологической ситуации в Сибирском регионе.

Как известно, уровень экономики определяется прежде всего развитием обрабатывающей промышленности, которая в Сибири в предшествующие десятилетия уступала добывающей.

В 1950–80-е гг. в Сибири были построены заводы тепловозного оборудования в Новосибирске, химического машиностроения в Кемерове, математических машин в Томске, комплекс предприятий электротехнической промышленности в Минусинске, машиностроительные заводы на Алтае и др. Одним из центров сибирского машиностроения являлся Новосибирск. Крупный узел предприятий преимущественно тракторного и сельскохозяйственного машиностроения сформировался на Алтае – в Рубцовске и Барнауле. Однако новых машиностроительных заводов в Сибири было недостаточно, замедлялись темпы прироста продукции. Особенно остро сказывалось техническое отставание машиностроения и других от-

раслей обрабатывающей промышленности. Техническое отставание было связано и с разрывом между наукой и производством. К сожалению, большой научно-технический потенциал региона не был использован в полной мере.

К концу 1980-х гг. в Сибири работало 85 предприятий и научно-исследовательских учреждений военно-промышленного комплекса (ВПК). Крупнейшим центром военной промышленности к 1960-м гг. стал Новосибирск. Новосибирская область производила 30 % военной продукции Сибири. Первую группу предприятий сибирской оборонной промышленности составили эвакуированные во время войны заводы. В 1950-е гг. в Сибири появились закрытые «атомграды»: Красноярск-26 и Томск-7, где в 1953 г. был получен первый обогащенный уран, а в 1955 г. пущен первый атомный реактор. В 1958 г. в Томске-7 заработала первая в Сибири атомная электростанция. Весь комплекс созданных здесь производств получил в 1967 г. официальное название «Сибирский химический комбинат», он стал крупнейшим промышленным центром на востоке страны. К концу 1980-х гг. химкомбинат в Северске включал восемь заводов и ТЭЦ, а также атомную электростанцию (АЭС). Комбинат специализировался на производстве делящихся материалов и создании из них ядерных и термоядерных зарядов для боеголовок ракет. К этому времени доля военной продукции в общем объеме производства комбината составляла 80 %, к середине 1990-х гг. в результате конверсии удельный вес военного заказа снизился до 5 %. На СХК создано и функционирует высокотехнологичное производство. За годы работы на комбинате зафиксировано 30 аварий и инцидентов. Вместе с тем, по оценкам экспертов, аварии не носили характера крупных катастроф, имевших место в конце 1950-х гг. на Урале (комбинат «Маяк»).

Отметим, что восемь из тринадцати атомных реакторов СССР, производивших обогащенный уран и оружейный плутоний, размещены в Сибири. Военные предприятия определяли лицо многих сибирских городов. Правда, и в этой сфере были свои противоречия и недостатки. Так, весь ВПК Сибири, ориентированный только на государственные заказы, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. начал терять свои позиции. Многие военные предприятия, во-первых, лишившись госзаказа, остановились или с трудом переходили на выпуск гражданской продукции, а во-вторых, те предприятия, которым удалось выжить в этих условиях, не всегда выдержи-

вали конкуренцию иностранных производителей, все более активно завоевывавших российский рынок наукоемких товаров.

Одной из попыток решить проблему использования ресурсов Сибири в интересах народного хозяйства стало создание территориально-производственных комплексов (ТПК). С их помощью предполагалось укрепить хозяйственные связи республик. Так, в Сибири были предприняты попытки создания нескольких ТК (Средне-Обский, Братско-Илимский, Саянский, Южно-Якутский и др.). Однако экономистами так и не были найдены методы эффективного управления ТК, которые позволили бы сочетать интересы отраслевых ведомств и регионов. Среди трудностей сибирской экономики оставалось нерациональное использование сырья.

Итоги индустриального развития Сибири во второй половине XX в. были весьма неоднозначны. Не оспаривается тот факт, что в Сибири за эти десятилетия был создан мощный промышленный потенциал. Возведение колоссальных гидроэлектростанций, ЛЭП и атомных электростанций, освоение нефтегазового комплекса, строительство БАМа – все это достижения развития экономики Сибири и победа рядовых сибиряков. Вместе с тем приоритетное внимание к отраслям военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов усугубляло деформации в структуре промышленности. Директивное управление, недостаточный учет региональных особенностей производства вели к падению экономических показателей индустриального развития, а значит, и к социальным противоречиям.

Вопросы для самоконтроля

1. Как культ личности проявлялся в Сибири?
2. Назовите наиболее известные сражения Великой Отечественной войны, в которых значительную роль играли сибиряки.
3. Охарактеризуйте положение малочисленных этносов в послевоенные годы.

9. РОССИЯ И СИБИРЬ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

9.1. Сибирь в пространстве российского выбора

В силу своего географического положения и наличия природных ресурсов Сибирь занимает исключительно важное место в экономике и системе безопасности России. Макрорегион является не только связующим звеном между Дальним Востоком и европейской частью страны, но и мостом между зарубежной Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Это традиционный объект геополитических устремлений сопредельных государств.

Субъекты Федерации Сибирского федерального округа (СФО) занимают площадь 5114,8 тыс. км², что составляет около трети от всей территории России. При этом протяженность сухопутных государственных границ составляет 7269,6 км.

Сибирь обладает уникальным по объему и качеству природно-ресурсным потенциалом. По многим видам добычи сырья Сибирский регион доминирует в Российской Федерации. Высокая обеспеченность природными ресурсами создает хорошие стартовые условия для ускоренного развития экономики Сибири как важнейшего фактора экономической стабильности и динамичного развития страны в целом.

Несмотря на некоторые позитивные тенденции в развитии Сибири (рост удельного веса Сибирского федерального округа в ВВП России, увеличение в ряде регионов государственных инвестиций и др.), остаются острые проблемы, образующие в своей совокупности ситуацию кризиса. В их числе:

- прогрессирующая деиндустриализация макрорегиона;
- истощение минерально-сырьевых промышленных запасов как следствие сокращения в течение длительного времени объемов геолого-разведочных работ;
- нарастающий износ производственных фондов (в настоящее время он составляет более 55 %);
- неэффективное использование государством научно-технического потенциала Сибири для модернизации производственного аппарата, изменения структуры промышленного производства макрорегиона и увеличения финансовых ресурсов;
- дальнейший рост в структуре экспорта доли сырьевых ресурсов;

- снижение и без того низких в сравнении с общероссийскими показателями среднедушевых доходов населения;
- продолжающееся снижение уровня занятости населения и повышение уровня безработицы;
- дальнейшее ухудшение состояния жилищно-коммунального хозяйства (износ коммуникаций городского хозяйства превышает 60 %; удельный вес ветхого и аварийного жилья выше среднероссийского показателя и составляет более 4 %; объем жилищного строительства в субъектах Федерации СФО на душу населения в 1,3 раза меньше аналогичного показателя в среднем по России);
- сокращение численности наличного населения Сибири (почти на 100 тыс. чел. ежегодно) как следствие высокой смертности и отрицательных миграционных потоков, а также следующее за этим разрушение производственной и социальной инфраструктуры (при этом особенно удручает нарастающая депрофессионализация кадров экономики: из Сибири ежегодно безвозвратно выезжает от 30 до 50 тыс. квалифицированных специалистов).

Рассматривая проблемы социально-экономического развития Сибири и стратегические подходы к формированию социально-экономической политики в Сибирском регионе, важно учитывать опыт, накопленный в предшествующие годы

Постановлением от 19 декабря 1998 г. Правительство Российской Федерации утвердило ФЦП «Сибирь», однако средств на ее финансирование из федерального бюджета практически не выделялось, а с 2001 г. финансирование программы было приостановлено.

На следующем этапе по инициативе аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе и МА «Сибирское соглашение» в тесном взаимодействии с федеральными органами власти, СО РАН, СО РАСХН, СО РАМН была разработана Стратегия экономического развития Сибири. Этот документ был утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 июня 2002 г. В нем определены долгосрочные ориентиры экономического развития и принципы государственной экономической политики в отношении Сибири, предусматривающие диверсификацию экономики, значительное усиление инновационной составляющей в экономической динамике и рост уровня жизни населения Сибири.

Обозначенные в Стратегии установки при соответствующей работе федеральных и региональных органов государственной вла-

сти в целом создавали предпосылки для реализации стратегических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако этого не произошло. За все время действия Стратегии доля регионов Сибирского федерального округа в общем объеме финансирования федеральных целевых программ и федеральных адресных инвестиционных программ не превышала 5,0...7,5 %, что более чем в 2 раза ниже доли округа в общей численности населения страны.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации бизнес-сообщество Сибирского федерального округа приняли очередную попытку изменить ситуацию за счет межрегиональной координации своих действий. Первым шагом в этом направлении явилась разработка новой версии стратегического плана развития Сибири – документа «Стратегия Сибири: партнерство власти и бизнеса во имя социальной стабильности и устойчивого роста», одобренного решением совместного заседания Совета при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе, Высшего экономического совета Сибирского федерального округа и Совета МА «Сибирское соглашение» (16 ноября 2005 г., Новосибирск). При создании этого документа был использован проектный принцип: в его основу положены инвестиционные проекты, в реализации которых могли быть заинтересованы как население и органы власти регионов, так и крупный частный бизнес. Всего было обозначено 34 макропроекта. В качестве главного элемента механизма реализации стратегии были предложены различные инструменты государственно-частного партнерства.

29 марта 2006 г. в Иркутске на совместном заседании Совета при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе и Совета МА «Сибирское соглашение» была рассмотрена и одобрена в целом Концепция Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Сибири (2008–2020 годы)». Этот документ был подготовлен на базе последней версии Стратегии с некоторым расширением списка инвестиционных проектов, произведенным после консультаций с субъектами Федерации. В Минэкономразвития России, Минрегионе России, Минфине России и других федеральных министерствах состоялось его обсуждение. Признана целесообразность реализации комплексного программно-целевого подхода к социально-экономическому развитию Сибири. К сожалению, дальнейшие дей-

ствия по разработке самой программы практической поддержки на федеральном уровне пока не получили.

Таким образом, ни один из рассмотренных выше документов в настоящее время фактически не реализуется. Однако сам факт их разработки и обсуждения в министерствах и ведомствах, в деловых и научных кругах, среди региональных элит сформировал условия, позволяющие перейти к качественно новым организационно-экономическим подходам к преодолению назревших проблем не только Сибири, но и Дальнего Востока. В результате в 2006–2007 гг. были приняты решения, демонстрирующие радикальное изменение отношения федеральных органов государственной власти к макрорегиону. Речь идет, прежде всего, о следующих решениях:

- создать особую экономическую зону технико-внедренческого типа в Томской области;
- создать особые экономические зоны туристско-рекреационного типа в Республике Алтай, Республике Бурятия, Алтайском крае и Иркутской области;
- построить зону игорного бизнеса в Алтайском крае;
- сформировать научно-технологический парк «Академгородок» в Новосибирске;
- создать Сибирский федеральный университет на базе четырех крупных вузов г. Красноярска;
- достроить Богучанскую ГЭС (одновременно со строительством алюминиевого завода) в рамках реализации инвестиционного проекта развития Нижнего Приангарья, ряд инфраструктурных объектов которого финансируется из Инвестиционного фонда Российской Федерации;
- построить крупный лесоперерабатывающий комбинат в Томской области;
- сформировать в г. Новосибирске крупнейший за Уралом логистический комплекс и др.

Кроме того, решаются вопросы создания транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Читинской области, строительства железной дороги в Республике Тыве, ориентированной на освоение Элегестского месторождения коксующихся углей, которая в перспективе может быть продолжена в Монголию и Китай. Ведется подготовка к эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Западной и Восточной

Сибири, Республики Саха (Якутия). Строится магистральный нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан. Планируются реконструкция нефтяных терминалов российских балтийских, черноморских, северных и дальневосточных портов, строительство магистрального газопровода для экспорта в Китай и другие страны АТР газа из месторождений Восточной Сибири.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 27 января 2007 г. создана Государственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей. Комиссия уже рассмотрела вопросы разработки новой редакции Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.»; ликвидации ветхого и аварийного жилья; реализации комплекса мер, направленных на воспроизводство минерально-сырьевой базы и долгосрочное развитие топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока, Республики Бурятии, Иркутской и Читинской областей; вопросы функционирования и перспективы развития особых экономических зон на обозначенных территориях и др.

Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.» в качестве составной части включает развитие Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей, входящих в Сибирский федеральный округ. Научная, трудовая, сырьевая и производственная база регионов Восточной и Западной Сибири является во многих случаях ресурсной базой дальнейшего ускоренного социально-экономического развития Дальнего Востока и обеспечения национальной безопасности страны на ее восточных рубежах. К примеру, Красноярский край должен обеспечить Дальний Восток необходимыми ресурсами нефти и газа, омские машиностроители – снабдить технологическим оборудованием и машинами, кемеровские металлурги – металлом, алтайские сельчане – продуктами питания, транспортники – обеспечить необходимые объемы перевозок и т. д. Общие подходы должны быть разработаны и в области формирования и использования трудовых ресурсов, планирования и реализации демографической политики.

Вместе с тем с учетом масштабности намеченных в Сибири проектов и принятых Правительством Российской Федерации решений по формам и методам их реализации для согласования дей-

ствий различных субъектов процесса ускорения социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, определения для них общих государственных приоритетов представляется целесообразным одновременно с разработкой указанного выше стратегического документа актуализировать Стратегию экономического развития Сибири, преобразовав ее в силу острой необходимости преодоления демографического кризиса в Стратегию социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа. Кроме того, потребуют уточнения в свете новых государственных приоритетов программы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Целью Стратегии должны стать ускорение социально-экономического развития сибирских территорий на основе расширенного воспроизводства трудовых и производственных ресурсов, рационального использования природных ресурсов, повышения бюджетной самодостаточности, а также оптимальная интеграция экономики Сибири в отечественную и международную экономическую системы для обеспечения геополитических и экономических интересов Российской Федерации в мировом сообществе.

9.2. Экономическое и социокультурное развитие региона

В 1990 г. доля Сибири в общем объеме выпуска промышленной продукции РСФСР составляла 12,2 %. В середине 1990-х гг. доля макрорегиона в общероссийском промышленном выпуске увеличилась до 14 % (спад шёл не так быстро, как по стране в целом). В 2000-е гг. объем промышленной продукции колебался от 10 до 12 % от общероссийского.

За 1990-е – 2000-е гг. Сибирь превратилась из региона, в котором преимущественно развивались обрабатывающие производства, в регион добычи сырья и выплавки металлов. Кроме резкого сокращения доли обрабатывающей промышленности в структуре экономики Сибири, можно выделить и другую тенденцию – резкую региональную дифференциацию в уровне развития промышленности.

Так, если в 1990 г. на долю шести регионов-лидеров (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, а также Красноярский край) приходилось чуть менее 79 % от общего выпуска, то во второй половине 1990-х – уже 86,5 %. В 2000-х

гг. данный показатель также рос, в последний предкризисный 2007 г. достигнув 88,7 %. То есть те регионы, в которых в советское время индустрия была развита, нарастили свой потенциал, а на остальных территориях произошла фактическая деиндустриализация экономики.

Среди промышленных лидеров Сибири особо можно отметить Красноярский край. Доля этого региона росла высокими темпами: к 2000 г. этот показатель по сравнению с 1990 г. увеличился почти в два раза. В первой половине нулевых годов отмечался плавный спад (почти до уровня 1995 г.), а во второй половине десятилетия – новый рост: от 20,6 до 260 %.

Не менее важной по уровню промышленного развития для Сибири остаётся Кемеровская область. Роль Кузбасса к середине 1990-х гг. заметно выросла по сравнению с началом десятилетия – в 1995 г. его доля составляла 23 % против 17 в 1990 г. Однако во второй половине 1990-х этот показатель снижался. В 2000-х, на волне роста цен на уголь, роль Кемеровской области практически стабильно возрастала, к 2008 г. достигнув 25 % от общего объёма производства сибирских территорий.

В целом сохранила свои позиции в структуре промышленного производства Сибири и Омская область – 12 %, с 4 до 7 % увеличилась доля Томской области. Два региона-лидера, в свою очередь, показали умеренное падение. Так, если для Иркутской области во второй половине 1990-х отмечалось даже некоторое превышение уровня 1990 г. (15 %), то в 2008–2009 гг. роль региона снизилась до 11...12 %. Подобную динамику показала и Новосибирская область.

Топливо-энергетический комплекс Сибири продолжает сохранять стратегическое значение для страны, поскольку до сих пор большая часть бюджета пополняется за счёт экспорта сибирских энергоресурсов.

Практически весь период 1990-х гг. добыча нефти в Западной Сибири сокращалась, хотя и незначительно. Причины спада в нефтяной отрасли были связаны с недостатком инвестиций (в развитие сырьевой базы, инфраструктуру добычи и транспортировки нефти потребителям).

Подъем в нефтедобыче наметился с 2000 г., что объясняется высокими мировыми ценами на нефть. Однако к настоящему времени большинство крупных месторождений Западной Сибири

вступили в стадию падающей добычи, и удерживать объемы производства на современном этапе становится все сложнее. Интенсификация отрасли может быть связана с увеличением объема геологоразведочных работ. Однако в связи с высокой стоимостью таких работ далеко не все нефтяные компании готовы вкладывать средства в разведку новых месторождений. На сегодняшний день некоторые перспективы открыть крупные месторождения нефти в Западной Сибири остаются, пожалуй, только на Ямале, где на севере Ямало-Ненецкого автономного округа активные работы ведет «Газпром». Здесь планируется добывать до 30 млн т нефти в год. Поддержание темпов добычи в Западной Сибири могут обеспечить только небольшие компании на малых месторождениях. Для рентабельности их деятельности требуется изменить налоговую систему. Также необходимо активнее использовать механизмы государственно-частного партнерства, поскольку привлечение частного капитала (акционеров) напрямую зависит от перспектив роста нефтедобычи.

Выходом из ситуации падения добычи нефти в Западной Сибири может стать разработка месторождений Восточной Сибири, где вскоре будут представлены все крупные российские добывающие компании. С 2000-х гг. начали разрабатываться крупные нефтегазовые месторождения – Ванкорское в Красноярском крае (владелец – «Транснефть») и Ковыктинское в Иркутской области (владелец – «Газпром» с 2010 г.).

Развитию добычи нефти в Восточной Сибири способствует строительство и трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), ориентированного на стремительно растущие азиатские рынки. Этот нефтепровод должен соединить нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с нефтеналивным портом Козьмино в заливе Находка и с нефтеперерабатывающим заводом под Находкой. Планируемая протяженность трубопровода более 4 тыс. км. 29 декабря 2009 г. была запущена первая очередь проекта (ВСТО-1): от Тайшета (Иркутская область) до Сковородино (Амурская область) протяженностью 2694 км и мощностью 30 млн т в год. Благодаря трубопроводу ВСТО активно начала развиваться нефтегазовая отрасль в Иркутской области. По итогам 2011 г. прирост составил 3,3 млн т. В Красноярском крае нефтяная отрасль также динамично развивается за счет быстрого освоения Ванкор-

ского месторождения. К 2025 г. в Восточной Сибири нефтедобыча может составить порядка 80 млн т в год.

Важным элементом нефтяной промышленности (наряду с добычей и транспортировкой) – остаётся переработка. В 1990-е гг. нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) Сибири сократили первичную переработку нефти, что было связано с их техническим перевооружением. Перейдя в частные руки в процессе приватизации, нефтеперерабатывающие предприятия стали монополистами, что особенно проявилось в 2000-е гг., когда под контролем государства были созданы вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК). Омский и Ачинский нефтеперерабатывающие заводы, а также Ангарская нефтехимическая компания производят объём топлива, в два раза превышающий потребности Сибири.

Несмотря на это, периодически в сибирских регионах возникает дефицит топлива. Это связано с тем, что интересы ВИНК, как правило, противоположны интересам регионов, в лучшем случае, региональные интересы у крупных компаний стоят на втором плане. При этом у региональных властей практически нет инструментов влиять на топливный рынок. Единственный выход из создавшегося положения – строительство независимых от ВИНК НПЗ.

Газовая промышленность Сибири понесла наименьшие потери по сравнению с другими отраслями ТЭК и промышленности района. За 1991–1999 гг. добыча газа снизилась с 576 до 538,8 млрд м, т. е. менее чем на 10 %. К 2000-м гг. традиционная ресурсная база газодобывателей – Ямало-Ненецкий автономный округ – начала истощаться. Вектор газодобычи стал смещаться в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где суммарные запасы газа оцениваются в 67 трлн м (что сопоставимо с запасами полуострова Ямал). Важным моментом является ёмкий рынок сбыта, как внутренний (газификация восточных районов страны не превышает 6...7%), так и внешний, связанный с кратным ростом спроса на газ в государствах АТР.

В 2007 г. правительство РФ приняло Восточную газовую программу (ВГП), в соответствии с которой к 2030 г. в пяти новых газодобывающих центрах (Камчатском, Сахалинском, Якутском, Иркутском и Красноярском) должно добываться свыше 150 млрд м газа в год. Эти центры будут связаны единой газотранспортной си-

стемой, которая станет составной частью единой системы газоснабжения России и евро-азиатской газопроводной системы.

Огромное значение для отечественной экономики сохраняет угольная отрасль. В наследство от Советского Союза России достался огромный, несбалансированный и устаревший угольный комплекс. Отрасль находилась в глубоком упадке, о чем свидетельствовали нескончаемые акции протеста горняков. Бытовало мнение, что угольная промышленность вообще бесперспективна.

В начале 1990-х гг. стартовал первый этап реструктуризации. К началу 2000-х гг. в Кузбассе было закрыто около 35 шахт и уволено 20 тыс. человек. Из них большая часть осталась без работы или трудилась не по специальности. Особенно болезненным был процесс ликвидации предприятий в тех поселках и городах, в которых они были градообразующими. Проблему таких населенных пунктов не удалось решить до сих пор.

Несмотря на существенное падение спроса на уголь в кризисные годы, отрасль вышла из них без существенных проблем. Это лишний раз доказало ее жизнеспособность. В 2011 г. был достигнут наивысший показатель добычи в постсоветской России – 336,1 млн т (из которых почти 200 млн т были добыты в Кузбассе).

В конце января 2012 г. премьер-министр России В.В. Путин провел в Кемеровской области совещание, на котором была утверждена долгосрочная программа развития угольной отрасли России. Доля Восточной Сибири возрастет с 25,8 до 32 %, Дальнего Востока – с 9,7 до 15,2 %. При создании новых центров угледобычи предусматривается обязательное строительство современных обогатительных фабрик.

В настоящее время ведется работа по созданию и обустройству новых центров угледобычи в Республике Якутия, Республике Тыва и в Забайкальском крае. Там должны быть созданы углехимические и энергетические комплексы, включающие угольные разрезы, шахты, предприятия по переработке сырья и транспортную инфраструктуру.

Электроэнергетика Сибири остаётся самой мощной в стране. В Западной Сибири она представлена в основном тепловыми электростанциями, а в Восточной – как тепловыми, так и гидроэлектростанциями. Крупнейшей электростанцией, введенной в строй в постсоветское время, стала Богучанская ГЭС в Красноярском

крае (её строительство началось ещё в 1974 г., а введена в строй в 2012 г.).

Важную роль в развитии экономики Сибири будут играть небольшие ГЭС. Их активное проектирование связано с разработкой полезных ископаемых в Восточной Сибири. В число первых проектов попала Транссибирская ГЭС (мощность 400...900 МВт), которую планируется возвести на реке Шилке (приток Амура, Забайкальский край). В Томске готовится к реализации проект Сибирской атомной электростанции, которая будет станцией нового поколения мощностью до 4000 МВт.

Важнейшей отраслью сибирской промышленности остаётся металлургия. До конца 1990-х гг. черная металлургия находилась в состоянии кризиса, выражающегося в спаде объемов производства, что было связано с ее реструктуризацией – выводом из эксплуатации старых прокатных станков, мартенов, коксовых батарей и их заменой на кислородные конвертеры, установки непрерывной разливки стали, современные прокатные станы. Флагманом черной металлургии являются Западно-Сибирский и Новокузнецкий металлургический комбинаты. Летом 2011 г. произошло их юридическое слияние в рамках «Евраз Объединенный Западно-Сибирский МК».

В Восточной Сибири приоритетной отраслью остаётся цветная металлургия. В алюминиевой промышленности развивается тесная интеграция предприятий, находящихся в различных регионах России и странах СНГ. Крупнейшей компанией является «РУСАЛ».

Медно-никелевая промышленность базируется на рудах полуострова Таймыр. Крупнейшим предприятием остаётся горнометаллургическая компания (ГМК) «Норильский никель».

Одним из самых перспективных направлений в цветной металлургии эксперты считают разработку полиметаллических, особенно свинцово-цинковых руд. Крупнейшие месторождения находятся в Красноярском крае, Республиках Тыва и Бурятия. Особый интерес к добыче полиметаллических руд проявляет китайский бизнес. В 2000-х гг. власти регионов Восточной Сибири подписали ряд договоров о совместном с китайцами строительстве добывающих и обогатительных комбинатов.

В 1992–1997 гг. в химической отрасли Сибири произошло резкое падение производства. Так, к 1996 г. практически прекратилась работа таких ведущих предприятий, как «Азот», «Коммунар»,

«Асфарма» и др. Резко уменьшился ассортимент продукции, в два раза сокращен персонал, износ оборудования составлял от 40 до 80 %. С конца 1990-х гг. был принят ряд чрезвычайных мер по выводу отрасли из кризиса. Часть предприятий была переведена на внешнее управление. В начале 2000-х гг. прирост в отрасли составлял до 20 %.

Сибирские предприятия машиностроения можно разделить на три группы:

1. Предприятия традиционного машиностроения, такие как «Сибтяжмаш», Красноярский завод комбайнов и др. Они нуждаются в глубокой структурной перестройке, но для них сложно выработать какие-то общие рецепты реформирования. Эффективно работающих традиционных машиностроительных предприятий в Сибири в 2000-е гг. осталось несколько десятков.

2. Предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), на которых было сосредоточено практически все высокотехнологичное машиностроение. К таким заводам можно отнести НАПО им. Чкалова, НПО «Север», Иркутский авиационный завод, Улан-Удэнский авиационный завод, Омский радиозавод им. А.С. Попова и др. Сегодня СФО не занимает ведущих мест в структуре ОПК страны. Оборонные предприятия Сибири включены в крупные интегрированные структуры типа госкорпорации «Ростехнологии».

3. Предприятия инновационного типа, к которым можно отнести «Радос», «Технорос», «Зенит», НПЦ Магнитной гидродинамики и др. Для их дальнейшего развития необходимы программы государственной поддержки, особенно развитие инфраструктуры, т. е. создания условий для привлечения частных, в том числе иностранных, инвестиций.

Для развития сибирской промышленности огромное значение имеет создание и развитие особой экономической зоны (ОЭЗ) технико-внедренческого типа в Томске, а также технопарка на базе Академгородка в Новосибирске. На их площадках активно работают в основном сибирские инновационные компании, но есть заинтересованность и у иностранных фирм. Большинство резидентов работают в области информационных технологий и электроники, но есть компании по разработке нанотехнологий и новых материалов, ресурсосберегающих технологий, медицинских и биотехнологий.

Наряду с ОЭЗ позитивную роль в развитии сибирской промышленности могут сыграть индустриальные парки. При их создании для развития производственного бизнеса власти предоставляют целый ряд преференций. В Сибири в стадии становления находятся только два индустриальных парка: промышленно-логистический парк Новосибирской области и промышленный парк «Могойтуй» в Забайкальском крае. Однако строительство этих парков совпало с кризисом 2008 г., поэтому экономический эффект ожидается не ранее 2014 г.

С начала 2000-х гг. сибирская промышленность пережила значительный рост, связанный с увеличением спроса на мировом рынке на «сибирскую продукцию» (металлургия и энергоносители), а затем – резкий спад, связанный с мировым кризисом (сокращением спроса). К настоящему времени сибирская промышленность восстанавливает докризисные показатели (середина 2008 г.).

В настоящее время доля лёгкой промышленности в общей структуре производства в Сибири не превышает 11 %. Если в 1990 г. текстиль выпускали в девяти областях в границах современного СФО, то к 2007 г. – всего в пяти. Среди перспективных направлений развития лёгкой промышленности можно выделить производство льняных изделий.

Следует отметить, что за годы реформ позитивные изменения произошли в отраслях, ориентированных на внутренний спрос – пищевой и фармацевтической промышленности, производстве нефтехимической продукции, строительных материалов, услугах и т.д. Более устойчивой и адаптивной стала система экономических связей, производственных и финансовых отношений между сибирскими компаниями.

Накануне начала рыночных реформ в России сельское хозяйство в Сибири находилось в худшем положении, чем в европейской части страны. Аграрные предприятия оказались не готовы к реформе, в частности, они не имели собственных финансовых ресурсов, которые могли бы сыграть роль первоначального накопления. Главной задачей реформирования аграрной сферы в начале 1990-х гг. стало создание новых субъектов хозяйствования на основе частной собственности на землю. За 1990-е гг. основной массив земли перешёл к негосударственным производителям, что должно было, по задумке реформаторов, вернуть сельскому населению «чувство хозяина». Однако изменение формы собственности не повлияло

на рост эффективности сельского хозяйства. В Сибири $\frac{3}{4}$ владельцев земельных долей оставили их в распоряжении сельхозпредприятий, на которых работали. При этом практически 80 % созданных на базе колхозов и совхозов акционерных обществ работали без прибыли. Лишь 7 % граждан использовали полученную землю для расширения личных подсобных хозяйств, а 2 % организовали крестьянские (фермерские) хозяйства. Одной из причин тяжёлого положения крупных предприятий аграрной сферы стало сокращение бюджетного финансирования.

Ситуация стала меняться с началом 2000-х гг., когда благодаря изменившейся политике государства производительность сельского хозяйства начала возрастать. Резко увеличилось производство зерна, особенно в Новосибирской и Омской областях, а также в Алтайском крае.

С начала 2000-х гг. российское руководство взяло курс на инновационное развитие, что выдвинуло на первый план повышение конкурентоспособности и социальной привлекательности регионов Сибири. Это, в свою очередь, заставило обратить внимание на развитие человеческого потенциала как приоритетной составляющей экономического развития и социального прогресса.

В 1990-е гг. население Сибири вступило в полосу отрицательного естественного прироста. Это было связано с одновременным сокращением уровня рождаемости и ростом смертности. Ситуация в Сибири усугублялась миграционным оттоком, который значительно превышал его приток.

Еще более неблагоприятная ситуация сложилась у северных сибирских этносов. У них показатель общей смертности в 1,7 раза, а детской в 2 раза выше, чем в целом у населения региона.

По данным переписи 2010 г., численность населения СФО составила чуть более 19 млн человек. По сравнению с переписью 2002 г. она сократилась на 4 %.

В СФО сохраняется более высокий уровень бедности, чем в целом по стране. В 2007 г. ниже общефедерального уровня (13,4 %) масштаб бедности наблюдался только в Томской (12,9 %) и Кемеровской (10,8 %) областях. Большинство же сибирских территорий по этому показателю находились в интервале от 17 до 22 %.

Естественно, что все противоречия российской истории XX в. сказались в Сибири с особой остротой. Не в последнюю очередь это связано с тем, что на протяжении большей части столетия Си-

бирь оставалась, в сущности, полуколонией. Край рассматривался лишь как источник разнообразных ресурсов, а его люди – как рабочая сила. Масштабы и ценность средств, получаемых из Сибири, были несравнимы с уровнем жизни самих сибиряков.

В ближайшей перспективе (5–10 лет) Сибирь останется лидером в РФ в следующих отраслях промышленности: нефтяной и газовой, добыче угля, цветной металлургии, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, электроэнергетике. Минерально-сырьевой сектор Сибири будет оставаться важнейшим фактором развития страны (он обеспечивает 50 % поступлений в бюджет, 70 % поступающей в страну валюты и 100 % поступлений в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния). Однако ресурсные проекты для экономики Сибири сохраняют инерционную линию развития, и серьёзных прорывов они не дадут. Следовательно, никакого инфраструктурного и научно-образовательного опережения Сибири в ближайшие десять лет не произойдет, если руководство РФ кардинально не поменяет отношение к Сибири. Чтобы добиться экономического процветания огромного сибирского края, необходимо коллективно отстаивать его интересы на разных уровнях.

Нет сомнения в том, что Сибирь имеет огромные перспективы экономического и социального развития, а ее колоссальные природные богатства, огромный образовательный, культурный, нравственный потенциал могли бы стать основой для возрождения нашего Отечества.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите мероприятия современной региональной политики в области культуры.
2. Как проявляются традиции сибирского предпринимательства в современном континууме?
3. Назовите наиболее динамично развивающиеся сибирские производства.
4. Опишите общественно-политическую жизнь Сибири на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири (1900–1928 гг.). – Новосибирск: Наука, 1996.
2. Власть в Сибири XVI – начало XX века / сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. – Новосибирск, 2005.
3. Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Госуниверситет, 1996.
4. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.): учеб. пособие. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 1998.
5. История Сибири. Т. 1-5. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1968.
6. История Сибири. Ч. I. Хрестоматия по истории Сибири. XVII – начало XX века: учеб. пособие. – Новосибирск: Инфолио, 2003.
7. Исупов В.А., Кузнецов И.С. История Сибири. Ч. III. Сибирь: XX век: учеб. пособие. – Новосибирск: Инфолио, 2003.
8. Кузнецова Ф.С. История Сибири. Ч. I. Присоединение к России: учеб. пособие. – Новосибирск: Инфолио, 2004.
9. Наумов И.В. История Сибири. – Иркутск, 2003.
10. Олех Л.Г. История Сибири: учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2005.
11. Рабецкая З.И. История Земли Иркутской: учеб. пособие. – Иркутск, 2002.
12. Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007.
13. Шинкарев Л. Сибирь. Откуда она пошла и куда она идет. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1978.
14. Бычков А.А. «Исконно русская» земля Сибирь. – М., 2006.
15. Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – нач. XX в.) (Серия «Азиатская Россия»). – Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская кампания», 2007.
16. Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. – Иркутск: Госуниверситет, 1990.
17. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.) (Серия «Азиатская Россия»). – Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская кампания», 2007.

18. Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция. Восточная Сибирь (вторая половина 40-х – сер. 60-х гг. XX в.). – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1998.
19. Карачаков Д.М. Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: Исторический опыт и уроки (1961–1998 гг.). – Абакан, 1998.
20. Кудрявцев Ф.А. и Е.П. Силин. Иркутск (очерк по истории города). – Иркутск, 1947.
21. Курас Л.В. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1991.
22. Новгородов Н.С. Сибирская прародина. В поисках Гипербореи. – М., 2006.
23. Новгородов Н.С. Сибирское лукоморье. – М.: Вече, 2007.
24. Поликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX – 1917 г.) Ч. I. – Улан-Удэ, 1999.
25. Проблемы истории Сибири накануне XXI века. (Материалы Дуловских чтений 2000). – Иркутск, 2000.
26. Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике и исторической ретроспективе: мат-лы межвуз. науч.-практич. конф., посвящ. 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского (25–26 февраля 2003 г.) Ч. II, III. Работа секции. – Иркутск, 2004.

Справочные материалы

Сибирские остроги и русские поселения XVII в.

- 1604 – Томск, основатели – Г. Писемский, В. Тырков, Д. Юрьев. В 1648 г. возведен город, в 1698 г. – государев двор. Ныне областной центр.
- 1607 – Туруханск (Новая Мангазея). Ныне с. Старотуруханск Красноярского края.
- 1611 – Хантайское.
- 1615 – Кузнецкий, основатели – И. Пуцин, Б. Константинов. В 1618 г. заложен новый острог А. Харламовым, М. Лавровым, О. Кокориным. Ныне г. Новокузнецк Кемеровской обл.
- 1616 – Дудинское. Ныне г. Дудинка Красноярского края.
- 1616 – Царево городище. Ныне г. Курган, областной центр.
- 1616 – Верхнечусовский.
- 1617 – Чатский городок.
- 1618 – Маковский, основатель – П. Албычев. Ныне село Красноярского края.
- 1618 – Кондобский.
- 1619 – Енисейск, основатели – П. Албычев, Ч. Рукин. Ныне город в Красноярском крае.
- 1620 – Убинский форпост. Ныне село в Новосибирской области.
- 1621 – Мелесский, основатель – М. Лавров. Ныне село в Томской области.
- 1621 – Ачинский, основатели – М. Лавров, О. Кокорев. В 1641 возводится деревянный острог Я. О. Тухачевским, достраивается И. Кобыльским. В 1656 г. Ю. Трапезунским переносится на новое место. Ныне г. Ачинск в Красноярском крае.
- 1624 – Краснослободск.
- 1627 – Барабинский. Ныне г. Барабинск Новосибирской области.
- 1628 – Красноярск, основатель – А. Дубенский. Ныне областной центр. 1628 – Канский, основатель – Е. Остафьев. В 1628 г. ставится зимовье, в 1637 – острог, в 1645 – новый острог. Ныне г. Канск в Красноярском крае.
- 1628 – Рыбинский, основатель – П. Бекетов. Ныне с. Рыбное Красноярского края.

- 1628 – Ямышский. Ныне Омская область.
- 1628 – Тарханский. Ныне Тюменская область.
- 1629 – Тасеевский, село в Красноярском крае.
- 1629 – Братский, основатель – П. Бекетов. В 1631 г. возведен новый острог М.И. Перфильевым. После 1635 г. перенесен на новое место. Ныне место затоплено Братским водохранилищем.
- 1629 – Ишимский. Ныне село Усть-Ишим в Омской обл.
- 1620-е – Чечуйский, основатель – Д. Пенда. В 1675 г. поставлено укрепление. Ныне с. Чечуйское в Иркутской обл.
- 1630 – Илимский, основатель – И. Галкин. Ныне место затоплено Усть-Илимским водохранилищем.
- 1630 – Нижневилуйский.
- 1630 – Каурдатский.
- 1630 – Усть-Киренский, основатель – В. Бугор. Ныне г. Киренск Иркутской области.
- 1631 – Тебендинский. Ныне с. Большая Тебенда Омской области.
- 1631 – Усть-Кутский, основатель – И. Галкин. Ныне город в Иркутской области.
- 1631 – Верхневилуйский.
- 1632 – Якутск, основатель – П. Бекетов. В 1643 г. возведен город, в 1670 г. – новый город, в 1680 город отстроен заново. Ныне центр республики Саха – Якутия.
- 1632 – Ирбитская слобода, основатель – И. Спицын. Ныне г. Ирбит Свердловской области.
- 1632 – Арамашеаская слобода. В 1639 возведен острог. Ныне село в Свердловской области.
- 1633 – Вагайский (Адбашский). В 1636 г. возводится на новом месте и с новым именем Б. Толбузиным. Ныне пос. Вагай Тюменской области.
- 1633 – Олекминский, основатель – Н. Козьмин. В 1636 г. возводит острог П. Бекетов, позднее он перенесен на левый берег Лены. Ныне г. Олекма республики Саха – Якутия.
- 1634 – Вилуйский. Ныне г. Вилуйск республики Саха – Якутия,
- 1635 – Жиганский (Красный), основатель – П. Иванов, М. Стадухин, Губарь. Ныне с. Жиганск республики Саха – Якутия.
- 1638 – Верхоянский, основатель – П.И. Губарев. Ныне город в республике Саха – Якутия.

- 1639 – Зашиверский, основатели – Иванов, Постник.
- 1639 – Ялutorовский. Ныне город Тюменской области.
- 1639 – Удский, основатель – И. Москвитин. Около 1639 г. поставлено зимовье, в 1679 – 1682 гг. – острог на р. Уде, впадающей в Охотское море.
- 1640 – Тагильский (Строганов острожок).
- 1640 – Нейвинский.
- 1641 – Витимский, основатель – Е. Бахтеяров. Ныне пос. Витим в республике Саха – Якутия.
- 1641 – Караульный. В 1675 г. ставится новый острог.
- 1641 – Ачанский, основатель – Я.Тухачевский. В 1651 г. возводится новый острог Е. Хабаровым.
- 1641 – Верхоленский, основатель – М. Васильев. В 1642 перенесен на новое место К. Ивановым.
- 1641 – Алазейский, основатель – И. Ерастов. В 1646 г. расширен, в 1651 г. ставится новый острог П. Мокрошубом.
- 1642 – Уяндинское зимовье. В 1668 г. поставлен острог.
- 1643 – Среднеколымский.
- 1644 – Осинский.
- 1644 – Далматов монастырь.
- 1646 – Зейский, основатель – В. Поярков. В 1682 г. возводится новый острог.
- 1646 – Бутальский, основатель – И. Москвитин. Побережье Охотского моря.
- 1646 – Нижнеколымское, основатель – В. Гаврилов. Ныне пос. Нижнеколымский республики Саха – Якутия.
- 1647 – Верхнеангарский.
- 1647 – Верхнеколымский.
- 1647 – Косой острожок (Охотский), основатели – С. Шелкойников И. Москвигин. В 1655 г. ставится новый острог. Ныне пос. Охотск Хабаровского края.
- 1647 – Нижнеудинский (Покровский), основатель – Е. Тюменцев в 1652 г. возводится укрепление, в 1681 г. – новое. Ныне г. Нижнеудинск Иркутской обл.
- 1648 – Баргузинский, основатель – И. Галкин, Ныне г. Баргузин республики Бурятия.
- 1649 – Анадырский, основатель – С. Дежнев. В 1651–1652 гг. обнесен палисадом. Ныне г. Анадырь Магаданской обл.

- 1650 – Исетский основатель – Д. Андреев. Ныне с. Исетское Тюменской области.
- 1650 – Тугирский, основатель – Е. Хабаров. На р. Олекме.
- 1650 – Албазинский, основатель – Е. Хабаров. В 1654 г. возведен город, в 1667 г. заново отстроен Н.Р. Черниговским. Ныне ст. Албазинская Сквородинского р-на Амурской области,
- 1650 – Колчедановский, основатель – Белошейкин. Ныне с. Колчедан Свердловской области.
- 1651 – Индигирский.
- 1652 – Баунтовский, основатель – И. Похабов. Забайкалье.
- 1652 – Барневский. Вскоре оставлен, в 1683 г. возобновлен. Ныне с. Барневское Курганской области.
- 1652 – Чипин-городок.
- 1652 – Усть-Протвинский.
- 1652 – Колымский, основатель – М. Стадухин.
- 1652 – Иркутский. В 1652 г. поставлено зимовье, в 1661 г. – острог Я.И. Похабовым, 1671 – новый острог. Ныне г. Иркутск, областной центр.
- 1653 – Нерчинский, основатель – М. Урасов. В 1658 г. острог перенесен на новое место А. Пашковым. Ныне г. Нерчинск Читинской области.
- 1653 – Тугурский, основатель – И. Уваров. На р. Тугур, впадающей в Охотское море.
- 1653 – Иргенский, основатель – П. Бекетов. Читинская область.
- 1653 – Читинский, основатель – П. Бекетов. Ныне областной центр Чита.
- 1654 – Балаганский, основатель – Д. Фирсов. Ныне пос. Балаганск Иркутской области.
- 1655 – Аргунский, основатель – Ф. Пущин. В 1681 г. В. Миловановым поставлен острог. Ныне с. Аргунское Читинской области.
- 1654 – Усть-Омский.
- 1655 – Комарский (Кумарский), основатель – О. Степанов. На р. Амур.
- 1655 – Катайский, основатель – П.С. Перхуров. Ныне г. Катайск Курганской обл.
- 1656 – Косогирский. На р. Амур.

- 1657 – Верхотомский. Ныне с. Верхотомское Кемеровской обл. основатели – Д. Копылов, Ю. Ядловский. Ныне с. Сосновское Кемеровской обл.
- 1680-е – Коркина слобода, основатель – А. Коркин. Ныне г. Ишим Тюменской области.
- 1680-е – Суерский. Ныне с. Суерки Тюменской обл.
- 1684 – Уртамский, основатель – Ю. Соболев. В 1698 г. возводится «государев двор». Ныне с. Уртам Томской области.
- 1688 – Ильинский. Ныне с. Ильинка республики Бурятия
- 1696 – Умревинский. Ныне с. Умрева Новосибирской области.
- 1697 – Верхнекамчатский, основатель – В. Атласов
- 1698 – Каштакский, основатели – С. Тупальский, Х. Левандиан. Ныне с. Каштак Кемеровской обл.

Сибирские наместники, генерал-губернаторы и губернаторы

Сибирская губерния учреждена указом 18 декабря 1708 г., губернским городом был назначен Тобольск. В 1764 г из ее состава выделена Иркутская губерния, оставшаяся часть получила название Тобольской губернии. В списках около Ф.И.О. указаны даты управления.

Сибирские губернаторы

Гагарин Матвей Петрович, кн. 1708 – 11.01.1719.

Черкасский Алексей Михайлович, кн. 25.01.1719 – 15.01.1724.

Долгорукий Михаил Владимирович, кн., д.т.с. 15.03.1724 – апр. 1730.

Плещеев Алексей Львович, т.с. 28.09.1730 – 30.01.1736.

Бутурлин Петр Иванович, бригадир 8.03.1736 – 1740.

Шипов Иван Афанасьевич, ген. 17.09.1740 – 21.11.1742.

Сухарев Алексей Михайлович, ген. нояб. 1742 – 1752.

Мятлев Василий Алексеевич, ген. 29.03.1753 – 20.01.1757.

Соймонов Федор Иванович, т.с. 1757 – 1763.

Чичерин Денис Иванович, ген. 10.04.1763 – 7.05.1780.

Осипов Григорий Михайлович, ген. 7.05.1780 – сент. 1784.

Сибирские генерал-губернаторы

Селифонтов Иван Осипович, д.т.с. 23.05.1803 – июнь 1806.

Пестель Иван Борисович, т.с. июнь 1806 – 22.03.1819.

Сперанский Михаил Михайлович, т.с. 22.03.1819 – 1822.

Западносибирское генерал-губернаторство

Генерал-губернаторство Западной Сибири учреждено 22 июля 1822 г.; упразднено 18 мая 1882 г.

Генерал-губернаторы Западной Сибири

Капцевич Петр Михайлович, ген. от инф. 22.07.1822 – 25.07.1827.

Вельяминов Иван Алексеевич, ген. от инф. 25.07.1827 – 28.09.1834.

Сулима Николай Семенович, ген. 28.09.1834 – 28.01.1836.

Горчаков Петр Дмитриевич, кн., ген. от инф. 28.01.1836-13.12.1850.

Гасфорд Густав Христианович, ген. от инф. 19.12.1850 – 13.01.1861.

Дюгамель Александр Осипович, ген. от инф. 13.01.1861-28.10.1866.

Хрущов Александр Петрович, ген. 28.10.1866 – 1.01.1875.

Кознаков Николай Геннадьевич, ген.-л., ген.-адм. 1.01.1875 – 19.02.1881.

Мещеринов Григорий Васильевич, ген.-л., ген.-адм. 19.02.1881 – 25.05.1882.

Восточносибирское генерал-губернаторство.

Учреждено 22 июля 1822 г., преобразовано 21 июня 1887 г. в Иркутское генерал-губернаторство.

Восточносибирские генерал-губернаторы

Лавинский Александр Степанович, д.т.с. 22.07.1822 – 6.12.1833.

Сулима Николай Семенович, ген. 6.12.1833 – 28.09.1834.

Бронеvский Семен Богданович, ген.-л., и.д. (утв. 6.12.1835) 28.09.1834 – 29.07.1837.

Руперт Вильгельм Яковлевич, ген.-л. 30.07.1837 – 29.06.1847.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф, ген.-адм., ген. от инф., и.д. (утв. 6.12.1849) 5.09.1847 – 19.02.1861.

Корсаков Михаил Семенович, ген., и.д. (утв. 19.04.1864) 19.02.1861 – 21.01.1871.

Синельников Николай Петрович, ген. от кав. 21.01.1871-14.12.1873.

Фредерикс Платон Александрович, барон, ген.-л., ген.-адм. 14.12.1873 – 10.08.1879.

Анучин Дмитрий Гаврилович, ген. 7.12.1879 – 1.01.1885.

Игнатьев Алексей Павлович, граф, ген.-м., и.д. (утв. 25.12.1886) 4.01.1885 – 1.09.1887.

Иркутское генерал-губернаторство

02.06.1887 учреждено Иркутское генерал-губернаторство.
12.06.1899 присвоено наименование – иркутский военный генерал-губернатор.

Иркутские генерал-губернаторы

Игнатьев Алексей Павлович, граф, ген.-м. 2.09.1887 – 13.05.1889.

Горемыкин Александр Дмитриевич, ген от инф. 26.05.1889 – 9.04.1900.

Пантелеев Александр Ильич, ген.-л. 20.04.1900 – 24.05.1903.

Кутайсов Павел Ипполитович, ген. от инф. 24.05.1903 – 1.01.1906.

Селиванов Андрей Николаевич, ген.-л. 29.04.1906 – 24.07.1910.

Князев Леонид Михайлович, т.с., егермейстер 24.07.1910-13.02.1916.

Белецкий Степан Петрович 13.02.1916 – 15.03.1916.

Пильц Александр Иванович, д.т.с. 15.03.1916 – 4.03.1917.

Тобольское наместничество

Тобольское наместничество учреждено указом 19 января 1782 г.

Правители Тобольского наместничества

Желтухин Федор Федорович, с.с. сент. 1784 – 8.04.1785.

Протопопов Сергей Иванович, с.с., с апр. 1785 – 15.01.1787.

Алябьев Александр Васильевич, с.с., 15.01.1787 – 1796.

Тобольская губерния

12 декабря 1796 г Тобольское наместничество переименовано в губернию.

Тобольские губернаторы

Толстой Александр Григорьевич, д.с.с. 1796 – 28.07.1797.

Кошелев Дмитрий Родионович, д.с.с., сент. 1797 – 20.03.1802.

Гермес Богдан Андреевич, д.с.с. 1802 – 1806.

Корнилов Алексей Михайлович, д.с.с. 1806 – дек. 1807.
Шишков Михаил Антонович, д.с.с. 1808 – 2.04.1810.
Брин фон Франц Абрамович, д.с.с. 26.07.1810 – 28.07.1821.
Осипов Александр Степанович, д.с.с. авг. 1821 – 12.12.1823.
Тургенев Александр Михайлович, с.с. 12.12.1823 – март 1825.
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, д.с.с. март 1825 –
30.07.1828.
Нагибин Василий Афанасьевич, с.с. (и.д.) 30.07.1828 –
12.03.1831.
Сомов Петр Дмитриевич, с.с. 12.03.1831 – 5.05.1832.
С 5.05.1832 по 5.05.1835 – вакансия.
Муравьев Александр Николаевич, с.с. (и.д.) 30.10.1832 –
21.12.1833.
Копылов Василий Иванович, с.с. 5.05.1835 – 23.06.1835.
Ковалев Иван Гаврилович, д.с.с. 23.06.1835 – 25.06.1836.
Повало-Швыйковский Христофор Христофорович, с.с. (и.д.)
25.06.1836 – 17.02.1839.
Талызин Иван Дмитриевич, д.с.с. 17.02.1839 – 18.06.1840.
Ладыженский Михаил Васильевич, д.с.с. 18.06.1840 –
3.05.1844.
Энгельке Кирилл Кириллович(Карл Федорович), д.с.с.
4.04.1845 – 4.03.1852.
Прокофьев Тихон Федорович, д.с.с. 4.03.1852 – 16.03.1854.
Арцимович Виктор Антонович, камер-юнкер, д.с.с. 16.03.1854
– 27.07.1858.
Виноградский Александр Васильевич, д.с.с. 20.03.1859 –
23.11.1862.
Деспот-Зенович Александр Иванович, д.с.с. 23.11.1862-
28.07.1867.
Чебыкин Порфирий Васильевич, ген.-м. 28.07.1867 –
10.07.1868.
Соллогуб Андрей (Адриан) Степанович, ген.-м. 10.07.1868 –
24.08.1874.
Пелино Юрий Петрович, д.с.с. (т.с.) 29.11.1874 – 1.01.1878.
Лысогорский Владимир Андреевич, д.с.с. 7.06.1878 –
17.02.1886.
Тройницкий Владимир Александрович, д.с.с. 6.03.1886 –
10.12.1892.

Богданович Николай Модестович, д.с.с. 10.12.1892 – 8.03.1896.

Князев Леонтий (Леонид) Михайлович, д.с.с. 12.04.1896 – 29.01.1901.

Лаппа-Старженецкий Андрей (Александр) Павлович, д.с.с. 29.01.1901 – 29.12.1905.

Гондатти Николай Львович, д.с.с., камергер 13.01.1906 – 19.09.1908.

Гагман фон Дмитрий Федорович, с.с. 19.09.1908 – 8.02.1912.

Станкевич Андрей Афанасьевич, д.с.с. 8.02.1912 – 13.11.1915.

Ордовский-Танаевский Николай Александрович, д.с.с. 13.11.1915 – 14.03.1917.

Томская губерния

26.02.1804 из Тобольской губернии выделена Томская губерния.

Томские губернаторы

Хвостов Василий Семенович, д.с.с. 6.08.1803 – 1809.

Брин фон Франц Абрамович, д.с.с. 1809 – 26.07.1810.

Марченко Василий Романович, с.с. 1810 – 1812.

Илличевский Дамиан Васильевич, д.с.с. 1812 – 1819.

Соколовский Игнатий Иванович, с.с. 1819 – 1822.

Фролов Петр Кузьмич, ген.-м. 22.07.1822 – 29.04.1830.

Ковалевский Евграф Петрович, ген.-м. 8.05.1830 – 1835.

Шленев Николай Алексеевич, ген.-м. 29.11.1835 – 4.11.1837.

Бегер Франц Францевич, ген.-м. 8.04.1838 – 27.12.1840.

Татаринев Степан Петрович, ген.-м. 27.12.1840 – 20.01.1847.

Аносов Павел Петрович, ген.-м. 28.02.1847 – 13.05.1851.

Бекман Валериан Александрович, ген.-м. 8.06.1851 – 1.11.1857.

Озерский Александр Дмитриевич, ген.-м. 1.11.1857 – 5.01.1864.

Лерхе Герман Густавович, д.с.с., и.д. (утв. 27.11.1864) 17.01.1864 – 18.02.1868.

Родзянко Николай Васильевич, д.с.с. 31.03.1868 – 12.10.1871.

Супруненко Андрей Петрович, д.с.с. 12.11.1871 – 19.09.1879.

Мерцалов Василий Иванович, с.с. (д.с.с.) 7.03.1880 – 7.04.1883.

Красовский Иван Иванович, камергер, д.с.с. 7.04.1883 – 28.06.1885.

Анисьин Алексей Федорович, д.с.с. 8.08.1885 – 5.02.1887.

Лакс Антон Иванович, ген.-м. 5.04.1887 – 1.04.1888.

Булюбаш Александр Петрович, д.с.с. 5.05.1888 – 22.01.1889.

Тобизен Герман Августович, гофмейстер, т.с. 8.03.1890-24.03.1895.

Ломачевский Асинкрит Асинкритович, ген.-м. 20.04.1895 – 30.01.1900.

Вяземский Сергей Александрович, кн., д.с.с. 3.02.1900 – 23.07.1903.

Старынкевич Константин Сократович, ген.-м. 23.07.1903-23.12.1904.

Азанчевский-Азанчев Всеволод Николаевич, камергер, с.с. 23.12.1904 – 6.10.1905.

Нольке фон Карл Станиславович, барон, полк. (ген.-м.) 6.10.1905 – 14.09.1908.

Гондати Николай Львович, камергер, д.с.с. 1908 – 29.01.1911.

Гран Петр Карлович, с.с. 28.02.1911 – 1914.

Дудинский Владимир Николаевич, д.с.с. 1914 – 1917.

Иркутская губерния

Учреждена 19 октября 1764 г., в 1783 г. преобразована в Иркутское наместничество в составе четырех областей: Нерчинской, Охотской, и Якутской. Указом 12 декабря 1796 г. вновь стала губернией.

Иркутские генерал-губернаторы

Якоби Иван Варфоломеевич, ген.-пор. 1783 – 1787.

Пиль Иван Алферьевич, ген.-пор. 1787 – 1793.

Иркутские военные губернаторы

Трейден Христофор Андреевич, ген.-л. 1797 – 1798.

Леццано Борис Борисович, ген. от инф. 1799 – 1800.

Лебедев Николай Петрович, ген.-л. 1800 – 1803.

Иркутские губернаторы

Фраендорф Карл Львович, ген.-м. 1765 – 1767.
Бриль Адам Иванович, ген.-пор. 1767 – 1776.
Немцов Федор Глебович, бригадир 1776 – 1779.
Кличка Франц Николаевич, ген.-м. 1779 – 1783.

Правители наместничества

Ламб Иван Варфоломеевич, ген.-м. 1783 – 1786.
Арсеньев Михаил Михайлович, ген.-м. 1786 – 1791.
Нагель Илларион Тимофеевич, ген.-м. 1791 – 13.12.1797.

Иркутские губернаторы

Аршеневский Петр Яковлевич, т.с. 5.09.1798 – 25.09.1798.
Толстой Алексей Иванович, д.с.с. 25.09.1798 – 1800.
Репьев Иван Николаевич, д.с.с. 1801 – 1804.
Картвелин Николай Петрович, ген.-м. 1804 – 1805.
Корнилов Алексей Михайлович, д.с.с. 1805 – 1806.
Трескин Николай Иванович, д.с.с. 1806 – 1819.
Зеркалеев Иван Семенович, д.с.с. (и.д.) 1819 – 1821.
Цейдлер Иван Богданович, д.с.с. 25.06.1821 – 29.06.1835.
Евсеев Алексей Николаевич, д.с.с. 29.06.1835 – 11.03.1838.
Левшин Алексей Ираклиевич, д.с.с. 11.03.1838 – 26.01.1839.
Пятницкий Андрей Васильевич, д.с.с. 26.01.1839 – 10.05.1848.
Зарин Владимир Николаевич, д.с.с. 10.05.1848 – 29.06.1851.
Венцель фон Карл Карлович, ген.-л. 3.07.1851 – 14.12.1859.
Извольский Петр Александрович, д.с.с. (и.д.) 18.12.1859-
23.03.1862.
Щербатский Николай Федорович, ген.-м. 23.03.1862 –
13.01.1864.
Шелашников Константин Николаевич, ген.-м. 23.01.1864-
20.04.1880.
Педашенко Иван Константинович, ген.-л. 20.04.1880 –
17.05.1882.
Носович Сергей Иванович, ген.-м. 17.05.1882 – 9.02.1886.
Коленко Владимир Захарович, с.с. (д.с.с.) 6.03.1886 –
12.05.1889.
Светлицкий Константин Николаевич, ген.-м. 12.05.1889-
24.01.1897.

Моллериус Иван Петрович, д.с.с. 1.02.1897 – 18.02.1905.
Кайгородов Михаил Николаевич, ген.-м. 1905 – 01.02.1906.
Моллериус Иван Петрович, д.с.с. 21.01.1906 – 18.02.1908.
Гран Петр Карлович, д.с.с. 12.05.1908 – 1911.
Бантыш Федор Александрович, д.с.с. 28.02.1911 – 1913.
Юган Александр Николаевич, д.с.с. 1913 – 4.03.1917.

Енисейская губерния

Учреждена 22 июля 1822 г. с центром в Красноярске.

Енисейские губернаторы

Степанов Александр Петрович, д.с.с. 1823 – 26.04.1831.
Рославец Виктор Яковлевич, с.с. 26.04.1831 – 21.06.1831.
Ковалев Иван Гаврилович, д.с.с. 2.07.1831 – 23.06.1835.
Копылов Василий Иванович, с.с. (д.с.с.) 23.06.1835 –
20.06.1845.
Падалка Василий Кириллович, с.с. (т.с.) 10.04.1845 –
14.07.1861.
Замятнин Павел Николаевич, ген.-м. 6.12.1861 – 29.02.1868.
Чарторижский Лев Иванович, ген.-м. 29.02.1868 – 24.05.1868.
Лохвицкий Аполлон Давыдович, д.с.с. 14.08.1868 – 8.05.1882.
Педашенко Иван Константинович, ген.-л. 17.05.1882 –
1.01.1890.
Теляковский Леонид Константинович, д.с.с. (т.с.) 1.01.1890 –
24.01.1897.
Светлицкий Константин Николаевич, ген.-м. 24.01.1897 –
9.01.1898.
Плец Михаил Александрович, д.с.с. 9.01.1898 – 28.05.1902.
Айгустов Николай Александрович, ген.-м. 28.05.1903 –
8.11.1905.
Давыдов Виктор Федорович, с.с. (и.д.) 8.11.1905 – 5.08.1906.
Гирс Александр Николаевич, с.с. 5.08.1906 – 30.06.1909.
Бологовский Яков Дмитриев, д.с.с. (и.д.) 30.06.1909 – 1913.
Крафт Иван Иванович, д.с.с. 1913 – 1914.
Кашкарев Борис Дмитриевич, с.с. 1914.
Хозиков Иван Владимирович, с.с., камергер 1915.
Гололобов Яков Георгиевич, д.с.с. (и.д.) 1915 – 1917.

Забайкальская область

Образована 11 июля 1851 г.

Забайкальские военные губернаторы

Запольский Павел Иванович, ген.-м. 28.10.1851 – 9.08.1855.

Корсаков Михаил Семенович, ген.-м. 14.12.1855 – 16.05.1860.

Жуковский Евгений Михайлович, ген.-м. (и.д.) (утв.26.02.1861)
ген.-л. 16.05.1860 – 11.09.1863.

Дитмар Николай Петрович, ген.-л. (и.д.) (утв. 26.10.1864)
2.02.1864 – 19.04.1874.

Педашенко Иван Константинович, ген.-м. (ген.-л.) 29.05.1874
– 18.04.1880.

Ильяшевич Лука Иванович, ген.-м. 18.04.1880 – 15.03.1884.

Барабаш Яков Федорович, ген.-м. 24.06.1884 – 6.02.1888.

Хорошихин Михаил Павлович, ген.-м. 22.02.1888 – 16.05.1893.

Мациевский Евгений Осипович, ген.-м. (ген.-л.)27.05.1893 –
7.04.1901.

Надаров Иван Павлович, ген.-л. 9.05.1901 – 5.07.1904.

Холшевников Иван Васильевич, ген.-л. 5.07.1904 – 23.02.1906.

Сычевский Аркадий Валерианович, ген.-м. 23.02.1906 –
22.08.1906.

Эбелов Михаил Исаевич, ген.-м. 25.10.1906 – 01.1910.

Косов Василий Иванович, ген.-л. 23.01.1910 – 23.03.1912.

Кияшко Андрей Иванович, 23.03.1913 – 1917.

Мустафин Владимир Андреевич, ген.-л. 1917.

Статистические материалы

*Этнический состав населения Сибири и Дальнего Востока
в XVIII – начале XX в., чел.*

Годы	1709	1796	1858	1897	1911
Русские и «прочие пришлые»	229 227	575 800	22888036	4889633	8393469
Иногородцы	200000	363 362	648000	870536	972 866
Итого	429 227	939 162	2 936 036	5760169	9 366 335

*Национальный состав населения Сибири и Дальнего Востока
в кон. XIX – начале XX в., чел.*

Годы	Русские	Татары	Якуты и долганы	Монголы и буряты	Финны	Евреи	Самоеды	Палеоазиаты	Тунгусы	Киргизы (казахи)
1897	4651313	210570	226739	289112	69107	33704	12502	32093	76504	32 876
1911	7995620	245586	246405	332656	81545	53971	14986	37982	75204	37982

Примечание. Данные приводятся по: Турчанинов Н.В. Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т 1. – С. 81–85.

*Численность и сословный состав мужского населения Сибири
по материалам ревизий, чел.*

Ревизии	Все население России	Все население Сибири	Государственные крестьяне Сибири	Крепостные крестьяне Сибири, включая экономиче-ских	Городские сословия Сибири	Состоящие на льготе	Неподатные сословия Сибири
1 ревизия (1719 г.)	7788927	241084	162042	11872	17725	-	49445
2 ревизия (1744 г.)	9095534	306243	194310	12703	74647	-	24583
3 ревизия (1762 г.)	11617692	392742	361512	16378	24261	-	12431
4 ревизия (1782 г.)	14205112	552120	460600	20363	27241	-	43916
5 ревизия (1795 г.)	18617650	594618	499852	21467	30324	-	42975
6 ревизия (1811 г.)	20863146	682597	597603	2765	31200	-	51029
7 ревизия (1815 г.)	21538207	871352	720129	2497	29836	6262	112628
8 ревизия (1833 г.)	25957670	1045961	719488	2187	36950	22453	264883
9 ревизия (1850 г.)	28555360	1437680	992758	1661	41839	41836	359586
10 ревизия (1857 г.)	29608058	1335661	1092396	1694	41605	62777	137189

Примечание. Данные приводятся по: Кабузан В.М. Изменение и размещение населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. Приложение 2; Зверев В.А., Кузнецова Ф.С. История Сибири. Хре-

стоматия по истории Сибири. Ч. 1: XVII – начало XX в. Новосибирск, 2003. С. 212.

В состав государственных крестьян с 1 по 7 ревизию включены приписные и иноверцы Сибири. С 8 ревизии аборигенное население (сибирские инородцы) показано в составе неподатного населения. В состав крепостных крестьян с 1 по 5 ревизию включены церковные и монастырские (с 1762 г. – экономические) крестьяне. С 6 ревизии они включены в состав государственных крестьян. В составе городских сословий по 1 и 2 ревизиям учитывались посадские и разночинцы, проживающие в городах. С 3 ревизии в составе городских сословий – мещане и купцы. В категории «Состоящие на льготе» указаны пострадавшие от стихийных бедствий и переселенцы. «Неподатные сословия Сибири» – потомственные и личные дворяне, духовенство, иностранцы, ямщики (до 1824 г.), казаки, регулярная армия, отставные служители.

*Население крупнейших городов
и административных центров Сибири, чел.*

Город \ Год	1897	1910
Омск	37376	127865
Томск	52225	107711
Владивосток	28933	90582
Иркутск	51533	75697
Красноярск	25126	68254
Чита	11522	68211
Новониколаевск	-	52695
Благовещенск	32834	52000
Барнаул	29331	46041
Хабаровск	-	41049
Тюмень	29220	32673
Тобольск	20433	21056
Якутск	6532	7963

Примечание. Данные приводятся по: Азиатская Россия СПб 1914. Т 1. С. 348–351; Города России в 1910 г. СПб 1914. СС. 1020, 1021, 1090.

Глоссарий

Архиерей – лицо, имеющее высшую степень священства, епископ.

Ирбитская ярмарка – находилась в городе Ирбит на Урале; проводилась ежегодно с первой пол. XVII в. по 1930 год; центр торговли России в Сибири. Главными товарами ярмарки были: ткани, пушнина, кожи и др. Это была вторая ярмарка по товарооборотов Российской империи после Нижегородской ярмарки.

Алтайцы – живут в Южной Сибири, на Алтае. Численность – 70,8 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие.

Буряты – населяют Западное и Восточное Прибайкалье. Численность – 500 тыс. чел. Язык относится к монгольской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие.

Волостной старшина – глава волости, избираемый на три года сельским сходом. Волостной старшина вместе со своим помощником волостным (или земским) писарем возглавлял волостное правление, состоявшее из сельских старост и других выборных должностных лиц. Старшиной был, как правило, состоятельный, знавший грамоту крестьянин. После реформы 1861 г. волостной старшина получил большую власть над крестьянами, кандидатура на эту должность стала утверждаться мировым посредником, а с 1889 г. – земским начальником.

Волостной суд – судебная инстанция в волости после 1864 г. Избирался ежегодно волостным сходом. Разбирал мелкие гражданские и уголовные дела, имея право приговаривать крестьянина к штрафу, кратковременному заключению, телесному наказанию.

Волость – в XI–XX вв. самая мелкая административно-территориальная единица России (часть уезда), объединяющая несколько сел и деревень.

Генерал-губернаторство – административно-территориальная единица в Российской империи, состоявшая, как правило, из нескольких губерний и областей. Должность генерал-губернатора была установлена в начале XVIII в. и до губернской реформы Екатерины II (1775 г.) ничем не отличалась от губернской. В результате реформы генерал-губернаторы получили почти неограниченные полномочия. Отныне они подчинялись только

императрице и Сенату. В конце XVIII в., в связи с дальнейшим усилением центральной власти, должности генерал-губернаторов были повсеместно упразднены, за исключением Сибири, Прибалтики, Дальнего Востока и Средней Азии – районов, которые по причине отдаленности от центра требовали расширения прав местной администрации. Иногда несколько губерний объединялись в генерал-губернаторства во главе с генерал-губернатором, которому подчинялись начальники этих губерний – губернаторы.

Губернатор – глава, или, как прямо формулировалось в законе, «хозяин губернии». Он непосредственно подчинялся самому влиятельному из министерств Российской империи – министерству внутренних дел.

Губерния – главная административно-территориальная единица России, начиная с 1708 г. К 1917 г. Российская империя насчитывала 78 губерний.

Гунны – кочевой народ, образовавшийся во II–IV вв. путем смешения тюркоязычных хунну и угорских племен Приуралья и Приволжья.

Десятина – мера площади, равнялась 2400 квадратным саженам, или 1,092 гектара.

Долганы – живут на востоке п-ова Таймыр, в бассейне р. Хантаганга. Численность – 6,5 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – тундровое оленеводство.

Духовная семинария – учебное заведение, выпускавшее иереев и протоиереев (официальные названия православных священников).

Духовное училище – низшее учебное заведение для детей духовенства, выпускало дьяконов и протодьяконов.

Дьяк – в России до XVIII в. начальник и письмоводитель в канцеляриях важнейших ведомств; различались дьяки царевы, великого князя, княжие, дворцовые, церковные, монастырские, городские, земские. Дьяки в Древней Руси были из холопов, с XV в. среди них встречались землевладельцы. В конце XVII в. в Москве числилось 178 дьяков.

Епархия – церковно-административный округ, находящийся под управлением епископа, архиерея.

Епископ – духовное лицо, имеющее высшую степень священства в Православной и Католической церквях, глава епархии.

Кеты – живут на Среднем Енисее. Численность – 1 тыс. чел. Язык принято относить к палеоазиатской языковой семье, однако он не обнаруживает прямого генетического родства с языками других народов Сибири. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Круговая порука – вид так называемого совокупного обязательства (корреальное, солидарное обязательство, от лат. *coactus* – соучастник), возлагавшего ответственность за его выполнение в целом на всех должников вместе и на каждого из них порознь. Обязываясь каждый за всех и все за одного, участники круговой поруки связаны во всех последствиях долга. Первые упоминания о круговой поруке встречаются в Русской Правде; чаще всего применялась при взыскании податей.

Нанайцы – живут на Нижнем Амуре. Численность – 12 тыс. чел. Язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Нганасаны – населяют тундры Таймыра. Численность – 1,2 тыс. чел. Язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. До недавнего времени сохранялся древний хозяйственно-культурный тип – охота на дикого оленя.

Ненцы – населяют лесотундру и тундру Евразии от Белого моря до Таймыра. Численность – 34,2 тыс. чел. Язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Традиционное хозяйство – тундровое оленеводство.

Орочи – живут в Уссурийском крае. Численность – ок. 1 тыс. чел. Язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Острог – постоянный или временный укрепленный населенный пункт, обнесенный деревянной оградой, заостренной сверху; на Руси известен с XII в.

Селькупы – живут на Средней Оби. Численность – 3,5 тыс. чел. Язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

«Сказки» – распространенные в Сибири XVII в. сообщения служилых людей правительству, носящие познавательный характер (описание новых земель, народов, свойств почв, различных минералов и т. д.).

Стол – низшее подразделение министерств и ряда других правительственных ведомств.

Телеуты – живут в Южной Сибири. Численность – 3 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие.

Удэгейцы – живут в Уссурийском крае. Численность – 2 тыс. чел. Язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Ульчи – живут на Нижнем Амуре. Численность – 3 тыс. чел. Язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Хакасы – живут в Южной Сибири. Численность – 80,3 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие.

Ханты – живут на Средней и Нижней Оби и ее правых притоках. Численность – 22,3 тыс. чел. Язык относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Традиционное хозяйство – рыболовство и охота.

Целовальник – выборная должность в Русском государстве XV–XVIII вв., при вступлении в должность давал присягу и целовал крест; избирался на один год из посадских или свободных крестьян, занимался судебными, финансовыми, торговыми и таможенными делами, отчитывался перед центральной, позже – перед местными властями. По традиции во второй половине XIX – начале XX в., целовальниками называли кабацких служащих и продавцов казенных винных лавок.

Чукчи – живут на п-ове Чукотка. Численность – 15 тыс. чел. Язык относится к палеоазиатской языковой семье. Традиционное хозяйство – оленеводство (в тундре) и охота на морского зверя (на побережье).

Шорцы – живут в Южной Сибири. Численность – 16,6 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие.

Эвенки (тунгусы) – живут рассеянными группами на обширной территории от правых притоков Верхней Оби до Охотского побережья и от Прибайкалья до Ледовитого океана. Численность – 29,9 тыс. чел. Язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – таежное оленеводство и охота.

Энцы – живут в низовьях Енисея. Численность – ок. 200 чел. Язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Традиционное хозяйство – тундровое оленеводство.

Якуты – населяют обширную территорию от левых притоков Лены до бассейна р. Колыма и от Алданского нагорья до Ледовитого океана. Численность – 380 тыс. чел. Язык относится к тюркской группе алтайской языковой семьи. Традиционное хозяйство – скотоводство и земледелие (в южных районах) и оленеводство (на Севере).

Ясак – натуральная подать, которой в России XV–XX вв. облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом в Поволжье, Сибири и Северных землях.

Ясырь – пленник из числа коренных сибирских жителей, захваченных во время военных действий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Сибирь в древнее время.....	4
1.1. Геополитическое положение Сибири.....	4
1.2. Основные этапы историографии Сибири.....	8
1.3. Сибирь в «каменном» и «бронзовом» веках	9
1.4. Тюрки в Сибири. Государство енисейских кыргызов	22
1.5. Монголы в Сибири. «Держава Хунну»	26
1.6. Сибирское ханство.....	34
2. Народы Сибири накануне и в годы присоединения к России.....	37
2.1. Этнический состав, расселение, занятия (кон. XVI–XVII в.)... 37	
2.2. Проникновение русских в Сибирь. Югорская земля	40
2.3. Поход Ермака. Покорение Сибири.....	43
3. Колонизационная политика самодержавия в Сибири XVIII – начале XX в.: этапы и направления.....	54
3.1. Политический и национальный аспекты колонизационной политики	54
3.2. Сибирские научные экспедиции.....	62
3.3. Социально-экономическое развитие Сибири.....	66
4. Сибирь в имперском административном механизме в XVIII – начале XX в.....	76
4.1. Сибирская реформа 1822 г. М.М. Сперанского и ее внедрение.....	76
4.2. Западно- и Восточносибирское губернаторства. Структура и компетенция региональных властей	85
4.3. Политические ссыльные в Сибири в XIX в.....	107
5. Политика российского самодержавия в отношении коренных сибирских народов (XVIII – начало XX в.).....	120
5.1. Соотношение аборигенного и пришлого населения. Проблема «вымирания инородцев»	120
5.2. Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в империю	124
6. Индустриальное развитие и экономическая политика правительства в Сибири в XVIII – начале XX в.....	129
6.1. Модернизация промышленности Сибири. Роль региона в экономике России	129

6.2. Строительство Транссиба	143
6.3. Вклад политических ссыльных в общественную жизнь и культурное развитие Сибири в начале XX в.	156
7. Развитие сибирского регионализма.....	172
7.1. Феномен «областничества»	172
7.2. Евразийская цивилизация и культура. Идея «срединности»	180
8. Социально-экономическое развитие Сибири в советское время.....	189
8.1. Сибирь в поисках самоопределения. Распространение командно-административной системы	189
8.2. Сибирь в годы Великой Отечественной Войны.....	202
8.3. Сибирь в рамках правительственных стратегий «освоения»	214
9. Россия и Сибирь в конце XX – начале XXI в.	230
9.1. Сибирь в пространстве российского выбора.....	230
9.2. Экономическое и социокультурное развитие региона.....	235
Литература	245
Приложение. Справочные материалы.....	247

*Валентина Николаевна Максимова
Снежанна Валерьевна Ковригина
Василий Васильевич Кудряшов*

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Учебное пособие

*Отпечатано в авторской редакции
Компьютерная верстка А.В. Петухова*

Подписано в печать 07.06.2019
Формат 60×84^{1/16}
Печать трафаретная.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. печ. л. 11,9.
Заказ 113

*Электронная версия издания размещена
в локальной сети ФГБОУ ВО «БрГУ» в разделе «Библиотека»*

Отпечатано в издательстве ФГБОУ ПО «БрГУ»
665709, Братск, ул. Макаренко, 40